

С . Д Ж . Т Ю Д О Р

МЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

НЕКОТОРЫХ ОТВЕТОВ ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ...

Пятеро друзей — Эдди Мюнстр, Толстяк Гав, Железный Майки, Хоппо и Никки — давно вышли из того возраста, когда для общения используют зашифрованные послания, написанные цветными мелками. Но прошлое не стирается так же легко, как мел с пальцев. Сорокалетний Эд все еще помнит, как он и его школьный учитель спасли девушку Элайзу. И помнит ее обезглавленный труп, который нашли в лесу... Спустя годы Эд Адамс встречается с Майки, который заявляет, что вычислил убийцу Элайзы. На следующий день его самого находят мертвым, с нарисованным меловым человечком в кармане. Друзья понимают: то, от чего они бежали, вернулось. На память о прошлом у каждого из них остался не только мел под ногтями, но и кровь. Чья она?..

С. Дж. Тюдор
Меловой человек

Посвящается Бетти. Обеим

Пролог

Голова девушки лежала на кучке золотисто-коричневых листьев.

Ее миндалевидные глаза неотрывно смотрели на заросли сикоморов, буков и дубов, но, увы, не замечали, как нежные пальчики солнечного света пробирались сквозь листву и капали золотом на лесной ковер. Глаза ее не моргали, когда блестящие на солнце жучки ползали по зрачкам. Не видели ничего, кроме абсолютной тьмы.

Из-под савана листьев выглядывала бледная рука, как будто девушка молила о помощи или искала еще чью-то руку в надежде, что она здесь не одна. Но рядом никого не было. Другие части ее тела были разбросаны по лесу и тщательно спрятаны.

Рядом хрустнула ветка — так громко, словно взорвалась петарда. Стайка птичек с громким щебетом вспорхнула из подлеска.

Кто-то пришел. Кто-то опустился на колени рядом с невидящей девушкой. Кто-то нежно убрал волосы с ее лица и потрогал ледяную щеку дрожащими от нетерпения пальцами. А затем осторожно поднял ее голову, смахнул листья, прилипшие к шее, и бережно уложил в рюкзак, к нескольким сломанным палочкам мела.

Пораздумав секунду, человек снова полез в рюкзак и закрыл девушке глаза. После чего застегнул молнию, поднялся и ушел.

Несколько часов спустя приехали полицейские и судмедэксперты. Они все сосчитали, сфотографировали, проверили и наконец увезли тело девушки в морг, где оно и лежало несколько долгих недель в ожидании, когда найдутся все остальные его части.

Но этого так и не произошло. Сколько ни длились поиски, сколько ни обращались с вопросами и просьбами, несмотря на все усилия лучших детективов и всех горожан, голова так и не была найдена. Девушку из леса так и не смогли снова собрать воедино.

Начнем с начала.

Вот только есть одна проблема: мы до сих пор не можем решить, когда именно все это началось. В тот день, когда Толстяк Гав получил набор мелков на свой день рождения? Или когда мы стали рисовать меловых человечков? Или когда они стали появляться сами? Было ли это ужасным совпадением?

Или все это началось в тот день, когда нашли первый труп?

Думаю, любой из этих дней можно считать началом нашей истории. Но я полагаю, что все это началось на ярмарке. Тот день я помню лучше всего. По большей части из-за Девушки с Карусели, конечно. Но еще потому, что именно в тот день мир перестал быть нормальным.

Если представить себе, что этот самый мир — большой стеклянный шарик со снегом, то именно в тот день его схватил какой-то проходивший мимо бог, потряс от души и вернул на место. Даже после того, как снежные хлопья улеглись, всё уже просто не могло стать таким, как прежде. Сама суть вещей вокруг изменилась. Если смотреть на них сквозь стекло шарика, то они, наверное, остались неизменными. Но не внутри. Внутри все было уже иным.

Кстати, именно в тот день я встретил мистера Хэллорана.

Так что да, пожалуй, это начало — самое подходящее.

— Эдди, сегодня будет дождь.

Папа любил предсказывать погоду и всегда делал это ужасно авторитетным тоном, как люди в телике. Говорил он с абсолютной уверенностью, хотя почти всегда ошибался.

Я посмотрел в окно и взглянул на чистое голубое небо — такое ясное и яркое, что я даже чуточку прищурился.

— Да что-то не похоже, пап, — прошамкал я, уплетая сэндвич с сыром.

— Потому что никакого дождя не будет. — Мама появилась на кухне внезапно и бесшумно, прямо как ниндзя. — По Би-би-си сказали, что все выходные будет солнечная жаркая погода. И никогда не разговаривай с набитым ртом, Эдди! — добавила она.

— Хм-м, — протянул папа. Он всегда так делал, когда был не согласен с тем, что говорила мама, но не осмеливался сказать об этом вслух.

Никто из нас не осмелился бы ей перечить. Мама моя была — да и остается — довольно устрашающей женщиной. Тогда она была высокой, с короткими темными волосами и карими глазами. Бывало, в них кипело веселье. Но бывало и такое, что они внезапно темнели и становились почти черными, — если она злилась. Слыхали про Невероятного Халка? Та же история. Поверьте, вы не захотели бы увидеть мою маму в ярости.

А еще она тогда была доктором. Но не одним из тех нормальных врачей, которые пришивают людям конечности, делают уколы и все такое. Как однажды сказал мне папа, она «помогала женщинам, у которых случилась ситуация». Какая именно ситуация, он не объяснил, но, наверное, так себе ситуация, раз им приходилось обращаться к врачу.

У папы тоже была работа, но он работал из дома. Писал что-то для журналов и газет. Правда, не всегда. Иногда он просто ходил и ныл, что никто не дает ему работу. Или говорил с горькой усмешкой: «В этом месяце просто не моя аудитория, Эдди».

Когда я был ребенком, мне казалось, что работа у него не такая, «как надо». Не такая, какая должна быть у папы. Папы должны носить костюм с галстуком, уходить на работу утром и приходить вечером к чаю. Мой папа ходил на работу в соседнюю комнату, сидел за компьютером в пижамных штанах и футболке, а иногда даже забывал причесаться.

Да и выглядел он не так, как все остальные отцы. У него была длинная кустистая борода и длинные волосы, которые он собирал в хвост. Он даже зимой носил рваные джинсы и потертые футболки с логотипами древних рок-групп, вроде «Led Zeppelin» и «The Who». А иногда еще и сандалии.

Толстяк Гав говорил, что мой папа — «гребаный хиппи». Наверное, он был прав. Но тогда я посчитал это оскорблением и ударил его. Он, конечно, размазал меня, как букашку, и домой я притащился с синяками и окровавленным носом.

Потом мы помирились. Толстяк Гав иногда вел себя как засранец. Он был одним из тех шумных и несносных толстяков, которые порой затмевают настоящих хулиганов. Но все же он входил в число моих лучших друзей и к тому же был самым щедрым и сердечным человеком из всех, кого я знал.

— За друзьями нужно присматривать, Эдди Мюнстр, — торжественно сообщил он мне как-то раз. — Потому что друзья — это все.

Эдди Мюнстр — это мое прозвище. Потому что моя фамилия — Адамс, почти как в «Семейке Аддамс». ^[1] Конечно, пацана из «Семейки Аддамс» звали Пагсли, а Эдди Мюнстр

— это из «Мюнстеров»,^[2] но все равно вышло складно и со смыслом, и это прозвище тут же прилипло ко мне, как это и бывает с прозвищами.

Итак, Эдди Мюнстр, Толстяк Гав, Железный Майки (все из-за его гигантских брекетов), Хоппо (Дэвид Хопкинс) и Никки — вот кто входил в нашу банду. Никки кличку не получила, потому что была девчонкой, хотя изо всех сил делала вид, что это не так. Она ругалась, как пацан, лазила по деревьям, как пацан, и дралась не хуже, чем пацан, — ну, почти. И все же она была девчонкой. Кстати, очень хорошенькой: с длинными рыжими волосами и светлой кожей, усыпанной крошечными коричневыми веснушками. Не то чтобы я ее разглядывал...

Мы все должны были встретиться в эту субботу. Мы всегда встречались по субботам и ходили друг к другу в гости, на площадку, а иногда в лес. Но эта суббота была особенной. Все из-за ярмарки. Каждый год она приезжала в наш городок и располагалась в парке у реки. И в этом году нам впервые разрешили пойти туда без присмотра взрослых.

Мы ждали этого несколько недель, с тех пор, как в городе появились первые афиши. На ярмарке бывали аттракционы: автомобильный парк, «Метеорит», «Пиратский корабль» и «Орбитер». Выглядело это потрясно.

— Все! — Я разделался с сэндвичем так быстро, как только мог. — Мы с ребятами встречаемся в парке в два часа.

— Держись поближе к дороге, — тут же сказала мама. — Не сворачивай никуда и не разговаривай с незнакомцами.

— Не буду.

Я выскользнул из-за стола и пошел к выходу.

— И бананка!

— Ну ма-а-ам!

— Ты будешь кататься. Кошелек может выпасть из кармана. Бананка, и никаких возражений!

Я открыл было рот, но тут же снова захлопнул. И прямо чувствовал, как кровь приливает к щекам. Как же я ненавижу эту идиотскую сумку! Только жирдяи-туристы носят на поясе эти проклятые бананки. Это не клево. Никто не подумает, что это клево, особенно Никки. Но когда мама становилась такой, с ней действительно невозможно было спорить.

— Хорошо.

Ничего хорошего в этом не было, но стрелка кухонных часов неумолимо приближалась к двум, так что мне пора было шевелиться. Я взбежал по лестнице, схватил дурацкую бананку и сунул в нее деньги. Целых пять фунтов. Прямо-таки состояние. А затем снова сбежал вниз.

— Пока, увидимся!

— Хорошо повеселиться!

Это уж без сомнений, в этом я не сомневался. Яркое светило солнце. На мне были моя любимая футболка и кеды. Я уже слышал ритм ярмарочной музыки, чуял запах бургеров и сахарной ваты. Сегодняшний день обещал быть идеальным.

Толстяк Гав, Хоппо и Железный Майки уже ждали меня у ворот.

— Эй, Эдди Мюнстр! Потрясная сумочка! — крикнул мне Толстяк Гав.

Я залился багровым румянцем и показал ему средний палец. Хоппо и Железный Майки издевательски заржали. Но затем Хоппо, который среди нас был самым милым и мирным парнем, сказал ему:

— По крайней мере она не такая пидорская, как твои шортики, козел.

Толстяк Гав ухмыльнулся, ухватился за края шорт и засеменял на месте, высоко задирая свои мясистые ноги, прямо как балерина. Имел он такую особенность. Его вообще невозможно ничем задеть, потому что ему на все наплевать. Ну или, по крайней мере, именно это он всем внушал.

— Да без разницы, — сказал я, потому что, несмотря на слова Хоппо, мне все равно казалось, что бананка выглядит по-идиотски. — Носить я ее все равно не буду.

Я расстегнул поясную сумку, сунул кошелек в карман шорт и огляделся. Парк опоясывала толстая живая изгородь. Я сунул бананку в кусты. Ее не было видно со стороны, но я все равно знал, где она, и решил, что заберу ее попозже.

— Уверен, что хочешь оставить ее здесь? — спросил меня Хоппо.

— Да, а вдруг твоя мамочка узнает? — ехидно поинтересовался Железный Майки — нараспев, как он любил.

Хоть он и был частью нашей банды и лучшим другом Толстяка Гава, мне он никогда особенно не нравился. Была в нем какая-то черта, уродливая и ледяная, точь-в-точь как скобки у него во рту. Хотя, если учесть, что собой представлял его брат, это и неудивительно.

— Мне наплевать, — солгал я и пожал плечами.

— Как и всем нам! — сочувственным тоном сказал мне Толстяк Гав. — Может, уже забудем про сраную сумку и пойдем? Сначала я хочу на «Орбитер»!

Железный Майки и Хоппо двинулись за ним — обычно мы всегда делали именно то, чего хотел Толстяк Гав, потому что среди нас он был самым большим и самым громким.

— Но Никки же еще нет! — напомнил я.

— И что? — спросил Железный Майки. — Она вечно опаздывает. Пошли, сама нас найдет.

Майки был прав. Никки всегда опаздывала. С другой стороны, не дело это. Мы должны были держаться вместе. В одиночку на ярмарке опасно. Особенно если ты девчонка.

— Дадим ей пять минут, — настаивал я.

— Да ты шутишь! — воскликнул Толстяк Гав, старательно, но совершенно фальшиво подражая акценту Джона Макинроя.^[3]

Он обожал говорить с акцентом. Чаще всего с каким-нибудь американским. Получалось у него настолько плохо, что мы вечно покатывались со смеху.

Железный Майки не смеялся так громко, как мы с Хоппо. Ему не нравилось, когда банда настраивалась против него. Но это в любом случае было не важно, потому что знакомый голос вдруг произнес: «Чего ржете?», и наш смех оборвался.

Мы обернулись. Никки поднималась по холму — прямо к нам. И, как всегда при виде этой девчонки, я ощутил, как мой желудок свернулся. Как будто я одновременно почувствовал себя ужасно голодным и немножко больным.

Сегодня ее рыжие волосы были распущены и струились по спине, достигая почти самых краев потертых джинсовых шорт. На ней была желтая майка без рукавов. На шее виднелось ожерелье из голубых цветочков. А еще там заметно блестело серебро. Я увидел маленький крестик на цепочке. Ее плечо оттягивала большая и, судя по виду, тяжелая сумка из мешковины.

— Ты опоздала, — сказал Железный Майки. — Но мы тебя ждали.

Как будто это была его идея.

— А что в сумке? — спросил Хоппо.

— Папа попросил, чтобы я отнесла на ярмарку это барахло.

Она достала из сумки флаер и показала нам: «Приходите в церковь Святого Томаса и вознеситесь к Богу. Молитва — самый захватывающий аттракцион!»

Отец Никки служил vikarием в местной церкви. Я сам никогда там не был — мои родители таким не увлекаются, — но пару раз сталкивался с ним в городе. Он всегда носил маленькие круглые очки. Его лысину покрывали веснушки — точно такие же, какие красовались на носу у Никки. А еще он всегда улыбался и здоровался. Этим он меня пугал.

— День превращается в кучу дерьма, старина, — сказал Толстяк Гав.

«Куча дерьма» или «вонючее дерьмо» — излюбленные фразочки Гава. Он всегда произносил их пафосным тоном и прибавлял к ним «старина». Черт знает почему.

— Ты же не собираешься и правда это раздавать? — спросил я и внезапно представил себе, как мы весь день таскаемся за Никки и смотрим, как она раздает листовки. Кошмар.

— Нет, конечно, Джои,^[4] — сказала она. — Просто возьмем немного и раскидаем, как будто их кто-то выбросил, а остальные сунем в какую-нибудь урну.

Мы заулыбались. Нет ничего лучше, чем обвести какого-нибудь взрослого вокруг пальца и сделать что-нибудь непопозвоженное.

Мы разбросали листовки, избавились от сумки и наконец занялись делом. «Орбитер» (он и правда был просто класс), потом — автопарк (Толстяк Гав врезался в меня так, что, клянусь, я услышал, как у меня хрустнул позвоночник), «Космические ракеты» (в том году они казались здоровскими, но в этом уже было скучновато), потом «Шалтай-Болтай», а затем «Пиратский корабль».

После мы ели хот-доги, Толстяк Гав и Никки пытались выловить удочками уток из резинового пруда и узнали суровую правду жизни о том, что полученный приз очень часто оказывается не тем, чего ты желал. Они выиграли кучу страшеньких плюшевых игрушек и ушли оттуда, смеясь и бросаясь ими друг в друга.

К тому моменту день уже близился к закату. Наш восторг начал потихоньку остывать. Да и я неожиданно осознал, что только у меня остались деньги еще на парочку аттракционов.

Я сунул руку в карман. Мое сердце подпрыгнуло и застряло в горле. В кармане было пусто.

— Черт!

— Что такое? — спросил Хоппо.

— Мой кошелек! Я его потерял!

— Ты уверен?

— Черт, конечно, я уверен!

Но на всякий случай я проверил и второй карман. В обоих было пусто. Вот дерьмо.

— Так, вспомни, когда ты доставал его в последний раз? — спросила Никки.

Я попытался вспомнить. Он точно был на месте, когда мы вышли с последнего аттракциона: я проверял. Потом мы пошли за хот-догами. Уток я ловить не стал, так что...

— Тележка с хот-догами.

Тележка с хот-догами стояла на другом конце ярмарки, напротив «Орбитера» и «Метеорита».

— Черт! — снова выругался я.

— Пошли, — сказал Хоппо. — Пошли проверим!

— А какой смысл? — спросил Железный Майки. — Кто-то уже наверняка его подобрал.

— Хочешь, могу занять тебе денег? — предложил Толстяк Гав. — Но у меня немного осталось.

Я был почти уверен, что он врет. У Толстяка Гава всегда водилось больше денег, чем у кого-либо из нас. А еще он всегда имел лучшие игрушки, а также новый сверкающий велосипед. Его отец был владельцем одного из местных пабов под названием «Бык», а его мама продавала косметику «Эйвон». Предложение Толстяка Гава являлось очень щедрым, но в то же время я знал, что он и сам хочет еще разок прокатиться на аттракционах.

Я покачал головой и ответил:

— Спасибо, не нужно. Все хорошо.

Совсем не хорошо! Я прямо ощущал, как в глазах у меня закипают слезы. И дело было не только в потерянных деньгах. Я чувствовал себя идиотом, потому что сам испортил себе день. А еще я знал, что мама проест мне дырку в голове, повторяя: «Я тебе говорила!»

— Вы идите, — сказал я. — А я вернусь и поищу. Нет смысла всем терять время.

— Тогда клево! — отозвался Железный Майки. — Пошли.

И они все ушли. Причем с явным облегчением. Конечно, это ведь не их деньги пропали и не их день пошел псу под хвост. А я поплелся по парку назад, в сторону тележки с хот-догами. Я помнил, что она стояла прямо напротив карусели, и использовал эту карусель как ориентир. Старую добрую карусель с лошадками в самом центре ярмарки просто невозможно не заметить.

Громкая музыка рвалась из старых динамиков. Мелькали разноцветные огни. Наездники кричали. Деревянная карусель как раз набирала скорость.

Подойдя достаточно близко к этому месту, я тут же принялся внимательно обшаривать взглядом землю. Мне на глаза попадался всякий мусор и обертки от хот-догов, но кошелек нигде не было. Ну конечно. Железный Майки был прав. Кто-то наверняка уже подобрал его и стащил мои деньги.

Я вздохнул и поднял голову.

И тогда я заметил его. Бледного Типа. Конечно, это было не его настоящее имя. Уже потом я узнал, что его зовут мистер Хэллоран и он — наш новый учитель.

Бледного Типа трудно было не заметить. Очень высокий и очень худой, он носил застиранные до белизны джинсы, мешковатую белую рубашку и большую соломенную шляпу. Он выглядел как тот древний музыкант из семидесятых, которого обожает моя мама. Дэвид Боуи.^[5]

Бледный Тип стоял у тележки с хот-догами, потягивал через трубочку какой-то липкий на вид синий коктейль и наблюдал за каруселью. Ну, или мне так казалось.

Я поймал себя на том, что смотрю в ту же сторону, и внезапно заметил у карусели девушку. Я все еще был очень расстроен из-за потери кошелька, но при этом оставался обычным двенадцатилетним мальчишкой, и в то лето у меня как раз начали бушевать гормоны. Не все ночи я проводил, читая комиксы с фонариком под одеялом.

Девушка разговаривала со своей светловолосой подружкой. Кажется, я знал ее или видел в городе, ее папа был копом или кем-то в этом роде, но я тут же о ней забыл. Печально, но красота, настоящая красота частенько затмевает все и вся.

Блондинка была красива, но Девушка с Карусели — про себя я потом всегда называл ее именно так, даже после того, как узнал ее настоящее имя, — она была просто прекрасна. Высокая, стройная, с длинными темными волосами и еще более длинными ногами, такими

гладкими и загорелыми, что они даже немножко сияли на солнце. На ней была оборчатая юбочка, а также мешковатая футболка поверх блестящего зеленого лифчика. На футболке виднелась надпись Relax. Она заправила волосы за ухо, и сережка в форме гигантского золотого кольца сверкнула на солнце.

Мне немного неловко признавать, что я не сразу обратил внимание на ее лицо. Однако, когда она обернулась к Блондинке, я увидел его и не был разочарован. Оно тоже казалось душераздирающе красивым — с пухлыми губами и раскосыми миндалевидными глазами.

А потом его не стало.

Всего одно мгновение. В это мгновение она стояла там и я видел ее лицо, а потом раздался жуткий грохот и скрежет, как будто из недр земли вырвалось какое-то чудовище. Это уже потом я узнал, что кольцо на оси старой карусели не выдержало, — слишком много лет ее использовали на всю катушку и почти не следили за ее состоянием. Тогда же я увидел лишь вспышку серебра, а затем лицо девушки, точнее, половина ее лица оказалась просто срезана. Я увидел зияющую дыру, а в ней — месиво из мяса, кости и крови.

Кровь. Сколько крови...

Долю секунды спустя, до того как я успел открыть рот и заорать, мимо меня пронеслось нечто гигантское и пурпурное. А затем раздался оглушительный грохот и сорвавшаяся с оси карусель обрушилась прямо на тележку с хот-догами, окатив нас градом из железных и деревянных обломков. Еще громче кричали разбежавшиеся кто куда люди. Кто-то сбил меня с ног, и я упал на землю.

На меня падали другие. Чья-то нога отдала мне запястье. Чье-то колено врезало по голове. Ботинок ударил под ребра. Я вскрикнул, но каким-то образом умудрился подняться и перевернуться. И вскрикнул еще раз, потому что увидел прямо у себя под носом Девушку с Карусели. К счастью, волосы закрывали ее лицо, но я все равно узнал футболку и блестящий лифчик — даже несмотря на то, что все это было залито кровью. Еще больше крови было на ее ноге, потому что второй кусок металла пробил ее прямо под коленом, прошив кость. Нижняя часть ноги держалась на одних сухожилиях.

Я начал отползать — она ведь была мертва, уж точно мертва, и я ничего не мог с этим поделать. Но тут вдруг ее рука вцепилась в меня. Девушка повернула ко мне свое окровавленное изувеченное лицо. Из красного месива на меня взглянул единственный уцелевший карий глаз. Другой болтался в раскुरоченной щеке.

— Помоги мне, — просипела она. — Помоги!

Я хотел сбежать. Хотел орать, рыдать и блевать одновременно. И так бы, наверное, и случилось, если бы в этот момент другая рука, большая и крепкая, не схватила меня за плечо и мягкий голос не шепнул мне на ухо:

— Все хорошо. Я знаю, что тебе страшно, но очень важно, чтобы ты сейчас послушал меня и сделал все в точности, как я тебе скажу.

Я рывком обернулся. На меня смотрел Бледный Тип. Только в тот момент я понял, что его лицо под широкополой шляпой было почти таким же белым, как его рубашка. Даже его глаза казались затуманенными и прозрачно-серыми. Он походил на призрака или вампира, и в другой ситуации я бы, наверное, здорово испугался. Но в тот момент я видел в нем только взрослого, в котором нуждался, который сказал бы мне, как поступить.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Эд-ди.

— Ты не ранен, Эдди?

Я потряс головой.

— Хорошо. Но эта девушка — да, так что нам нужно ей помочь. Ты согласен?

Я кивнул.

— Вот что тебе нужно сделать: держи ее ногу. Держи крепко-крепко!

Он взял обе мои ладони и сжал ими ногу девушки. Она была горячей и липкой от крови.

— Держишь?

Я кивнул еще раз, чувствуя горький металлический привкус страха во рту. А еще — как кровь струится между пальцами, хоть я и сжимал ее ногу так крепко, как только мог.

На расстоянии куда большем, чем было на самом деле, я слышал пульсацию музыки и радостные крики. Девушка перестала кричать. Она лежала неподвижно и тихо, доносилось только ее рваное дыхание. Но даже оно затихало...

— Эдди, сосредоточься! Слышишь меня?

— Да.

Я уставился на Бледного Типа. Он выдернул ремень из джинсов. Это был длинный ремень. Слишком длинный для его тощей талии, он даже проделал в нем несколько дырок, чтобы затянуть потуже.

Поразительно, какие странные вещи мы замечаем в самые жуткие моменты. Например, я внезапно увидел, что с ноги Девушки свалилась туфелька. Резиновая розовая туфелька, вся в блестках. А потом подумал, что она ей теперь и не понадобится, ногу-то почти пополам разорвало!

— Ты со мной, Эдди?

— Да.

— Хорошо. Мы почти закончили. У тебя отлично выходит!

Бледный Тип затянул пояс вокруг бедра девушки. Очень туго. Он оказался куда сильнее, чем выглядел. И почти сразу же я почувствовал, как ток крови замедлился.

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Можешь уже отпустить. Я держу.

Я убрал руки. Теперь, когда напряжение схлынуло, они внезапно начали крупно дрожать и я обхватил себя, сунув ладони под мышцы.

— С ней все будет хорошо?

— Не знаю. Хорошо, что мы спасли ногу.

— А лицо? — прошептал я.

Он посмотрел на меня, и что-то во взгляде его прозрачно-серых глаз меня успокоило.

— Ты видел его, да?

Я открыл было рот, но так и не нашел что сказать, потому что не понял, почему из его голоса вдруг пропало все тепло. Он отвернулся и тихо произнес:

— Она будет жить. Это самое главное.

В этот момент над нами с треском прокатился раскат грома и на землю упали первые капли.

Думаю, именно тогда я впервые понял, что мир может измениться буквально за секунду. Все, что мы принимали как должное, могут внезапно вырвать у нас из рук. Наверное, поэтому я тогда стащил эту вещицу. Мне нужно было держаться за что-то реальное. Сбереечь эту вещь. По крайней мере именно так я сказал сам себе.

Но, как и в случае со всем, что мы обычно говорим себе, на поверку это оказалась просто куча дерьма.

Местная газета назвала нас обоих героями. Газетчики даже заставили нас с мистером Хэллораном вернуться в парк и сделали несколько фото.

Удивительно то, что два человека уцелели под взбесившейся каруселью и отделались ушибами и синяками. Несколько зевак получили порезы, на которые тут же наложили швы. Некоторым в давке помяли ребра.

Даже Девушка с Карусели (которую на самом деле звали Элайза) выжила. Врачам удалось пришить ее ногу на место и даже каким-то образом спасти ей глаз. Газеты называли это чудом. Про остальную часть ее лица они ничего не сказали.

Со временем, как это обычно и бывает с драмами и трагедиями, интерес к этому случаю стал потихоньку угасать. Толстяк Гав перестал отпускать дешевые шуточки (в основном связанные с отсутствием ног), а Железному Майки надоело называть меня Героическим Мальчиком и спрашивать, где мой плащ. Другие новости и сплетни вытеснили случившееся. На трассе А36 произошла жуткая авария, в которой погибла кузина одного из учеников нашей школы. А затем еще и Мэри Бишоп забеременела, а ведь она училась в последнем классе. Короче говоря, жизнь продолжалась.

Я не особенно переживал из-за этого. Вся история здорово меня утомила. Я ведь не был тем, кому нравится быть в центре внимания. К тому же чем меньше я об этом говорил, тем реже мне приходилось вспоминать искромсанное лицо Девушки с Карусели. Ночные кошмары тоже почти прошли. Я стал реже пробираться по ночам в ванную, скомкав свои секреты в простыне.

Мама несколько раз спрашивала меня, не хочу ли я навестить Девушку в больнице. Я всегда отвечал, что нет. Я не хотел ее видеть. Не хотел видеть ее изуродованное лицо. Не хотел, чтобы ее карие глаза посмотрели на меня с упреком, словно говоря: «Я знаю, что ты собирався сбежать оттуда, Эдди. Перед тем как мистер Хэллоран поймал тебя, ты хотел оставить меня умирать!»

Думаю, мистер Хэллоран навещал ее, и довольно часто. У него находилось для этого время. К своим учительским обязанностям он должен был приступить только в сентябре. Видимо, он специально пораньше переехал в свой съемный коттедж, чтобы успеть прижиться в городе.

Пожалуй, это была хорошая идея. Он дал людям возможность привыкнуть к себе и отвести все вопросы еще до того, как впервые войдет в класс.

Почему у него такая кожа?

«Просто он альбинос», — терпеливо объясняли взрослые. Это значит, что в его организме отсутствует какой-то «пигмент», который и придает коже большинства людей розовый или коричневый цвет.

А с глазами что?

То же самое и с глазами. В них просто отсутствует пигмент.

Так, значит, он не урод, не чудовище и даже не призрак?

Нет. Обычный человек. Просто у его организма есть такая особенность.

Так вот, все они ошибались. Мистера Хэллорана можно было назвать каким угодно человеком, но точно не «обычным».

Это письмо приходит неожиданно, без фанфар и ковровых дорожек. Ничто не предвещало беды.

Оно просто проскальзывает в почтовую щель, зажатое, как в бутерброде, между письмом из благотворительного фонда Макмиллана и флаером новой службы доставки пиццы.

Кто вообще, черт подери, в наше время шлет бумажные письма? Даже у моей семидесятивосьмилетней матери есть электронная почта, аккаунты в «Твиттере» и «Фейсбуке». Честно говоря, она намного более продвинутая, чем я. Я вообще немного луддит.^[6] Мои ученики без конца удивляются, что я воспринимаю все эти разговоры о «Снэпчате», «фолловерах», «тэгах» и «Инстаграме» как болтовню на иностранном языке. «А я-то думал, что учу их английскому», — вот как я частенько говорю. И я не имею ни малейшего понятия, о чем они болтают, черт бы их побрал.

Я не могу разобрать почерк на конверте, но я и свой с трудом понимаю. Мы теперь живем в мире клавиатур и сенсорных экранов. Сидя за кухонным столом и потягивая кофе, я распечатываю конверт и извлекаю из него содержимое. Хотя нет, вру. Я действительно сижу за столом и действительно изучаю письмо, но кофе просто стоит рядом и медленно остывает.

— Ну и что это такое?

Я вздрагиваю и оглядываюсь. В кухню входит Хлоя — она зевает и все еще выглядит помятой со сна. Крашенные черные волосы распущены, рваная челка стоит торчком, так, словно ее лизнула корова. На ней старая толстовка с логотипом «Cure», а на лице виднеются остатки вчерашнего макияжа.

— Гляди, — говорю я, помахивая письмом. — Это называется «письмо». В былые времена при помощи этих шгук люди общались между собой.

Она награждает меня уничтожающим взглядом и показывает средний палец:

— Я знаю, ты что-то говоришь, но все, что я слышу, — это «бла-бла-бла»!

— Вот главная проблема молодежи. Вы просто не слушаете.

— Эд, я, конечно, понимаю, что ты мне в отцы годишься, но почему ты нудишь, как мой дед?

Она права. Мне сорок два, а Хлое за двадцать. Наверное. Она никогда не говорит, сколько ей лет, а я слишком джентльмен, чтобы спрашивать. Разница между нами не так уж и велика, но иногда кажется, будто нас разделяет несколько десятков лет.

Хлоя — юная, крутая и вполне может сойти за подростка. А я — не уверен, но, наверное, мог бы сойти за пенсионера. Мягко говоря, меня уже можно назвать потрепанным. Заботы и переживания не особенно щадили меня. Мои волосы все еще густые и почти черные, но морщины от смеха вокруг рта уже не кажутся забавными. Как и многие высокие люди, я сутулюсь. Хлоя называет мою любимую одежду «нищебродским шиком» — сплошь костюмы, жилеты и туфли. У меня, конечно, есть джинсы, но на работу я их не надеваю, разве что в те дни, когда хочу спрятаться от всех в своем кабинете. А работаю я почти всегда, даже занимаюсь репетиторством на каникулах.

Это потому, что мне нравится преподавать, и я не уверен, что кто-то еще так же сильно любит свою работу, как я. А я люблю, потому что мне нужны деньги. И как раз по этой

причине Хлоя здесь живет. Она снимает у меня жилье. Мы друзья. Надеюсь.

Надо сказать, мы очень странная парочка. Обычно я не пускаю к себе таких жильцов. Но меня как раз подвел очередной потенциальный съемщик, а дочь моего знакомого знала «одну девчонку», которая срочно нуждалась в жилье. Мы сговорились. Идея была неплоха. Как и идея завести себе компанию. Наверное, это странно, что я вообще искал жильца? Я ведь довольно неплохо зарабатываю. К тому же дом, в котором я живу, достался мне от матери. Уверен, большинство думает, что это, должно быть, очень спокойная и свободная от всяких выплат по ипотекам и прочему жизнь.

Печальная правда заключается в том, что этот дом был куплен, когда процентная ставка представляла собой двузначное число. Мы заложили дом один раз, чтобы сделать ремонт, а потом еще раз, чтобы оплатить лечение отца, когда стало ясно, что умирать дома слишком дорого.

Мы с мамой долгое время жили вдвоем. А пять лет назад она встретила Джерри, веселого экс-банкира, который очень хотел удрать подальше от всего и своими руками построить экологически чистое жилье где-то в графстве Уилтшир, на природе. Не имею ничего против Джерри. «За» тоже ничего не имею, но, похоже, мама с ним счастлива, а это, как мы любим себе врать, — самое главное.

Думаю, часть меня, даже несмотря на то, что мне уже сорок два, просто противится тому, чтобы мама была счастлива с каким-то другим мужчиной, кроме папы. Знаю, это так по-детски, незрело и эгоистично. В этом я хорош.

К тому же в семьдесят восемь лет маме вдруг стало решительно наплевать на все. Конечно, она не говорила этого, когда собралась переехать к Джерри, но подтекст я уловил:

— Я просто хочу убраться отсюда подальше, Эд. Тут слишком много воспоминаний.

— Ты хочешь продать дом?

— Нет. Я хочу, чтобы он достался тебе. Немного любви и заботы, и из него выйдет чудное семейное гнездышко.

— Мам! У меня и девушки-то нет, о какой семье мы говорим?

— Никогда не поздно, знаешь ли.

Я ничего не ответил.

— Не хочешь жить в этом доме — можешь его продать.

— Дело не в этом. Я... я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— От кого письмо? — спрашивает Хлоя, подходит к кофемашине и ставит в нее кружку.

Я засовываю письмо в карман халата.

— Не важно.

— О-о-о, интрига!

— Не совсем. Просто это... старый знакомый.

Она приподнимает бровь:

— Что, еще один? Слушай, они как грибы. Я и не знала, что ты был такой звездой.

Я хмурюсь, но тут же вспоминаю, как рассказывал ей о том, что ко мне на ужин придет гость.

— Какой удивленный тон!

— Да, удивленный. Для такого нелюдимого типа у тебя как-то многовато друзей.

— Все мои друзья здесь, в Эндерберри. И ты их знаешь. Это Гав и Хоппо.

— Они не в счет.

— Почему?

— Потому что они — не друзья. Вы просто знаете друг друга всю жизнь, вот и все.

— Именно таких людей и называют «друзьями», разве нет?

— Нет. Таких людей называют «узким кругом». Вы вынуждены общаться, потому что привыкли к этому, потому что у вас есть общее прошлое, но не потому, что очень этого хотите.

Она была права. В каком-то смысле.

— Не важно. — Лучше сменить тему. — Я пойду собираться. Мне нужно в школу.

— Сейчас же каникулы!

— Вопреки расхожему мнению, работа учителя не заканчивается с наступлением летних каникул.

— Никогда не думала, что ты — фанат Элиса Купера.^[7] Я была о тебе лучшего мнения.

— Мне нравится его музыка, — невозмутимо отзываюсь я.

На лице Хлои появляется та самая кривая улыбочка, которая чудесным образом превращает ее простоватые черты в совершенно очаровательные. Есть такие женщины. Поначалу они могут казаться необычными, даже немного странными, но затем — всего одна мимолетная улыбка или приподнятая бровь, и они преображаются.

Думаю, я немного влюблен в нее, хотя никогда в этом не признаюсь. Я знаю, что для нее я скорее дядюшка-опекун, чем потенциальный парень. А я не хочу внушать ей дискомфорт и мысли, что я испытываю к ней нечто большее, чем отцовскую любовь. К тому же мне прекрасно известно, что в таком маленьком городке отношения со столь юной особой могут быть истолкованы неверно.

— Ну и когда придет этот твой «старый знакомый»? — спрашивает она, усаживаясь со своим кофе за стол.

Я отодвигаю стул и встаю.

— Около семи. — Молчу пару секунд. — Будем рады, если ты присоединишься к нам.

— Спасибо, но я пас. Не хочу портить ваш вечер воспоминаний.

— О'кей.

— Может, в другой раз. Судя по тому, что я прочитала, он вроде бы интересный персонаж.

— Да. — Я выдавливаю из себя улыбку. — Интересный — не то слово.

Школа находится в пятнадцати минутах бодрой ходьбы от моего дома. Но сегодня, в такой приятный и теплый летний день, укрытый под тонким слоем облаков, пересеченных редкой лазурью, этот путь превращается в прогулку. Отличная возможность немного привести мысли в порядок перед работой. В учебный семестр это полезная привычка. Многих детей из Академии Эндерберри, у которых я преподаю, можно назвать «сложными». Во времена моей молодости их бы назвали «кучкой мелких засранцев». Иногда я подолгу настраиваюсь перед встречей с ними. А когда и это не помогает, единственное, что меня спасает, — это рюмка водки, выплеснутая в утренний кофе.

Как и многие другие маленькие города, Эндерберри может показаться неискушенному глазу прекрасным местом для жизни. Сплошь изящные улочки, вымощенные булыжником дороги, чайные магазинчики и собор со своей историей. Дважды в неделю здесь появляется уличный рынок, повсюду — уйма очаровательных парков и возможностей полюбоваться речными видами. Если немного проехать на машине, можно с легкостью попасть на песчаные пляжи Борнмута или на открытую пустошь Нью-Форест. Однако, если скосырнуть верхний слой, можно с такой же легкостью убедиться, что все это — лишь глазурь для

туристов. Занятость здесь привязана к определенному сезону, и уровень безработицы очень высок. Толпы неприкаянной молодежи постоянно шатаются по магазинам и паркам. Шестнадцатилетние мамы возят по главной улице орущих младенцев в колясках. Это, конечно, не такое уж обычное явление, но в последнее время оно стало довольно частым. Или это только мне так кажется. Ведь весьма нередко с возрастом приходит не мудрость, а нетерпимость.

Я дохожу до ворот парка Олд-Мидоу. Это земля моего детства. Она определенно изменилась с тех пор. Здесь появился скейт-парк, а та игровая площадка на другом конце парка, где частенько зависала наша «банда», сменилась более современной и модернизированной зоной отдыха. Появились качели на веревках, огромная горка-тоннель, спуски на канатах и куча всевозможных классных шпук, о которых мы и мечтать не могли, когда были детьми.

Странно, но старая игровая площадка тоже никуда не делась — она все еще находилась там, заброшенная и запущенная. Домик весь проржавел, тросы качелей кто-то спутал и обмотал вокруг рамы, а некогда яркая краска на деревянной карусели пошла пузырями и облупилась. Теперь ее покрывали граффити, сделанные теми, кто и сам уже давным-давно позабыл, почему Хелен — сучка и почему они когда-то обвели имя Энди В. сердечком.

Я стою возле этой площадки пару минут. Просто смотрю и вспоминаю...

Слабый скрип качелей, покусывающий холодок раннего утра, крошки белого мела на черном асфальте. Еще одно послание. Но на этот раз другое. Это не меловой человек, это... что-то иное.

Я резко оборачиваюсь. Только не сейчас! Только не снова! Я не хочу, чтобы меня опять втянули во все это...

В школе я не задерживаюсь надолго. Заканчиваю все дела еще до обеда, собираю книги, запираю дверь и снова иду в центр.

«Бык» все еще стоит на углу главной улицы. Последний из «коренного населения». Раньше в Эндерберри было еще два паба, «Дракон» и «Уитчиф», а затем сюда въехала новая сеть. Старые заведения начали закрываться одно за другим, и родителям Гава пришлось урезать цены. Они позволили устраивать в пабе девичники, ввели «счастливые часы» для посетителей и «семейные дни» — что угодно, лишь бы выжить.

В конце концов они поднакопили денег, переехали на Майорку и открыли там бар «Бритц». Гав, который работал в «Быке» на полставки с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать, получил полную власть над пивными бочонками и остался среди них навсегда.

Я толкаю тяжелую дверь и вхожу внутрь. Хоппо и Гав сидят за нашим столом в углу у окна — как и всегда. Гав все такой же огромный — и именно по этой причине мы еще не забыли, почему в детстве звали его Толстяком, — однако теперь его жир превратился в мышцы. Его руки, сплошь испещренные толстыми венами, похожи на стволы деревьев. Лицо у него грубое, как будто вытесанное из камня, а короткие волосы поседели, и их стало намного меньше.

Хоппо почти не изменился. На нем его обычная роба водопроводчика, и если немного прищуриться, то его с легкостью можно принять за двенадцатилетнего мальчишку, стащившего отцовскую одежду.

Они увлечены каким-то разговором и почти не притронулись к стоящим перед ними напиткам. «Гиннесс» для Хоппо и диетическая кола для Гава — он редко пьет.

Я заказываю «Тэйлор Милд» у угрюмой девушки за стойкой. Она хмурится — сначала

на меня, а потом — на пивной бочонок, так, словно тот ее смертельно обидел.

— Нужно поменять бочонок, — ворчит она.

— Хорошо.

Я жду. Она возводит глаза к потолку.

— Я принесу вам.

— Спасибо.

Отворачиваюсь и прохожу вглубь бара. Оглянувшись на ходу, я вижу, что девица даже с места не сдвинулась. Я присаживаюсь на шаткий стул рядом с Хоппо.

— Добрый вечер.

Они поднимают головы, и я тут же понимаю: что-то не так. Что-то случилось. Гав неожиданно отталкивается от стола. Его мускулистые руки резко контрастируют с обрюзгшим телом, покоящимся в инвалидной коляске.

Я разворачиваюсь на стуле:

— Гав. Что...

Его кулак взлетает к моему лицу, и моя левая щека взрывается от боли. Я падаю на пол.

Он смотрит на меня сверху вниз:

— И давно ты узнал?

И хотя Толстяк Гав являлся негласным лидером нашей банды, к тому же самым здоровенным среди нас, он был самым младшим.

Его день рождения приходился на начало августа, на летние каникулы. И мы все этому жутко завидовали. Особенно я. Ведь я был самым старшим. Впрочем, мой день рождения тоже выпадал на каникулы — я родился за три дня до Рождества. А это означало, что я никогда не получал два настоящих подарка — или один большой, или все же два, но так себе.

А вот Толстяк Гав всегда получал кучу подарков. И не только потому, что его родители были такими крутыми, а еще и потому, что у него был целый миллион родственников. Сплошные тетушки, дядюшки, кузены, дедушки, бабушки, прадедушки и прабабушки. Этому я тоже немного завидовал. У меня были только мама, папа и бабушка, но с ней мы виделись очень редко, потому что она жила далеко и «маленько свихнулась» в последнее время, как часто говорил папа. В гостиной у нее всегда было жарко и чем-то воняло, а по телевизору вечно шел один и тот же фильм.

— Правда, Джули Эндрюс^[8] красавица? — вздыхала она, глядя в телевизор затуманенным взором. Мы все в этот момент обычно кивали, говорили: «Да, конечно!» и пытались жевать сухое печенье в форме танцующих оленей.

Родители Гава каждый год устраивали для него шикарную вечеринку. В этом году они решили сделать барбекю. Говорили, что будет фокусник, а потом дискотека.

Моя мама, увидев приглашение, первым делом возвела глаза к потолку. Я знал, что ей не нравятся родители Гава. Однажды я слышал, как она сказала папе, что они «ведут себя как заразы». Повзрослев, я понял, что на самом деле она сказала «напоказ», но в течение долгих лет я думал, что она считает, будто они разносят какую-то странную инфекцию.

— Дискотека, Джефф? — спросила она у папы странным тоном. Я не мог понять, хороший он или нет. — Что ты об этом думаешь?

Папа отвлекся от раковины, в которой мыл посуду, и уставился на флаер.

— Звучит весело, — сказал он.

— Ты не пойдешь, пап, — встрял я. — Это вечеринка для детей. Тебя не приглашали.

— Вообще-то приглашали, — сказала мама и взмахнула флаером. — «Мамы и папы, приходите и приносите сосиски».

Я перечитал приглашение и нахмурился. Мне эта идея такой веселой не показалась. Совсем.

— Что ты подаришь Гаву на день рождения? — спросил меня Хоппо.

Мы сидели в парке на лестнице, болтали ногами и ели замороженную колу. Мерфи, старый черный лабрадор Хоппо, дремал в тени под нами, на земле.

Дело было в конце июля, почти через два месяца после того ужасного дня на ярмарке и за неделю до дня рождения Толстяка Гава. Все вроде бы вернулось на круги своя, и я был очень этому рад. Я не принадлежал к тем детям, которым нравятся острые ощущения и драмы, — был и остаюсь тем, кому вполне по душе обычная рутина. Даже когда мне было двенадцать, в моем ящике с носками царил порядок, все книжки и кассеты разложены в алфавитном порядке. Возможно, потому, что все остальные вещи в моем доме постоянно пребывали в состоянии хаоса. Для начала, даже сам дом не был до конца достроен. Это

обстоятельство, в числе прочих, отличало моих родителей от родителей всех остальных детей, которых я знал. Не считая Хоппо, который жил со своей мамой в старом домике с террасой, большинство детей из нашей школы обитали в симпатичных современных домах с аккуратными квадратными садами — совершенно одинаковыми.

Мы жили в старом и уродливом викторианском доме, который со всех сторон окружал лес. На заднем дворе раскинулся гигантский сад, границу которого я так и не смог найти. А на втором этаже как минимум в двух комнатах на потолке зияли такие большие дыры, что сквозь них можно было увидеть небо.

Родители купили эту викторианскую развалину, когда я был совсем маленьким, то есть восемь лет назад, и, насколько я мог судить, работы и сейчас хватало. Если главные комнаты выглядели вполне жилыми, то стены в коридорах и на кухне были жутко ободранными, а полы голыми, без единого коврика.

Наверху располагалась старая ванная комната: доисторическая эмалевая ванна, в которой, в свою очередь, помещалась резиденция местного паука. Еще там находились протекающая раковина и древний унитаз с длинной цепью для смыва. Душа у нас не было.

В мои двенадцать лет все это казалось мне до ужаса постыдным. У нас даже не было электрокамина. Чертово средневековье.

— Когда мы закончим ремонт? — спрашивал я иногда.

— Для этого нужны время и деньги, — обычно отвечал папа.

— А разве у нас нет денег? Мама же врач. Толстяк Гав говорит, что врачи зарабатывают кучу денег.

Папа вздыхал:

— Мы уже обсуждали это, Эдди. Толст... Гэвин не знает всего. А ты должен помнить, что моя работа не так хорошо оплачивается, как некоторые другие... или хотя бы обычные.

После этого я несколько раз чуть было не ляпнул ему в ответ: «Так почему ты тогда не найдешь себе нормальную работу?!» Но это больно ранило бы папу, а этого я делать не хотел.

Я знал, что он и так часто чувствует себя виноватым из-за того, что не зарабатывает столько же, сколько и мама. Да, он писал для журналов, но между делом пытался создать и собственный роман.

— Все изменится, когда я стану знаменитым писателем, — часто говорил он, смеясь и подмигивая. Он делал вид, что шутит, но про себя я всегда думал, что он верит, будто когда-нибудь это действительно случится.

Но этого так никогда и не случилось. Хотя могло в какой-то момент. Я знаю, что он разослал свои рукописи нескольким агентам, и некоторые из них даже заинтересовались. Но почему-то из этого так ничего и не вышло. Возможно, если бы он не заболел, то смог бы когда-нибудь добиться желаемого. Когда болезнь добралась до его головы и начала пожирать сознание, первым делом она поглотила то, чем он дорожил больше всего, — умение обращаться со словами.

Я глубже вгрызся в мороженое.

— Пока не думал об этом, — ответил я Хоппо.

Я солгал. Я думал об этом, думал много и долго. Этот подарок представлял собой настоящую проблему. Толстяк и без того имел все, трудно было понять, что еще можно ему купить.

— А ты? — спросил я.

Тот пожал плечами:

— Не знаю пока что.

Я решил сменить тактику:

— Твоя мама пойдет на вечеринку?

Хоппо скривился:

— Точно не знаю. Может, ей придется работать.

Мама Хоппо работала уборщицей. Ее старенький «Робин Релиант», груженный швабрами и ведрами, частенько с грохотом проезжал по нашей улице.

Железный Майки называл ее цыганкой, когда этого не слышал Хоппо. Мне казалось, что это довольно грубо, но, надо признать, она, с ее всклокоченными седыми волосами и платьями-балахонами, действительно немного напоминала цыганку.

Понятия не имею, где был отец Хоппо. Он никогда не рассказывал о нем, но я всегда думал, что он бросил их, когда Хоппо был еще совсем маленьким. У него был старший брат, но тот вроде бы ушел в армию. Вспоминая прошлое, я часто думаю о том, что мы все держались вместе, потому что ни у кого из нас не было «нормальной» семьи.

— А твои мама и папа будут? — спросил Хоппо.

— Думаю, да. Просто... надеюсь, что они не превратят это все в тоску болотную.

Он пожал плечами:

— Все будет хорошо. Там же будет фокусник.

— Ага.

Мы ухмыльнулись друг другу, а потом Хоппо сказал:

— Можем пройтись по магазинам, если хочешь, поищем, что можно подарить Толстяку Гаву.

Я засомневался. Мне нравилось гулять с Хоппо. С ним не нужно было казаться умнее, чем ты есть. Или напрягаться. С ним я чувствовал себя очень легко.

Хоппо никто не назвал бы вундеркиндом, но он был из тех ребят, которые хорошо знают, как устроен этот мир. Он не пытался нравиться всем, как Толстяк Гав, и никем не прикидывался, в отличие от Железного Майки. И я уважал его за это.

Поэтому я грустно сказал ему:

— Прости, не могу. Мне нужно домой, я обещал помочь папе кое с чем.

Это была моя обычная отмазка. Никто не сомневался в том, что в нашем доме всегда найдется работа. Хоппо кивнул, доел мороженое, скомкал обертку и бросил на землю.

— Хорошо. Ладно, пойду выгуляю Мерфи.

— Ага. Увидимся!

— Пока.

Он убежал. Его волосы развевались на бегу, рядом с ним трусил Мерфи. Я бросил обертку от своего мороженого в урну и пошел в противоположную сторону — домой. А когда убедился, что меня уже не видно, развернулся и снова направился в город.

Я терпеть не мог врать Хоппо, но есть такие вещи, которые ты должен делать один, даже без помощи лучших друзей. У детей тоже могут быть секреты. Иногда их секреты даже больше, чем у взрослых.

Я знал, что, ко всему прочему, был в нашей «банде» еще и самым большим «ботаником». Зубрилой и даже немного белой вороной. Я был из тех детей, которым нравится коллекционировать марки, монетки, модели автомобилей. И прочий хлам, вроде ракушек, птичьих черепушек, подобранных в лесу, потерянных ключей. Мне нравилась сама

идея — что я могу проникнуть в дома владельцев этих ключей, если захочу, пусть даже я и понятия не имел, кому они раньше принадлежали и где находятся эти дома.

Я очень дорожил своей коллекцией — тщательно ее скрывал и хорошенько за ней присматривал. Думаю, все дело в том, что мне просто нравилось чувствовать, будто я хоть что-то держу под контролем. Обычно у детей нет возможности управлять даже собственной жизнью, но в этом случае только я один знал, что находится в моих коробочках, и только я мог добавлять туда что-то или, наоборот, выбрасывать.

После случившегося на ярмарке я увлекся этим еще больше. Я подбирал то, что находил, или то, что роняли окружающие. И при этом стал замечать, какими рассеянными могут быть люди. Они не понимали, как это важно — беречь то, что имеешь, ведь может наступить день, когда все это исчезнет навсегда!

А случалось и так: если я натыкался на какую-нибудь вещь и понимал, что она моя и только моя, я брал ее. И не платил.

Эндерберри был не таким уж большим городом, но летом его заполняли туристы. В основном американцы. Они шатались по городу, создавая пробки на узких улочках, носили рубашки с цветочным узором и мешковатые шорты; шурились, вглядываясь в карты, и тыкали пальцами в здания.

Из достопримечательностей, не считая кафедрального собора, в городке имелась торговая площадь с большим универмагом «Дебенхамс»,^[9] множеством маленьких чайных магазинчиков и дорогим отелем. На главной улице было скучно — там стояли только супермаркет, аптека и книжный магазин. Впрочем, все же один большой магазин там был — «Вулворт».^[10]

Когда мы были детьми, мы обожали «Вулворт», или «Вулли», как его все называли. Там продавалось все, что душе угодно! Бесконечные ряды всевозможных игрушек — от больших и дорогих до дешевой мелочи, которой можно было купить целую тонну, и потом все равно осталась бы куча монет на конфеты. А еще там работал довольно злой охранник по имени Джимбо, которого мы боялись. Джимбо был скинхедом, и я слышал, что все его тело под униформой покрыто татуировками. А еще — что у него на спине набита гигантская свастика.

К счастью, Джимбо не отличался старательностью в работе. Большую часть времени он проводил на улице у магазина — курил и пялился на девушек. Если у тебя хватало мозгов и ты был довольно шустрым малым, всегда удавалось дожидаться момента, когда он отвернется, и прошмыгнуть в магазин.

Сегодня мне сопутствовала удача. Возле телефонной будки как раз крутилась стайка девочек. Погода стояла жаркая, так что все они были в юбочках и шортиках. Джимбо, привалившись к углу, держал сигарету в руке и пускал слюни, глядя на них, несмотря на то, что все эти девочки были на пару лет старше меня, а ему было уже под тридцать.

Я перебежал дорогу и проскользнул в дверь. Передо мной тут же раскинулся весь магазин. Слева тянулись длинные ряды с конфетами и карамельками на развес. Справа находились кассеты и пластинки. Но я не мог остановиться и насладиться всем этим или даже немного замешкаться, потому что это сразу же заметил бы кто-то из сотрудников.

Я направился напрямик к игрушкам, прикидывая свои возможности. Эта слишком дорогая. Эта слишком большая. Слишком дешевая. Слишком глупая...

А затем я увидел его.

Шар, отвечающий на вопросы. У Стивена Гиммела был такой. Я помнил, как он один

раз принес его в школу, и я все время думал, что эта штука — просто класс. А еще я точно знал, что у Толстяка Гава такого нет. Уже одно это делало вещь особенной. Как и то, что этот шарик был последней игрушкой на полке.

Я взял его и огляделся. А затем молниеносно запихнул шар в рюкзак.

Потом я направился к конфетам. Теперь следовало проявить стойкость и мужество. Я чувствовал, как тяжелый шар в рюкзаке бьет меня по спине. Взяв бумажный пакет для конфет, я заставил себя немного помешкать и потянуть время — сделал вид, будто не могу выбрать между шипучими конфетами в виде бутылочек колы, белых мышек и летающих тарелок. А затем подошел к кассе. Полная женщина с пышными кудрявыми волосами взвесила конфеты и улыбнулась мне:

— Сорок три пенни, милый.

— Спасибо.

Я протянул ей нужное количество мелочи. Она пересчитала монеты и нахмурилась:

— Не хватает одного пенни, милый.

— Ох...

Вот черт. Я снова сунул руку в карман. Больше у меня не было.

— Эм-м, наверное, я отсыплю немного, — сказал я. Мои щеки горели, ладони вспотели, а рюкзак вдруг стал тяжелым, как никогда.

Кудрявая женщина окинула меня взглядом, а затем вдруг наклонилась вперед и подмигнула. Веки у нее были мятые, как бумага.

— Не переживай, малыш. Сделаю вид, что обсчиталась.

Я схватил свой пакет:

— Спасибо!

— Ну же, беги.

Дважды мне повторять не стоило. Я выбежал обратно на солнце и пронесся мимо Джимбо, который как раз докурив и едва взглянул на меня.

Я добрался до главной улицы. Мой шаг все ускорялся, пока наконец волнение, восторг и чувство триумфа не заставили меня сорваться на бег. Весь оставшийся путь до дома я пробежал с широкой безумной улыбкой на лице.

Я сделал это! И уже не в первый раз! Мне не хотелось думать, что я — какой-то плохой ребенок. Я старался быть добрым, не крысятничать за спинами у друзей и никогда их не предавать. Даже старался слушать родителей. В свою защиту хочу сказать, что деньги я никогда не воровал. Если бы я нашел чей-то бумажник, то вернул бы со всеми деньгами (ну, может, оставил бы себе семейное фото).

Я знал, что поступил неправильно, но, как я уже говорил, у всех есть свои секреты, все знают, что не должны что-то делать, и все равно делают. Моей тайной стали вещи. Я был коллекционером. Но вот что странно: я облажался и попался всего один раз — когда попытался вернуть украденное.

В день вечеринки было очень жарко. Теперь кажется, что в то лето все дни были такими жаркими. Но на самом деле нет. Думаю, синоптик — настоящий синоптик, не такой, как мой отец, — смог бы подтвердить, что в то лето прошло много ливней, случались и пасмурные, совершенно ненастные дни. Но память — странная штука и работает по-другому, когда ты маленький. Три жарких дня подряд, пережитых в детстве, превращаются с возрастом в целый месяц.

Однако в день рождения Толстяка Гава точно было жарко. Одежда прилипала к телу,

раскаленное сиденье в машине обжигало ноги, даже асфальт плавился.

— В такую жару и барбекю не нужно, чтобы что-нибудь поджарить! — пошутил папа, когда мы вышли из дома.

— Поразительно, что ты не предложил нам захватить дождевики! — сказала мама, захлопнув дверь, и несколько раз с силой подергала за ручку, желая убедиться, что действительно закрыла ее.

Она была очень красива в тот день. На ней был простой голубой сарафан и плетеные сандалии. Ей шел голубой цвет. Она закрепила челку маленькой сверкающей заколкой.

Папа выглядел... как папа. На нем были обрезанные до колен джинсы, футболка с логотипом «Grateful Dead»^[11] на груди и кожаные сандалии. Но, по крайней мере, маме удалось уговорить его немного подровнять бороду.

Дом Толстяка Гава являлся одним из тех новых поместий, которые недавно построили в Эндерберри. Его семья переехала туда в прошлом году. До этого они жили в квартирке над пабом. Даже несмотря на то, что дом был новым, отец Гава слегка переоборудовал его, и теперь к нему со всех сторон лепились пристройки, которые не очень-то подходили по стилю к оригинальному зданию с гигантскими белыми колоннами, точно сошедшими с картинок в книге о Древней Греции.

Сегодня эти колонны были перевиты воздушными шариками с цифрой «двенадцать», а между ними растянули гигантский блестящий баннер со словами «С днем рождения, Гэвин!».

Прежде чем мама успела как-то это прокомментировать, фыркнуть или хотя бы позвонить в дверь, та вдруг распахнулась сама собой и на порог выскочил Толстяк Гав. На нем были гавайские шорты, ядовито-зеленая футболка и пиратская треуголка.

— Здравствуйте, мистер Адамс и миссис Адамс. Здорово, Эдди!

— С днем рождения, Гэвин! — хором отозвались мы. И я при этом чуть было не ляпнул «Толстяк Гав».

— Барбекю на заднем дворе, — сказал Толстяк моим родителям, а потом схватил меня за руку. — Пошли, посмотришь на фокусника. Он просто класс!

Толстяк Гав оказался прав: фокусник был классный. Барбекю тоже оказалось ничего. Предлагалось много игр и два гигантских ведра с водой для водяных пистолетов. После того как Толстяк Гав открыл подарки (он сказал, что волшебный шар тоже «просто класс»), у нас состоялось эпичное сражение на этих пистолетах с ребятами из школы.

Было так жарко, что одежда на нас высыхала почти сразу же после того, как намокала. Прямо посреди битвы я вдруг понял, что мне нужно в туалет. Я углубился в сад. С меня капала вода. Я прошел мимо взрослых — они стояли, разбившись на группки, в руках у всех были тарелки, бутылки с пивом и пластиковые стаканчики с вином.

Ко всеобщему удивлению, папа Никки тоже пришел. Я не знал, что викарии ходят на вечеринки и развлекаются. К тому же он нацепил свой белый воротничок. С этим воротничком его можно было заметить за милю, так сильно эта штука блестела на солнце. Я помню, как думал, что ему, должно быть, чертовски жарко в нем. Может, поэтому он так много пил в тот день.

Кроме того, он разговаривал с моими родителями, и это меня здорово удивило, они ведь не такие уж религиозные ребята. Мама заметила меня и улыбнулась:

— Все в порядке, Эдди?

— Да, мам. Все класс.

Она кивнула, хотя вид у нее был не очень радостный. Когда я прошел мимо них, до меня долетел обрывок папиной фразы:

— Не думаю, что нам стоит обсуждать такие вещи на детском дне рождения!

Мне это ни о чем не говорило. Взрослые дела. К тому же в тот момент мое внимание привлекло нечто иное. Еще одна знакомая фигура. Высокая и тощая, в темной одежде, даже несмотря на жуткую жару, в гигантской соломенной шляпе. Это был мистер Хэллоран.

Он стоял в дальнем конце сада рядом со статуей маленького мальчика, писающего в фонтанчик для птиц. Беседовал с чьими-то родителями.

Мне показалось странным, что родители Толстяка Гава пригласили на его день рождения школьного учителя, который еще даже не приступил к работе. Возможно, они просто хотели, чтобы он не чувствовал себя изгоем. Это было в их стиле. Однажды Толстяк Гав сказал мне: «Мама старается перезнакомиться со всеми, с кем только можно. Чтобы знать, кто чем занимается».

Мистер Хэллоран разглядывал окружающих. Наверное, из-за таких вот взглядов у людей и возникает чувство, что за ними кто-то следит. Когда он заметил меня, то приветственно поднял ладонь. Я тоже — наполовину. Это был довольно неловкий момент. Может, мы и спасли вместе Девушку с Карусели, но все же он учитель, а махать учителю — это не круто, кто-то ведь может и заметить.

И тут, словно прочитав мои мысли, мистер Хэллоран коротко кивнул мне и снова отвернулся. С чувством огромной благодарности — и не только потому, что мой мочевого пузырь грозил лопнуть в любую секунду, — я поспешил через двор и нырнул в раздвижные двери.

В гостиной было темно и прохладно. Я остановился ненадолго, чтобы глаза попривыкли к темноте. Тут повсюду были разбросаны подарки. Дюжины и дюжины игрушек. Среди них оказались те, которые я очень хотел получить в подарок и сам, но знал, что никогда не получу.

Я нервно огляделся и тут внезапно увидел ее. Коробочку средних размеров, стоящую прямо в центре комнаты. Она была завернута в упаковку с трансформерами. И не распечатана. Наверное, кто-то приехал с опозданием и просто оставил ее здесь. Толстяк Гав ну никак не мог оставить хоть один подарок не открытым.

Я сделал свои дела, а когда шел обратно, снова бросил взгляд на эту коробку. Мгновение поколебался, а потом схватил ее и вынес на улицу. Во дворе было полно детей. Толстяк Гав, Никки, Железный Майки и Хоппо сидели на траве полукругом и пили шипучку. Они все были красные, потные и счастливые. Волосы Никки все еще были влажными и немного вились. На руках у нее блестели капельки воды. Сегодня она надела платье, и оно ей очень шло — длинное и в цветочек. Оно немного скрывало синяки у нее на ногах. У Никки всегда были синяки. Не помню, чтобы хоть раз видел ее без коричневых или пурпурных пятен на теле. Однажды у нее даже под глазом синяк появился!

— Эй, Мьюнстер! — позвал меня Толстяк Гав.

— Угадай что?

— Ты решил перестать быть педиком?

— Ха-ха. Я нашел подарок, который ты еще не открыл.

— Это невозможно, Джоуи. Я уже все открыл.

Тогда я вытащил коробку. Толстяк Гав тут же выхватил ее у меня.

— Сдуреть!

— От кого это? — спросила Никки.

Толстяк Гав встряхнул подарок и внимательно осмотрел обертку. Никаких наклеек с подписью.

— Да какая разница? — Он принялся срывать бумагу, открыл коробку и вдруг переменялся в лице. — Какого черта?!

Мы все уставились на подарок. Им оказалось ведро разноцветных мелков.

— Мелки? — Железный Майки заржал. — Кто мог подарить тебе мелки?

— Откуда я знаю? Он же не подписан, гений! — отбрил его Толстяк Гав. Он открыл ведро и вытащил горсть мелков. — Ну и что мне делать с этим дерьмом?

— Все не так плохо, это... — начал было Хоппо.

— Это куча вонючего дерьма, старина!

Мне это показалось грубым. В конце концов, кто-то постарался, купил эти мелки, завернул их и все такое. Но к тому моменту солнце и сладости уже здорово ударили Гаву в голову. Да и всем нам.

Он с отвращением отбросил мелки.

— Плевать! Пойдем лучше за водяными пистолетами!

Мы начали собираться. Я подождал, пока все уйдут, а потом быстро нагнулся, подобрал один мелок и сунул в карман. Но не успел я выпрямиться, как вдруг услышал грохот, а затем — пронзительный крик. Я прыжком обернулся. Не знаю, что я ожидал увидеть. Возможно, кто-то что-то уронил или сам упал.

Мне понадобились добрых две минуты, чтобы осознать увиденное. Отец Мартин лежал на спине, в куче бумажных стаканчиков и тарелок, разбитых соусниц и банок с приправами. Он держался за нос и стонал. А над ним навис кто-то высокий и растрепанный, в разорванной футболке и драных шортах, с занесенным кулаком.

Мой отец.

Срань Господня. Мой отец напал на священника!

Я стоял и не мог пошевелиться, а папа тем временем кричал низким гортанным голосом:

— Еще раз заговоришь с моей женой, и клянусь, я...

Но мы так и не узнали, что именно он сделает, потому что в этот момент отец Толстяка Гава оттащил его. Кто-то помог священнику подняться. Его лицо было красным, из носа у него шла кровь. Она заляпала его белый воротничок. Он вытянул указательный палец в сторону моих родителей:

— Бог вам судья!

Папа снова рванулся к нему, но отец Толстяка Гава перехватил его и удержал.

— Оставь его, Джефф.

Мелькнуло что-то желтое. Я обернулся и понял, что мимо меня только что промчалась Никки. Она подбежала к отцу и взяла его под руку:

— Пойдем, пап. Пойдем домой!

Он стряхнул ее руку, причем так резко, что Никки отшатнулась. А затем схватил салфетку, прижал к окровавленному носу и сказал матери Гава:

— Спасибо за приглашение!

После чего вернулся в дом.

Никки оглянулась и осмотрела сад. Мне хотелось думать о том, что, когда ее зеленые глаза встретились с моими, между нами проскользнуло взаимопонимание, но на самом деле

мне кажется, она просто желала проверить, заметил ли кто-то еще этот переполох. Конечно же, его заметили все.

После этого она отвернулась и последовала за своим отцом.

На секунду мне показалось, что все остановилось. Все движения и разговоры. Но вот отец Толстяка Гава хлопнул в ладоши и произнес зычным бодрым голосом:

— Ну? Кому еще гигантских сосисок?

Не думаю, что в тот момент кто-то действительно хотел сосисок, но люди все равно заулыбались и закивали. Мама Гава одним быстрым движением включила музыку.

Кто-то хлопнул меня по спине. Я подпрыгнул. Это был Железный Майки.

— Ничего себе! Поверить не могу, что твой папа надрал зад священнику!

И я тоже не мог поверить. Я почувствовал, как мое лицо залила краска, и взглянул на Толстяка Гава:

— Прости, что так вышло.

— Шутишь?! — усмехнулся тот. — Это же настоящий класс! Лучшая вечеринка на свете!

— Эдди. — К нам подошла моя мама. Она улыбалась странной вымученной улыбкой. — Мы с папой уходим домой.

— Хорошо.

— Можешь остаться, если хочешь.

Я и правда хотел остаться, но в то же время не хотел, чтобы другие дети пялились на меня, как на какого-нибудь придурка, а Железный Майки прохаживался насчет случившегося снова и снова. Так что я буркнул:

— Нет, все в порядке, — совсем не в порядке, — я тоже пойду.

— Хорошо. — И она кивнула.

До этого дня я никогда не слышал, чтобы мои родители перед кем-то извинялись. Так не должно быть. Когда ты ребенок, ты понимаешь, что именно тебе положено извиняться. А в тот вечер я услышал, как оба моих родителя несколько раз извинились перед родителями Толстяка Гава. Те вели себя очень мило, просили их не переживать так сильно, но я видел, что они здорово злятся. Однако Толстяк Гав все равно на прощание вручил мне пакет с тортом, «Хуббой Буббой» и другими сладостями.

Как только за нами закрылась дверь, я повернулся к отцу:

— Пап, что произошло? За что ты его ударил? Что он сказал маме?

Папа обнял меня за плечо:

— Потом, Эдди.

Мне хотелось спорить, хотелось кричать на него. В конце концов, он испортил вечеринку моего друга. Но я этого не сделал. Потому что я очень любил своих родителей и, взглянув в их лица, понял, что сейчас действительно не время.

Так что я просто позволил папе обнять меня, а мама взяла меня за свободную руку, и мы вместе пошли домой. По пути мама спросила:

— Хотите чипсов?

Я выдавил из себя улыбку и сказал:

— Да. Будет просто класс.

Папа так никогда и не рассказал мне, что произошло. Но вскоре я и сам узнал. После того как приехала полиция и арестовала его за покушение на убийство.

— Две недели, — отвечаю я. — Он прислал мне письмо по электронной почте. Прости.

Хоппо протягивает мне руку. Я хватаюсь за нее, поднимаюсь и тяжело усаживаюсь обратно на стул.

— Спасибо.

Надо было сказать Гаву и Хоппо, что Майки вернулся в Эндерберри. Это нужно было сделать в первую очередь. Сам не знаю, почему я не стал. Возможно, все дело в любопытстве. Или в том, что Майки попросил меня молчать. Или, быть может, я сам хотел узнать, что он задумал.

Я уже был немного знаком с прошлым нашего старого друга. Несколько лет назад я попытался разузнать о нем побольше. Мне было скучно, я слишком много выпил. Тогда я вбил в поисковик не только его имя, но лишь оно выдало какие-то результаты.

Он неплохо устроился, надо сказать. Работал в рекламном агентстве, вроде тех, которые испытывают странную любовь к умлауту^[12] и ненависть — к заглавным буквам. Я нашел много фотографий Майки с клиентами, сделанных во время каких-то релизов. В руках у них были бокалы шампанского, и все они улыбались — той самой улыбкой, которая как бы говорит всем вокруг, что у их стоматологов будет весьма обеспеченная старость.

Ничто из этого не стало для меня таким уж шоком. Майки и в детстве был башковитым. А еще — креативным. Умел видеть суть. Наверное, в работе все это ему пригодилось.

В письме он упоминал о проекте, над которым работал в тот момент. Говорил, что это «взаимовыгодное дело». Уверен, он не затевает какую-нибудь встречу одноклассников или вроде того. Честно говоря, на ум приходит только одна причина, по которой Майки мог внезапно решить связаться со мной после всех этих лет. Все равно что воткнуть тупой нож в ржавую мятую банку, полную гниющих червей.

Я не говорю об этом Гаву и Хоппо. Потираю пульсирующую от боли щеку и оглядываю бар. Людей примерно на четверть зала. Почтенные джентльмены быстро отводят взгляд и утыкаются в свои пивные кружки и газеты. В любом случае кому они стали бы жаловаться на шум? Не станет же Гав выбрасывать сам себя из бара за дебош.

— Как вы узнали? — спрашиваю я.

— Хоппо его видел, — говорит Гав. — На главной улице, среди бела дня. Он стал еще уродливее, чем был.

— Понятно.

— Он обнаглел настолько, что полез здороваться. И еще сказал, что приехал к тебе. Страшно удивился, что ты ничего об этом не говорил.

Я чувствую, как теперь уже во мне поднимается волна гнева. Старый добрый Майки, только он один умеет так все испортить.

Барменша приносит мою кружку с пивом и столь небрежно ставит ее на стол, что оно частично выплескивается.

— Милая девушка, — говорю я Гаву. — И характер прелесть.

Гав нехотя усмехается.

— Прости меня, — повторяю я. — Я должен был рассказать.

— Да, мать твою, должен был! — ворчит он. — Мы же друзья, разве нет?

— Почему ты не сказал? — спрашивает Хоппо.

— Потому что он просил меня этого не делать. До того, как мы с ним поговорим.

— И ты повелся?

— Презумпцию невиновности никто не отменял.

— Зря я тебя ударил, — говорит Гав и отпивает диетической колы. — Просто вышел из себя. Увидел его... и как будто все вернулось.

Я смотрю на него. Никого из нас нельзя назвать поклонником Майки Купера, но Гав ненавидит его намного больше, чем все мы. Нам было семнадцать. Шла вечеринка. Я не захотел туда идти, или меня не пригласили, не помню. Майки явился туда с девчонкой, с которой встречался Хоппо. Произошел скандал. А затем Гав здорово нажрался, и все уговорили Майки отвезти его домой... Вот только до дома они так и не добрались, потому что Майки по пути слетел с дороги и врезался в дерево.

Он неделю пробыл в коме и вышел из нее, пусть даже и чудом. А Толстяк Гав заработал несколько переломов позвоночника в жизненно важных местах. Лечению они не подлежали. С тех пор он оказался прикован к инвалидному креслу.

Как выяснилось в итоге, Майки был чертовски пьян в ту ночь, несмотря на все его заверения, что он не пил ничего, кроме диетической колы. Гав и Майки не разговаривали с того самого дня. И нам с Хоппо хватало мозгов не поднимать эту тему.

В жизни можно изменить многое — вес, внешность, даже имя, но есть и другие вещи, которые никак не изменить, и не важно, как сильно ты этого хочешь, как часто мечтаешь об этом или как много для этого работаешь. Именно оно нас и закаляет — не то, что мы можем изменить, а то, что не можем.

— Ну и? — спрашивает Гав. — Зачем он вернулся?

— Он точно не сказал.

— А что сказал?

— Упомянул какой-то проект, над которым работает.

— И все? — спрашивает Хоппо.

— Да, все.

— Мы не о том говорим, вам так не кажется? — вставляет Гав. Он переводит взгляд с меня на Хоппо и обратно, его голубые глаза сверкают. — Говорить надо о том, что мы будем с этим делать.

Когда я возвращаюсь, в доме пусто. Хлоя ушла — на встречу с друзьями или на работу. Я не успеваю за ней уследить. Она работает в каком-то магазинчике альтернативной одежды в «Боскомбе», и выходные у нее не фиксированные. Наверняка она говорила мне об этом, но память у меня уже не так хороша, как была когда-то. Меня это беспокоит — намного больше, чем должно.

Память моего отца стала подводить его годам к пятидесяти. Он стал забывать какие-то мелочи — те, которые, в общем-то, забывают все люди. Он забывал, куда положил ключи, или начинал класть вещи в какие-то странные места, например пульт — в холодильник, а бананы — на полку в шкафу, туда, где мы хранили пульты. Забывал конец предложения, которое сам же и произносил, путал слова. Иногда я замечал, как отчаянно он пытается подыскать нужное слово и в конце концов заменяет его каким-нибудь подобным.

Когда ситуация ухудшилась и болезнь Альцгеймера вступила в полную силу, он стал забывать дни недели. Особенно он испугался в тот момент, когда не смог вспомнить, какой день следует за четвергом. Название последнего рабочего дня — как же оно его мучило! Я до сих пор помню панику, которая появилась в тот момент в его глазах. После того как он

забыл нечто, настолько обычное и знакомое всем с самого детства, — вот тогда-то он и вынужден был признать, что дело тут вовсе не в рассеянности. Все куда серьезнее.

Я, наверное, немного ипохондрик. Эта тема меня пугает. Я много читаю, чтобы поддерживать свое сознание в форме, и решаю sudoku, даже несмотря на то, что терпеть его не могу. Дело в том, что болезнь Альцгеймера очень часто передается по наследству. Я уже один раз увидел, что может ждать меня в будущем, и сделаю все, что в моих силах, чтобы избежать этого, даже если это значит, что я проживу намного меньше, чем должен был.

Я бросаю ключи на старую покосившуюся тумбочку и вглядываюсь в маленькое мутное зеркальце на стене над ней. По левой стороне моего лица разливается синяк, но щеки у меня впалые, и его почти не видно. Хорошо. Я вполне проживу без объяснений, как же так вышло, что инвалид начистил мне пятак.

Иду на кухню, но пока не знаю, стоит делать кофе или нет. Прихожу к выводу, что мой бак и так полон после ланча. Так что вместо этого я просто поднимаюсь наверх. В спальне моих родителей теперь живет Хлоя. Я сплю в своей старой комнате за папиным кабинетом. А в соседней храню вещи. Много вещей.

Я не хочу думать, что стал барахольщиком. Вся моя «коллекция» аккуратно разложена по коробкам, не менее аккуратно маркирована и расставлена на стеллажах. Но все же она занимает очень много места в комнатах наверху, и, надо признать, не будь все рассортировано и помечено, я бы уже забыл, что именно успел насобирать.

Мой палец скользит по наклейкам: «Серьги», «Фарфор», «Игрушки». Есть несколько особенных коробок. Ретро из восьмидесятых, в некоторых — вещи из моего детства, некоторые куплены — по чудовищным ценам — на «И-Бей». На другой полке — несколько коробок с пометкой «Фотографии». Далеко не все снимки в них — это снимки моей семьи.

А в этой коробке полно обуви. Ярких, усыпанных блестками женских туфелек. Еще тут не меньше шести коробок с картинками. Акварели и пастели, купленные на гаражных распродажах. Многие ящики я лениво пометил наклейкой «Разное». Скорее всего, я и под дулом пистолета не смог бы вспомнить, что в них находится. Среди всего этого была лишь одна коробочка, содержимое которой я знал наизусть, — там лежали страницы с текстом, напечатанным на пишущей машинке, пара старых сандалий, грязная футболка и неиспользованная электрическая бритва. Эта коробочка отмечена одним коротким словом: «Папа».

Я сажусь за стол. Я почти уверен в том, что Хлои нет дома и она вряд ли скоро вернется, но все равно на всякий случай запираю дверь. А затем открываю конверт и еще раз просматриваю утреннее письмо. В нем нет никакого текста, но послание мне вполне понятно. Я смотрю на рисунок, изображающий человечка из палочек, висящего в петле. Рисунок сделан цветными мелками, и в этом главная неточность. Наверное, именно поэтому отправитель решил добавить к посланию еще кое-что. Я переворачиваю конверт, и на стол в облачке белой пыли падает кусочек белого мела.

Мы с мистером Хэллораном не виделись с того самого дня на ярмарке. С того «кошмарного дня на ярмарке», как я привык думать. То есть так-то я его видел — в городе там, или у реки, на вечеринке у Гава, — но мы все равно не разговаривали.

Это может показаться странным, учитывая, что произошло. Но то, что мы с ним оказались в одной упряжке в тот жуткий момент, еще не значило, что теперь между нами должна установиться какая-то необыкновенная связь. Во всяком случае, тогда я думал именно так.

В тот день я ехал на велосипеде по парку в сторону леса, где должен был встретиться со всеми остальными, и случайно наткнулся на него. Он сидел на скамейке, на коленях у него лежал блокнот, а рядом — коробочка с карандашами или вроде того. На нем были черные джинсы, массивные ботинки и просторная белая рубашка с узким черным галстуком. На голове у него покоилась его обычная соломенная шляпа. Мне было жарко, мне, одетому лишь в жилет, шорты и старые кроссовки.

Я замер на секунду, не уверенный в том, что нужно сделать. Я не знал, о чем с ним говорить, но не мог же я просто взять и молча проехать мимо? И пока я сомневался, он поднял голову и посмотрел на меня.

— Привет, Эдди.

— Здравствуйте, мистер Хэллоран.

— Как ты?

— Эм-м, спасибо, сэр, все хорошо.

— Отлично.

А затем повисла пауза. Я чувствовал, что должен сказать что-то еще, и поэтому спросил:

— Что вы рисуете?

— Людей, — улыбнулся он. Его зубы всегда казались чуть-чуть желтоватыми — таким бледным было его лицо. — Хочешь взглянуть?

На самом деле я не хотел, но если бы я отказался, это было бы грубо, так что я ответил:

— Да, можно.

Я уложил велосипед на траву, подошел к нему и присел рядом на скамейку. Он повернул блокнот так, чтобы я увидел содержимое. У меня вырвался вздох:

— Ого! Это круто.

Я не соврал, хотя и чувствовал, что должен похвалить его рисунки, даже если они окажутся ужасными. Как он и сказал, это были наброски людей, бродящих по парку: пожилая пара на соседней скамейке, мужчина, выгуливающий собаку, девочки, сидящие на траве. Вряд ли это о чем-то скажет, но было в этих рисунках что-то... невероятное. Даже несмотря на то, что я был ребенком, я мог сказать, что мистер Хэллоран — очень талантливый художник. Есть что-то в рисунках, созданных талантливой рукой. Любой может скопировать образ и сделать похожим на оригинал, и совсем другое — вдохнуть в рисунок настоящее событие, настоящих людей и жизнь.

— Спасибо. Хочешь увидеть остальные?

Я кивнул. Мистер Хэллоран перелистал назад. Я увидел портрет старика в пальто и с сигаретой — и почти почувствовал запах седых завитков дыма, поднимающихся от этой сигареты.

Увидел группку женщин, сплетничающих на узкой улочке у собора. Изображение самого собора, которое, правда, понравилось мне намного меньше, чем рисунки людей, и тут...

— Не хочу тебе надоедать, — внезапно сказал мистер Хэллоран и захлопнул свой альбом прежде, чем я смог как следует рассмотреть следующий рисунок. Но все же я уловил всплеск света на длинных темных волосах и единственный карий глаз.

— Вы не надоедаете, — сказал я. — Мне правда очень нравится. Вы будете учить нас рисованию?

— Нет, я буду преподавать английский. Рисование — это просто хобби.

— Ясно. — Мне в любом случае не очень нравилось рисовать. Иногда я пытался изобразить персонажей своих любимых мультиков, но получалось у меня не очень. Хотя я вроде бы неплохо писал. И английский был моим любимым предметом.

— А чем вы рисуете? — спросил я.

— Вот этим, — сказал он и показал пачку чего-то, что, на мой взгляд, напоминало мелки. — Это пастель.

— Похоже на мел.

— Ну, они и правда очень похожи.

— Толстяку Гаву кто-то подарил на день рождения набор мелков, но он подумал, что это полный отстой.

На его лице появилось странное выражение.

— Он и сейчас так думает?

Мне почему-то почудилось, будто я сказал что-то не то.

— Просто Толстяк Гав слегка... ну...

— Избалованный?

Мне это было неприятно, но я все же кивнул.

— Да, наверное, слегка.

— Я помню, в детстве у меня были мелки, — со значением произнес мистер Хэллоран. — Мы рисовали ими на асфальте возле дома.

— Серьезно?

— Да... Неужели ты никогда этого не делал?

Я задумался. Вряд ли я когда-либо занимался чем-то подобным. Как я уже сказал, рисование — это не совсем мое.

— А знаешь, что еще мы делали? Мы с друзьями придумывали секретные символы и с их помощью повсюду оставляли друг другу послания. И только мы могли их понять. Например, я мелом рисовал на стене дома своего друга символ, который означал, что я хочу пойти в парк. Он точно знал, что это значит.

— А вы не могли просто постучать в дверь?

— Да, мог бы, но это не так весело.

Я задумался над этими словами. Мне было ясно, чем эта идея их так привлекла. Похоже на ключи в охоте за сокровищами. Тайный шифр.

— Ну что же, — сказал мистер Хэллоран — как раз, когда зерно его идеи уже успело упасть в почву, но еще не засохло. Идеальный момент. Хотя это я понял намного позже. Он закрыл свой альбом и коробку с пастелью. — Мне пора идти. Повидаться кое с кем.

— Хорошо. Мне тоже пора. Я встречаюсь с друзьями.

— Буду рад снова тебя увидеть, Эдди. Будь мужественным.

Впервые он, пусть и косвенно, упомянул тот день на ярмарке. Это было приятно.

Многие взрослые заговорили бы об этом немедленно. «Как ты? Ты в порядке?» Весь этот бред.

— И вы, сэр.

Он снова расплылся в своей желтозубой улыбке:

— Я не храбрец, Эдди. Я дурак.

Он склонил голову в ответ на мое удивление.

— Дураки ломятся туда, куда ангелы ступать боятся. Слышал когда-нибудь это выражение?

— Нет, сэр. Что оно означает?

— Как мне кажется, оно означает, что дураком быть лучше, чем ангелом.

Теперь я задумался над этими словами. Я не был вполне уверен, что все понял. Он коснулся полей своей шляпы и кивнул мне:

— Увидимся, Эдди.

— До свидания, сэр.

Я спрыгнул со скамейки и сел на велосипед. Мне нравился мистер Хэллоран, но он определенно был чудиком. Дураком быть лучше, чем ангелом.

Странно это.

И еще чуточку страшновато.

Эндерберри окаймляли леса — там, где пригород граничил с сельскохозяйственными угодьями и полями. Хотя они не занимали так уж много земли — в нее уже начал вращать город. И большую ее часть уже содрали до голой почвы и гравия, завалили кирпичами, залили цементом и взрастили на них стропила.

На билборде было размашисто написано: «„Сальмон Хоумс“ — строим дома и завоевываем любовь уже тридцать лет». Всю площадь огибал плетеный железный забор. За ним я видел фигуры исполинских механических динозавров. Правда, сейчас они все были неподвижны. Здоровенные работники в оранжевых робах и джинсах топтались вокруг, курили и пили что-то из кружек. Из радио рвался голос Шейкина Стивенса.^[13] На заборе виднелись предупреждения:

«НЕ ВХОДИТЬ. ОПАСНО»

Я объехал участок на велосипеде, а затем свернул на узенькую тропку, бегущую мимо полей. Вскоре я добрался до невысокого деревянного забора с калиткой. Спрыгнул с велосипеда, открыл ее и нырнул в прохладные объятия леса.

Этот лес не был таким уж большим, зато очень густым и темным. Он рос в естественной природной лощине — деревья терялись в ее складках и снова вырастали по бокам, перемежаясь низеньким кустарником и кусками белого известняка. Когда я углубился в лес, то уже не столько ехал, сколько катил свой велосипед. Я слышал где-то мурлыканье маленького ручейка. Солнечный свет брызгал сквозь густые заросли.

Еще немного — и я услышал голоса. Увидел мелькание голубого и зеленого. Вспышку серебряных спиц. Толстяк Гав, Железный Майки и Хоппо сидели на небольшой полянке, скрытые от чужих глаз листвой и зарослями кустарника. Они уже построили чуть ли не половину нашей халабуды, и выглядела она довольно внушительно — прутья, переплетенные вокруг навеса из гигантской сломанной ветки.

— Привет! — крикнул Толстяк Гав. — Неужели это — Эдди Мюнстр, сын

Избивюнстера?

Это был новый прикол недели у Гава. Рифмовать все подряд.

Хоппо вскинул голову и помахал мне рукой. Железный Майки заморачиваться не стал. Я пробрался к ним через заросли и уложил своего железного скакуна рядом с их велосипедами — кстати, он был самым старым и ржавым из всех.

— А где Никки? — спросил я.

— Какая разница, — пожал плечами Майки. — Наверное, в куклы свои заигралась.

И он заржал над своей же шуткой.

— Не думаю, что она придет, — заметил Хоппо.

— Ох!

Я не видел ее с той самой вечеринки, хотя и слышал, что она ходила по магазинам с Хоппо и Железным Майки. Мне начало казаться, что она меня избегает. Я надеялся, что мы с ней увидимся сегодня и все само собой встанет на свои места.

— Наверное, отец напугал ее поработать по дому, — сказал Хоппо так, словно прочитал мои мысли.

— Ну или просто бесится, что твой папаша надрал зад ее папочке. Бам!

Типичный Майки. Никогда не упустит возможность слегка взбаламутить воду.

— Ну... вероятно, он это заслужил, — сказал я.

— Ага, — сказал Хоппо. — И выглядел он так себе.

— Не знал, что священники пьют, — вставил я.

— Может, он пьет тайно. — Толстяк Гав откинул назад голову, забулькал, закатил глаза и вывалил язык. — Мня звут отец Мртин. Слава-ик-Господи!

И тут, прежде чем кто-то из нас успел что-либо сказать, заросли зашуршали и стайка птичек вырвалась из подлеска. Мы подпрыгнули, как перепуганные кролики.

На краю лощины стояла Никки и стискивала руль своего велосипеда. Мне почему-то показалось, что она уже давно там стоит.

Она оглядела нас:

— Ну и что вы расселись? Мы будем строить халабуду или как?

Впятером мы с ней быстро разделались. Получилось просто потрясно. Халабуда была такая огромная, что мы все смогли в ней поместиться, пусть и приходилось немного нагибаться. Мы даже соорудили дверь из веток с листьями, чтобы закрыть вход. Это была лучшая халабуда из всех, которые вам доводилось видеть, — только пока не подойдешь поближе и не рассмотришь ее как следует. Мы сидели снаружи, скрестив ноги, как индейцы. Нам было жарко, мы были исцарапаны до крови, но счастливы. И голодны. Поэтому решили достать наши сэндвичи.

Никки не заговаривала о вечеринке, и я тоже помалкивал. Мы просто вели себя как обычно. В детстве всегда так. Легко получается отпустить и прощать. Но с возрастом это становится все труднее.

— Папа дал тебе сэндвичи? — спросил Толстяк Гав у Никки.

— Он не знает, что я здесь. Я сбежала.

— На, держи, — сказал Хоппо, вынул из оберточной бумаги с логотипом клининговой фирмы пару сэндвичей с сыром и протянул их Никки.

Вообще-то мне нравился Хоппо, но в ту минуту я его ненавидел, потому что он меня опередил.

— Тогда возьми и мой банан, — добавил Толстяк Гав. — Я их не очень-то люблю.

— И мой сок, — быстро вставил я, не желая оставаться в стороне.

Железный Майки вгрызся в свой бутерброд с арахисовым маслом. Он ничего предлагать не стал.

— Спасибо, — сказала Никки, покачав головой. — Но мне уже пора. Папа заметит, если я не вернусь к ланчу.

— Но мы же только закончили строительство! — возразил я.

— Простите. Я не могу остаться.

Она залезла рукой под футболку и помассировала плечо. Только тогда я заметил на нем гигантский синяк.

— Что с твоим плечом?

Она быстро опустила рукав.

— Да ничего. Ударилась об дверь. — Она торопливо встала. — Мне пора.

Я тоже встал.

— Это все из-за той вечеринки? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Папа все еще злится. Но скоро это пройдет.

— Мне жаль, — сказал я.

— Да ладно, не стоит. Он это заслужил.

Я хотел сказать еще что-нибудь, но не знал что. Я открыл было рот, и тут что-то прилетело мне прямо в голову. Вспышка боли, и мир покачнулся у меня перед глазами. Ноги подкосились, и я упал на колени, схватившись за макушку. Пальцы угодили во что-то липкое и влажное.

И снова что-то просвистело в воздухе, чудом промазав мимо Никки. Она взвизгнула и пригнулась. А затем третий камень врезался в землю между Хоппо и Железным Майки. Арахисовое масло и куски хлеба брызнули во все стороны. Ребята завопили и бросились в лес.

На нас обрушился целый град из камней и кусков кирпича. Я слышал крики и улюлюканье на верхушке лощины. Вскинув голову, я различил там три фигуры старших мальчишек. Двое — с темными волосами. Один — выше других, блондин. Я тут же понял, кто это: брат Железного Майки, Шон, и его приятели Дункан и Кит. Толстяк Гав схватил меня за предплечье.

— Ты цел?

У меня кружилась голова, меня мутило. Но я все равно кивнул. Он оттащил меня под деревья.

— Давай в укрытие.

Железный Майки рывком обернулся и заорал:

— Отвяжись, Шон!

— Отвяжись-отвяжись! — передразнил его тоненьким девчачьим голосом высокий блондин — его брат. — А то что? Заплачешь? Побежишь жаловаться мамочке?

— Может, и так!

— Ну да. Посмотрим, как у тебя это получится со сломанным носом, говноед! — заорал Дункан.

— Это наша территория! — добавил Шон.

— Лес вам не принадлежит! — заорал в ответ Толстяк Гав.

— Да? Тогда, может, подеремся за него и узнаем?

— Черт, — пробормотал Толстяк Гав.

— Все! За ними! — крикнул Кит, и они сбежали вниз, продолжая осыпать нас каменными снарядами. Очередной кусок камня со свистом пролетел мимо нас и с грохотом врезался в велосипед Никки.

— Это мой велик, придурки! — вскрикнула она.

— Эй, это же Медянка!

— Медянка, а там у тебя тоже все рыжее?

— Пошли к черту, педики!

— Вот сучка!

Кусок камня пробил стену нашей халабуды и ударил ее по плечу. Она взвизгнула и чуть не упала.

Во мне вскипела злость. Девочек нельзя бить! Нельзя швыряться в девочек кирпичами!

Я вскочил на ноги и вырвался из укрытия. Схватил с земли самый тяжелый камень, какой только смог найти, и со всей дури запустил в сторону вершины склона.

Если бы камень сам по себе не был таким тяжелым и если бы Шон не спустился уже до середины, а остался наверху, тогда я, скорее всего, промазал бы.

Но вместо этого я услышал вопль. Не насмешливый крик, нет. Это был крик боли.

— Черт! Мой глаз! Он, мать его, в гребаный глаз мне дал!

Повисла пауза. Это был один из тех моментов, когда время как будто замирает. Толстяк Гав, Хоппо, Железный Майки, Никки и я — мы просто стояли и таращились друг на друга.

— Вы, мелкие засранцы! — заорал один из наших обидчиков. — Вы за это ответите!

— Надо выбираться, — пробормотал Хоппо.

Мы ринулись к велосипедам. Я уже слышал треск веток и тяжелое дыхание — банда ринулась вниз по склону. Это было не так-то просто. Но мы находились в невыгодном положении, потому что ровная дорога лежала далеко и нужно было вручную тащить велосипеды по лесу. Я слышал шорох и ругань за нашими спинами. Совсем рядом. Я старался не отставать. Хоппо и Железный Майки вырвались вперед, Никки тоже. Толстяк Гав оказался удивительно проворным для такого жирдя и давно меня опередил. И пусть я был самым длинноногим из них, но при этом безнадежно неуклюжим и бегал как чёрт-те что. Я вдруг смутно припомнил папину старую шутку про «обогнать льва»: «Не важно, сможешь ли ты обогнать льва, — главное, обогнать самого медленного из остальных бегущих». К сожалению, сейчас самым медленным оказался именно я.

Мы вырвались из лесного полумрака на яркое солнце и ровную дорогу. Отсюда уже виднелся перелаз. Я оглянулся. Шон тоже выбежал из лесу. Его левое веко покраснело и распухло. Кровь текла по его щеке. Но это ни капельки его не замедлило, наоборот, похоже, злость и боль придали ему сил.

— Я тебя прикончу, ублюдок! — взревел он.

Я отвернулся, мое сердце колотилось так, словно могло вот-вот взорваться. В голове стучало. Пот катился по лбу и жег глаза.

Хоппо и Майки уже добрались до перелаза — перекинули через него свои велики и перебрались следом. Потом и Никки перебросила велосипед и перелезла через забор, быстро, как мартышка. Толстяк Гав влез на забор вместе с велосипедом и опрокинулся на ту сторону. Я был следующим. Я поднял свой велосипед, но он был куда древнее и тяжелее, чем у всех остальных. И он застрял. Колесо зацепилось за забор и вгрызлось спицами в дерево.

— Черт!

Я поднапрягся, но от этого велосипед застрял еще больше. Я попытался его перекинуть, но я был маленьким, а велосипед — здоровым и тяжелым, а я и так устал после постройке халабуды и беготни.

— Брось его! — кричал Толстяк Гав.

— Не могу, — пропыхтел я. — Это подарок на день рождения!

Толстяк Гав вернулся ко мне, Хоппо и Никки прибежали следом. После небольшой заминки и Железный Майки последовал за ними. Они принялись тянуть со своей стороны. Я подналег. Наконец дерево треснуло и велосипед освободился. Толстяк Гав рванул его на себя, и он грохнулся на землю. Я влез на забор и уже перекинул было через него ногу, как вдруг почувствовал, как что-то дернуло меня за футболку назад.

Я чуть не свалился, но умудрился в последний момент схватиться за столб. Обернулся и увидел позади Шона. Он тянул меня за футболку. А еще — скалился сквозь кровь и пот, и его зубы были розовыми. Один глаз у него был навывкате и горел лихорадочным огнем.

— Тебе конец, ублюдок!

Я в панике пнул его ногой — изо всех сил. Попал в живот — он крикнул от боли и согнулся пополам. Его хватка ослабла. Я перекинул обе ноги через забор, прыгнул и услышал, как рвется ткань на моей футболке. Но это не имело значения. Я был свободен. Остальные уже оседлали велосипеды. Как только я поднялся на ноги, они тут же снялись с места и поехали. Я схватил велосипед и побежал, толкая его. А затем на бегу вскочил в седло и налег на педали. Я крутил их так быстро, как только мог. И на этот раз уже не оглядывался.

На игровой площадке было пусто. Мы сидели на карусели. Велосипеды лежали на земле. Теперь, когда адреналин начал потихоньку испаряться, в моей голове опять запульсировало. Волосы были липкими от крови.

— Выглядишь дерьмово, — честно призналась Никки.

— Спасибо.

Ее рука были изодрана, кофта — перепачкана в грязи. В рыжих кудряшках запутались веточки и листочки папоротника.

— Ты тоже, — добавил я.

Она осмотрела себя.

— Вот черт. — Никки вскочила. — Теперь папа точно меня прикончит.

— Можешь отмыться у меня, — предложил я.

Но прежде чем она успела ответить, Толстяк Гав вставил:

— Не-а, мой дом ближе.

— Да, наверное, — сказала Никки.

— Ну и что мы теперь будем делать? — начал ныть Железный Майки. — День все равно испорчен.

Мы переглянулись — вид у всех был подавленный. Он был прав, хотя мне и хотелось напомнить ему о том, что испортил нам этот день его братец-идиот. Но я не стал. Вместо этого на задворках моей памяти всплыл какой-то пузырек, и тут я словно со стороны услышал собственный голос:

— У меня есть классная идея.

Я не повар. В этом я пошел в маму. Но самостоятельная жизнь предполагает хотя бы базовые знания по кулинарии. Я вполне могу приготовить приличную жареную курицу, картошку, стейк, спагетти и разные рыбные блюда. Над карри все еще работаю.

Я пришел к выводу, что Майки, должно быть, привык питаться в хороших ресторанах. Он первым делом предложил пообедать в одном из местных городских заведений. Но я хотел встретиться с ним на своей территории и заставить его плясать под свою дудку. Трудно отказаться от приглашения на обед и избежать при этом грубости. Но я уверен в том, что принял он его неохотно.

Я решил остановить свой выбор на спагетти болоньезе. Простая домашняя еда. И всем она обычно нравится. К ним у меня имелась бутылка вполне приличного красного вина и кусок чесночного хлеба в морозилке.

И вот я стою, готовлю фарш и соус, как вдруг в кухню входит Хлоя — на часах еще нет шести. Майки должен прийти в семь.

Она делает глубокий вдох:

— М-м-м, однажды из тебя выйдет прелестная женушка.

— В отличие от тебя.

Она в притворном ужасе хватается за сердце:

— Всю жизнь мечтала стать домохозяйкой.

Я улыбаюсь. Хлоя знает, как заставить меня улыбнуться. Она выглядит неплохо, «красивая» — это не совсем подходящее слово. В этот вечер она очень... похожа на саму себя. Похожа на Хлою. Темные волосы завязаны в два хвостика. На ней черный свитер с портретом Джека Скеллингтона,^[14] розовая мини-юбка и черные леггинсы. А еще — ботинки с разноцветными шнурками. На другой женщине этот наряд выглядел бы нелепо. Но на Хлое — нет.

Она подходит к холодильнику и достает бутылку пива.

— Идешь гулять вечером? — спрашиваю ее я.

— Не-а, но переживать не стоит. Я постараюсь исчезнуть, когда явится твой приятель.

— Необходимости нет.

— Да все в порядке. К тому же я буду чувствовать себя третьим лишним, когда вы двое начнете плакать о том, что было раньше.

— О'кей.

Это правда. Чем больше я думаю об этом, тем больше укрепляюсь во мнении, что лучше бы, чтобы Хлои здесь не было в этот момент. Я не знаю, что именно ей известно о Майки и той истории, которая приключилась с нами здесь, в Эндерберри, но знаю, что эта история неплохо освещалась в прессе в те годы. Это одно из тех преступлений, которые привлекают внимание публики. В нем имелись все необходимые составляющие: странноватый главный герой, жуткие рисунки детскими мелками и чудовищное убийство. «Мы определенно оставили свой след в истории — метку в виде маленького мелового человечка», — с горечью думаю я. Конечно, со временем факты приукрасили и правда несколько обтрепалась по краям. Историю пишут выжившие.

Хлоя отхлебывает пиво.

— Если буду нужна — я наверху, в своей комнате.

— Хочешь, я оставлю тебе немного спагетти?

— Не-а, все в порядке. Я поздно пообедала.

— Ладно.

Я жду.

— Ой, ну хорошо, оставь немного. Может, потом съем.

Хлоя ест намного больше, чем можно подумать о том, кто с легкостью сумеет спрятаться за фонарным столбом. А еще она ест в какое-то странное время. Я частенько обнаруживаю ее на кухне ранним-ранним утром — она поглощает спагетти, сэндвичи, а иногда и полноценное жаркое. Но я — тот человек, который страдает бессонницей и частенько бродит во сне, так что не мне осуждать кого-то за ночные привычки, пусть даже и странные.

В дверях Хлоя останавливается. Вид у нее слегка встревоженный.

— Серьезно, если захочешь удрать, я могу позвонить тебе — прикинешься, что это что-то срочное. Хочешь?

— Ко мне просто придет поужинать старый друг, это не свидание вслепую, — с удивлением говорю ей я.

— Вот именно. «Старый». Это — ключевое слово. Вы с этим типом не видели друг друга несколько лет.

— Спасибо за то, что ткнула меня в это носом.

— Дело в том, что вы толком и не общались. Откуда ты знаешь, что у вас найдутся общие темы для разговора?

— Ну, после всех этих лет... думаю, нам есть что наверстать.

— Если бы у вас было хоть что-то общее, вы бы не теряли связи, так? Должна быть причина, почему это он вдруг решил взять и приехать к тебе — после всех этих лет.

Я вижу, к чему она ведет, и от этого мне не по себе.

— Не для всего и не всегда есть причина.

Я хватаю бокал с вином, который наполнил, чтобы прихлебывать время от времени, пока готовлю, и выпиваю разом половину. Чувствую, как она наблюдает за мной.

— Я знаю, что произошло тридцать лет назад, — говорит она. — Знаю об этом убийстве.

Я сосредотачиваю все свое внимание на булькающих спагетти болоньезе.

— Да. Я вижу.

— Знаю о том, что четверо детей нашли тело девушки. И ты был одним из них.

Я на нее не смотрю.

— Значит, ты все-таки кое-что разузнала об этом.

— Эд, я собиралась снять комнату у какого-то странного одинокого типа, живущего в здоровенном и жутком старом доме. Конечно, я расспросила о тебе пару-тройку человек.

Ну разумеется. Я немного успокаиваюсь.

— Ты никогда об этом не говорила.

— Просто не видела в этом необходимости. Не думала, что ты хочешь обсуждать эту тему.

Я поворачиваюсь к ней и выдавливаю из себя улыбку:

— Спасибо.

— Нет проблем.

Она снова берет со стола свою бутылку и выпивает все пиво до капли.

— Так или иначе, — она бросает пустую бутылку в мусорное ведро у двери, — желаю вам повеселиться. И не делай ничего, что сделала бы я.

— Повторяю, это не свидание!

— Ну да, потому что, будь это свидание, мы бы уже трубили об этом вовсю. Я бы даже самолет наняла, чтобы он проносился над нами с баннером — «У ЭДА СВИДАНИЕ!».

— Я и так вполне счастлив, спасибо.

— Просто напоминаю, что жизнь коротка!

— Посмеешь сказать: «Бери от жизни все», — и я отберу у тебя все пиво!

— Все не все, а какую-нибудь задницу прихватить можно, — подмигивает она и плавной походкой покидает кухню. Я слышу ее шаги на лестнице.

Вопреки здравому смыслу, я наливаю себе еще. Я немного нервничаю, но, наверное, это естественно. Потому что я не знаю, чего ожидать от этого вечера. Смотрю на часы — половина седьмого. Думаю, пора и себя немного привести в порядок.

Я поднимаюсь наверх, быстро принимаю душ и переодеваюсь в серые вельветовые брюки и рубашку, вполне обычную, на мой взгляд. Провожу расческой по волосам, в результате чего они начинают топорщиться еще сильнее.

Не знаю, как у других, но мои волосы не поддаются никакой укладке — ни простой расческе, ни воску и гелю. Как-то раз я подстригся совсем коротко, но волосы каким-то чудом отросли на пару дюймов всего за ночь. Но, по крайней мере, у меня волосы есть. А вот судя по тем фотографиям Майки, которые я видел, ему не так повезло.

Я отвожу взгляд от зеркала и спускаюсь вниз. Как раз вовремя. В этот же момент раздается звонок, сопровождаемый тяжелым стуком дверного молотка — бах-бах-бах. Терпеть не могу, когда люди сначала звонят, а потом начинают еще и барабанить, давая таким образом понять, что им нужно войти так срочно, что они не побрезгуют использовать весь арсенал при атаке на мою частную собственность.

Беру себя в руки и пересекаю холл. Застываю — всего на миг, — а затем открываю дверь...

В книгах такие моменты обычно самые драматические. Реальность разочаровывает своей банальностью.

Я вижу маленького жилистого мужичка средних лет. Волос у него почти не осталось — если не считать небольшого полукруга на лысой голове. На нем, судя по всему, очень дорогая рубашка, спортивная куртка, темно-синие джинсы и сверкающие лоферы на босу ногу. Мне всегда казалось, что мужская обувь без носков выглядит по-идиотски. Как будто человек одевался в жуткой спешке, в темноте, да еще и с похмелья.

И я знаю, что видит он. Тощего мужика, более высокого, чем все остальные, в потертой рубашке и мешковатых брюках, с дикой шевелюрой и чуть более морщинистым лицом, чем положено в сорок два года. Но есть особенные морщины, которые нужно заслужить.

— Эд! Рад тебя видеть.

Честно говоря, не могу ответить тем же, поэтому просто киваю. И, прежде чем он протянет мне руку и я буду вынужден ее пожать, я отступаю и делаю приглашающий жест.

— Пожалуйста, проходи.

— Спасибо.

— Сюда.

Я принимаю его куртку и пристраиваю ее на вешалку и затем показываю путь в гостиную, хотя совершенно уверен, что Майки не забыл, где она находится.

Меня внезапно поражает, какая у меня убогая и темная гостиная. Может, она видится такой в сравнении с великолепным отутюженным Майки. Сейчас эта комнатка кажется пыльной, облезлой — сразу ясно, что ее владелец не особенно заботился о красоте ее убранства.

— Могу я предложить тебе выпить? Я как раз недавно открыл бутылку неплохого «Бароло». Есть еще пиво или...

— Пиво будет в самый раз.

— Отлично. У меня «Хейнкен».

— Что угодно. Я не так уж часто пью.

— Точно. — Это еще одна наша общая черта. — Принесу его, оно в холодильнике.

Я иду на кухню, достаю и открываю бутылку «Хейнкена». Перед тем как уйти, снова беру свой бокал с вином и делаю большой глоток, а затем доливаю туда еще из бутылки, уже наполовину пустой.

— Ты неплохо поработал над этим старым домом.

Я подпрыгиваю и оборачиваюсь. Майки стоит в дверях и осматривается. Интересно, видел ли он, как я пью вино и подливаю себе еще? А потом мне становится интересно, какого черта меня это должно волновать.

— Спасибо, — говорю я, хотя мы оба знаем, что я почти ничего не сделал для «этого старого дома».

Я передаю ему пиво.

— Такой старый дом, наверное, жрет много денег, а? — спрашивает он.

— Это не самое худшее.

— Удивлен, что ты его не продал.

— Думаю, я тоже могу быть сентиментальным.

Я отпиваю из бокала. Майки — из бутылки. Момент затягивается, и вполне естественная пауза превращается в неловкую тишину.

— Итак, — говорит Майки, — ты теперь учитель?

Я киваю:

— Да. Кара за мои грехи.

— Тебе это нравится?

— Почти всегда.

Почти всегда мне нравится тот предмет, который я преподаю. И я стараюсь поделиться этой любовью со своими учениками. Я хочу, чтобы им полюбились уроки, хочу, чтобы они уходили с них с багажом новых знаний.

Но бывают и такие дни, когда я чувствую себя уставшим, когда у меня болит голова с похмелья и я ставлю всем пятерки, лишь бы они заткнулись к чертям и оставили меня в покое.

— Забавно. — Майки встряхивает головой. — Я всегда думал, что ты станешь писателем, как твой отец. Язык всегда был твоей сильной стороной.

— Ты тоже всегда неплохо выдумывал. Думаю, поэтому ты теперь занимаешься рекламой.

Он смеется, но этот смех кажется немного неестественным. И вот — еще одна пауза.

Я делаю вид, что проверяю, как там спагетти.

— Наскреб тут немного. Надеюсь, ты не против спагетти?

— Да, отличная идея. — Я слышу скрип стула, когда Майки на него опускается. —

Спасибо... за хлопоты. Я имею в виду, что с легкостью смог бы оплатить ужин где-нибудь в пабе.

— Надеюсь, не в «Быке»?

Выражение его лица становится более напряженным.

— Думаю, ты рассказал им о том, что я приехал.

Уверен: говоря «им», он имеет в виду Хоппо и Гава.

— Вообще-то нет. Но Хоппо сказал, что вы с ним столкнулись в городе, так что...

Майки пожимает плечами:

— Что ж, я не собирался держать это в тайне.

— Так почему ты попросил меня ничего им не говорить?

— Потому что я трус, — отвечает он. — После того случая, после всего, что произошло... не думаю, что кто-то из них захотел бы со мной увидеться.

— Кто знает, — говорю я. — Людям свойственно меняться. В конце концов, это было давно.

Это ложь, но лучше уж солгать, чем сказать: «Ты прав. Они все еще ненавидят тебя всеми фибрами души, и особенно Гав».

— Наверное. — Он снова хватается за бутылку и делает несколько крупных глотков.

Для того, кто «почти не пьет», он неплохо справляется.

Я достаю из холодильника еще одну бутылку и ставлю перед ним на стол.

— Я просто хотел сказать... Мы все тогда совершали вещи, которыми нельзя гордиться.

— Кроме тебя.

Прежде чем я успеваю что-либо ответить, у меня за спиной раздается фырканье. Спагетти выкипают. Я быстро выключаю газ.

— Помочь тебе с чем-нибудь? — спрашивает Майки.

— Нет, все в порядке.

— Спасибо. — Он поднимает бутылку. — Я пришел к тебе с предложением.

Ну вот.

— Да?

— Тебе, наверное, интересно, почему я вернулся?

— Неужели ради моих легендарных макарон?

— В этом году будет тридцать лет, Эд.

— Я в курсе.

— СМИ уже проявляют интерес к этому.

— А вот я к ним — нет.

— Наверное, это мудро. Большая их часть — дерьмо, они ни черта не знают. Именно поэтому, я думаю, очень важно, чтобы кто-нибудь рассказал правду о том, что произошло на самом деле. Кто-то, кто действительно был там.

— Кто-то вроде тебя?

Он кивает.

— И мне хотелось бы, чтобы ты мне помог.

— С чем именно?

— Книга. Телевидение, может. У меня есть связи. Я уже провел кое-какие исследования.

Я смотрю на него во все глаза, а затем встряхиваю головой:

— Нет.

— Просто выслушай меня.

— Мне это неинтересно. Я не хочу опять вытаскивать все это на поверхность.

— Но я хочу. — Он резко отставляет бутылку. — Слушай, все эти годы я старался не думать о том, что произошло, и устал от этого. Я все время избегал прошлого. Отворачивался. По-моему, настало время посмотреть в глаза всему этому страху, всей этой... вине. И смириться с ними.

Лично для меня куда лучше собрать все свои страхи в кучу и запереть их в надежной коробке, а потом затолкать ее в самый дальний и темный угол сознания. Но каждому свое.

— А как насчет всех остальных? Ты не спрашивал себя о том, хотим ли мы смотреть в глаза нашим страхам и заново переживать случившееся?

— Я понимаю тебя. Правда, понимаю. Именно поэтому я хочу, чтобы ты принял в этом участие — и не только как писатель.

— Что ты имеешь в виду?

— Меня не было здесь больше двадцати лет. Я здесь чужой. Но ты — нет. Ты знаешь людей, они тебе доверяют, и...

— Хочешь, чтобы я умаслил Гава и Хоппо?

— Не думай, что будешь заниматься этим просто так. Предусмотрен аванс. Роялти.

Я начинаю сомневаться. Майки чувствует, что верно закинул удочку, и продолжает:

— Есть и еще кое-что.

— И что же?

Он внезапно усмехается, и тут я понимаю: все, что он говорил до этого — о своем возвращении и желании взглянуть страхам в глаза, — сущий бред.

Куча дерьма.

— Я знаю, кто ее убил.

Летние каникулы близились к концу.

— Осталось всего шесть дней, — уныло сказал Толстяк Гав. — Включая выходные, а выходные не считаются, так что всего четыре дня.

Я чувствовал его боль, но пока что изо всех сил гнал от себя любые мысли о школе. Шесть дней — все-таки шесть дней, и у меня были причины цепляться за них. Потому что Шон Купер пока так и не выполнил свою угрозу.

Я видел его в городе пару раз, но всегда умудрялся улизнуть до того, как он меня замечал. Вокруг его правого глаза красовался гигантский синяк, а еще — парочка некрасивых шрамов, таких, которые, скорее всего, останутся с ним навсегда, даже когда он повзрослеет. Если, конечно, Шон доживет до этих дней.

Железный Майки был убежден, что Шон уже забыл про меня, но я так не думал. Избегать его во время каникул — это одно. Как говорят ковбои, в этом городе хватит места для нас обоих. Но как только мы вернемся в школу, избегать его в течение дня — во время обеда, на площадке или по пути из школы домой, — будет уже намного сложнее.

Меня беспокоило и другое. Люди думают, что жизнь детей лишена переживаний и забот. Но на самом деле все не так. Детские переживания намного больше, потому что мы — меньше. Я переживал за маму. В последнее время она вела себя куда более резко и порывисто и выходила из себя быстрее, чем обычно. Папа сказал: у нее стресс из-за того, что открылась новая клиника.

Обычно мама ездила на работу в Саутгемптон. Но теперь в Эндерберри должна была появиться новая больница, рядом с технологическим колледжем. Раньше в этом здании находилось нечто иное. Думаю, в этом все дело. На нем даже знака не было. Мимо него можно было с легкостью пройти и даже не заметить, что оно есть, — если бы не люди, которые бродили под его окнами.

Я ехал на велосипеде со стороны магазинов, когда впервые увидел их. Группу из пяти человек. Они ходили по кругу, в руках у них были таблички. Они скандировали что-то. На табличках было написано: «ВЫБИРАЙ ЖИЗНЬ», «ОСТАНОВИМ УБИЙСТВО ДЕТЕ» «СТРАДАЮТ ДЕТИ».

Некоторых из этих людей я узнал. Женщину, которая работала в супермаркете, и блондинистую подружку Девушки с Карусели, которую видел на ярмарке. Поразительно, но в тот день ее совершенно не зацепило. И какая-то часть меня — не самая лучшая, впрочем, — подумала, что это немного нечестно. Она не была такой же красивой, как Девушка с Карусели, и уж точно не такой милой. Она тоже размахивала табличкой и вышагивала позади человека, хорошо мне знакомого. Это был отец Мартин. Он скандировал громче всех, а еще держал в руках открытую Библию и декламировал что-то оттуда.

Я остановил велосипед и какое-то время наблюдал за ними. После драки на вечеринке Толстяка Гава папа поговорил со мной, и я чуть больше узнал о том, что происходит в маминой больнице. Но в двенадцать лет все равно трудно осознать всю чудовищную гнусность такого дела, как аборт. Я знал только то, что мама помогала тем женщинам, которые не желали иметь детей. Не думаю, что я хотел знать больше.

Так или иначе, даже будучи ребенком, я чувствовал, что от этих протестов исходит какое-то зло и агрессия. Что-то было в их глазах, в том, как они плевались, крича и

размахивая своими табличками, как мечами. Они вопили о любви, но сами были переполнены ненавистью.

Я поскорее поехал домой. Дома было тихо, если не считать отдаленного звука папиной пилы. Мама работала наверху. Я выложил покупки, а рядом с ними сдачу. Мне хотелось поговорить с родителями о том, что я видел, но они оба были заняты. Я бесцельно прошелся по дому и покинул его через заднюю дверь. Тогда-то я и увидел его — рисунок мелом на подъездной дорожке.

Мы тоже рисовали мелом — фигурки, какие-то символы. Когда ты ребенок, любая идея напоминает семена, подхваченные порывом ветра. Некоторые так и не падают на почву и не прорастают — их уносит прочь, о них забывают и никогда не вспоминают снова. Но некоторые все-таки приживаются и пускают корни. Пробивают себе дорогу и множатся.

Рисунки мелом стали именно такой идеей. Все сразу ухватились за нее. Конечно, первым делом мы прямо на детской площадке нарисовали кучу человечков из палочек с гигантскими членами, а также много раз слово «Отъебись!». Но, как только я озвучил идею оставлять с помощью этих рисунков тайные послания друг другу, наши меловые человечки зажили своей жизнью.

У каждого из нас был свой мелок определенного цвета, так что мы всегда могли узнать, кто именно оставил послание. К тому же у каждого рисунка имелось свое значение. Например, меловой человечек на круге означал, что мы встречаемся на игровой площадке. Куча палочек и треугольников — лес. Для магазинов и прочих мест имелись свои символы. Были и тревожные знаки — на случай, если на горизонте маячил Шон Купер и его банда. Признаюсь, для матерных словечек мы тоже придумали символы, так что могли с легкостью зашифровать «Пошел на хуй!» или еще что похуже и написать это на стенах домов тех людей, которые нам не нравились.

Кажется, что в какой-то момент мы здорово увлеклись этим? Да, похоже на то. Но ведь именно так и ведут себя дети. Увлекаются, горят чем-то неделями или даже месяцами, но затем идея тускнеет, становится не такой интересной, ее отбрасывают, и больше они в это никогда не играют.

Я помню, как однажды пошел в «Вулли», чтобы купить еще мелков. За стойкой опять стояла Кудрявая Дама. Она как-то странно посмотрела на меня, и я задумался: уж не решила ли она, что у меня еще одна упаковка мелков в рюкзаке? Но вместо этого она спросила:

— Вам, похоже, нравятся эти мелки. Ты уже третий за сегодня. А я думала, что детям сейчас подавай только «Донки-Конга» и «Пакмэна».^[15]

Послание на дорожке было нарисовано голубым, а значит, его оставил Железный Майки. Меловой человечек рядом с кругом и восклицательный знак — это значило «Срочно!». У меня мелькнула мысль: «Странно, Железный Майки редко зовет меня куда-то». Обычно он первым делом звал Толстяка Гава или Хоппо. Но мне не хотелось весь день болтаться по дому, так что я откинул все сомнения, крикнул, обернувшись к двери, что поеду к Майки, и пошел за велосипедом.

На игровой площадке было пусто. Снова. Это не казалось таким уж странным. Она почти всегда пустовала. Вы наверняка подумали: в Эндерберри ведь полным-полно семей и малышей, которым наверняка пришлось бы по душе качели. Но большинство родителей водили детей на другую площадку — намного дальше.

Если верить Железному Майки, никто не хотел играть на этой площадке, потому что она была проклята. Якобы три года назад на ней нашли мертвую девочку.

— Прямо на карусели лежала. Глотка перерезана, причем так, что у нее чуть башка не оторвалась. А еще ей вспороли живот, и все внутренности вывалились и были похожи на сосиски.

Железный Майки умел рассказывать истории, надо отдать ему должное. И чем кровавее история, тем лучше у него получалось. И все же это были просто истории. Он вечно выдумывал что-то, но даже в его выдумках всегда скрывалась крупица правды.

Однако с этой площадкой определено было что-то не так. На ней всегда царил полумрак, даже в солнечный день. Конечно, причина заключалась в нависающих над ней деревьях, а не в чем-то сверхъестественном, но я все равно чувствовал странный холодок, когда сидел на карусели. Мне всегда хотелось резко обернуться и посмотреть через плечо, потому что мне казалось, будто за мной кто-то наблюдает. И обычно я старался не ходить туда в одиночку.

Сегодня я толкнул скрипящую калитку, увидел, что Железного Майки еще нет, и сразу почувствовал раздражение. Я прислонил велосипед к забору. Постепенно я начал беспокоиться. Железный Майки никогда не опаздывал. Что-то было не так. А затем я услышал, как у меня за спиной скрипнула калитка. И голос:

— Ну привет, говноед.

Я оглянулся через плечо, и чей-то кулак ударил меня в висок.

Я открыл глаза. Надо мной стоял Шон Купер. Его лицо скрывалось в тени. Я мог различить только его силуэт, но был совершенно уверен, что он улыбается. Очень нехорошо улыбается.

— Избегал нас?

Нас? Я повернул голову влево, а затем вправо. Отсюда, с земли, я смог разглядеть еще две пары грязных «конверсов». Мне не нужно было видеть их лица, чтобы понять: это Дункан и Кит.

Мой висок пульсировал от боли. В горле клокотала паника. Лицо Шона приблизилось к моему. Я почувствовал, как он сграбастал меня за футболку и потянул вверх так, что ткань впиалась мне в шею.

— Ты бросил кирпич прямо в мой гребаный глаз, говноед. — Он встряхнул меня. Голова стукнулась об асфальт. — Не слышу, чтобы ты извинялся.

— Мнжа-аль. — Слова были похожи на жидкую глину и не складывались друг с другом. Мне было тяжело дышать.

Шон вздернул меня так высоко, что моя голова оторвалась от земли. Футболка еще сильнее сдавила горло.

— «Мнжаль»? — передразнил он высоким голосом, а затем оглянулся на Дункана и Кита. Теперь я мог их видеть — они стояли, прислонившись к проволочной сетке забора. — Слыхали это? Говноед сказал «мнжаль».

Они усмехнулись.

— Не похоже, чтобы ему действительно было жаль, — сказал Кит.

— Не-а. Звучит так, словно это сказал маленький говноед, — добавил Дункан.

Шон наклонился еще ближе. Я чуял табачную вонь у него изо рта.

— Кажется, тебе не очень жаль, говноед.

— Мне... правда... жаль.

— Не-а. Но ничего. Потому что сейчас тебе действительно будет жаль.

Я почувствовал, как мой мочевой пузырь ослаб. Хорошо, что это был жаркий день и я

весь пропотел, потому что если бы в моем теле оказалось достаточно жидкости, она бы просто хлынула мне в штаны.

Шон за шкуру поднял меня на ноги. Я скребнул подошвами кроссовок по асфальту, чтобы не задохнуться. А затем он толкнул меня и я ударился спиной о забор. Голова кружилась так, что я чуть не упал, но он держал меня крепко, и я устоял.

Я в отчаянии оглядел площадку, но на ней никого не было, кроме Шона, его банды и их сверкающих велосипедов ВМХ, небрежно брошенных на землю возле качелей. Велосипед Шона легко было узнать: ярко-красный, с нарисованным черным черепом на боку. Через дорогу от площадки, на парковке у «Спара»,^[16] стояла одинокая голубая машина. Ни номеров, ни водителя видно не было. Потом я заметил еще кое-что: чью-то фигуру в парке. Я не мог ее как следует разглядеть, но кажется, это был...

— Ты меня слушаешь, говноед?

Шон еще разок приложил меня о плетеную сетку забора. Я ударился головой о железо, и картинка у меня перед глазами помутнела. Человек в парке исчез. На секунду вообще все исчезло. Перед глазами как будто упали плотные серые шторы. Ноги онемели. Меня засасывала манящая черная пропасть.

Я почувствовал сильный удар по одной щеке. Затем — по другой. Моя голова болталась из стороны в сторону. Кожу жгло. А потом шторы отдернулись. Я узрел Шона. Он ухмылялся мне в лицо. Теперь я видел его вполне отчетливо. Густые светлые волосы. Маленький шрам над глазом. Яркие голубые глаза, точно такие же, как у его брата. Вот только эти излучали совсем другой свет. «Мертвый свет», — подумал я. Холодный, жесткий и немного безумный свет.

— Отлично. Теперь ты весь внимание.

Он ударил меня в живот. Из меня разом вышел весь воздух. Я согнулся пополам. Даже кричать не мог. Меня никогда не били по-настоящему до этого момента. Боль была просто огромной, невыносимой. Все мои внутренности как будто охватил огонь.

Шон схватил меня за волосы и поднял мою голову. Мое лицо было залито слезами и соплями.

— О-ой, что, больно, говноед? Вот что, давай договоримся: я больше тебя не трону, если ты сможешь нам доказать, что тебе действительно жаль!

Я попытался кивнуть, пусть это было почти невозможно, ведь Шон так сильно тянул меня за волосы, что их корни прямо-таки вопили от боли.

— Ну что, справишься, как думаешь?

Еще один мучительный кивок.

— Отлично. На колени.

Выбора у меня особого не было — он за волосы дернул меня вниз. Дункан и Кит внезапно подошли ко мне и схватили за руки. Мои колени скреблись о шершавый асфальт детской площадки. Это было больно, но кричать я не осмелился. Слишком страшно. Я неотрывно смотрел на белые кроссовки Шона фирмы «Найк». А затем внезапно услышал этот звук: как ремень выскальзывает из пряжки и расстегивается ширинка. Я сразу же понял, что будет дальше, и меня охватили ужас и паника.

— Нет! — Я попытался вырваться, но Дункан и Кит держали меня очень крепко.

— Покажи, как тебе жаль, говноед. Давай, отсоси мне!

Он откинул назад мою голову. Я понял, что во все глаза пялюсь на его член. Он был огромным, розовым и раздутым. А еще он вонял потом и еще чем-то непонятным и кислым.

Его окружали спутанные и слипшиеся светлые кудрявые волосы.

Я сжал зубы так крепко, как только мог, и затряс головой. Шон ткнул меня членом в губы. Вонь затопила мой нос. Я еще крепче сжал челюсти.

— Соси!

Дункан заломил мне руку и высоко поднял. Я заорал. Шон воткнул член мне в рот.

— Соси, мелкий уебок!

Я не мог дышать и давился. Слезы смешивались с соплями и текли по моему подбородку. Я боялся, что меня вот-вот вырвет, а потом внезапно услышал в отдалении чей-то голос:

— Эй! Вы что творите?!

Хватка на моей голове тут же ослабла. Шон отступил, вынул член у меня изо рта и запихал обратно в шорты. Мои руки тоже отпустили.

— Я спрашиваю, какого черта вы творите?!

Я часто заморгал и сквозь пелену слез смог рассмотреть высокого бледного человека на краю площадки. Это был мистер Хэллоран. Он перебрался через плетеный забор и направился прямо к нам. На нем была та же униформа: большая мешковатая рубашка, узкие джинсы и ботинки, а сегодня еще и серая шляпа. Бесцветные волосы были зачесаны назад. Его лицо в тени шляпы казалось окаменевшим и напоминало кусок мрамора, глаза горели. Он был зол как черт. А еще напуган и очень похож на какого-то ангела мщения из комиксов.

— Ничего не делаем. Ничего не делаем, — услышал я голос Шона. Он уже не казался таким самоуверенным. — Просто болтаемся.

— Болтаетесь?

— Да, сэр.

Взгляд мистера Хэллорана упал на меня и смягчился.

— Ты в порядке?

Я с трудом поднялся на ноги и кивнул:

— Да...

— Это правда, что вы просто «болтались»?

Я взглянул на Шона. Он бросил на меня ответный взгляд. Я знал, что он означает. Если посмею сказать хоть что-нибудь, мне конец. Я больше никогда не смогу выйти из дома. А если буду держать язык за зубами, мне ничего не сделают. Мое испытание окончено, я достаточно наказан.

— Да, сэр. Просто болтались.

Он не отводил от меня глаз. Я опустил свои и уставился на кроссовки, чувствуя себя маленьким, тупым и трусливым.

Наконец он отвернулся от меня.

— Ладно, — сказал мистер Хэллоран, глядя на остальных мальчиков. — Я не знаю точно, что сейчас видел здесь, и только поэтому вы еще не в полиции. А теперь выметайтесь отсюда, пока я не передумал!

— Да, сэр, — в унисон промямлили те, в одну секунду став кроткими и послушными, как дети.

Я смотрел, как они садятся на велосипеды и уезжают прочь. Мистер Хэллоран тоже. На секунду я подумал, что он забыл про меня. А затем он снова повернулся ко мне:

— Ты действительно в порядке?

Что-то было такое в его выражении лица, глазах и даже голосе, что я не смог снова ему

солгать. Я затряс головой, чувствуя, как опять подступают слезы.

— Я так и думал. — Он сжал губы. — Больше всего на свете ненавижу таких хулиганов. Знаешь, что самое главное в хулиганах?

Я снова потряс головой. Тогда я почти ничего ни о чем не знал. Я чувствовал себя очень слабым. Меня трясло. Живот болел, голова болела, меня переполнял стыд. Мне хотелось вымыть рот отбеливателем, скрести и драить себя, пока не сотру кожу до мяса.

— Они все трусы, — сказал мистер Хэллоран. — А трусы всегда получают по заслугам. Есть такая вещь — карма. Слышал про нее?

Я в который раз потряс головой. Теперь мне хотелось, чтобы мистер Хэллоран поскорее ушел. И в то же время — нет.

— Это значит: «Что посеешь — то и пожнешь». Если ты сделал что-то плохое, рано или поздно оно вернется к тебе и укусит за зад. Этого парня карма тоже нагонит. Можешь не сомневаться.

Он положил ладонь мне на плечо и коротко сжал его. Я выдавил из себя слабую улыбку.

— Это твой велосипед?

— Да, сэр.

— Не хочешь отвезти его домой?

Я собрался было ответить «да», но чувствовал себя слишком уставшим для этого, поэтому просто стоял и не двигался. Мистер Хэллоран сочувственно улыбнулся.

— Моя машина там. Бери велосипед, я тебя подвезу.

Мы пересекли дорогу и подошли к его машине. Синяя «Принцесса». На парковке у «Спара» тени не было, так что, когда он открыл дверцу, на нас дохнуло зноем. К счастью, сиденья в машине были обиты тканью, а не резиной, как в папиной машине, и когда я сел, ноги не обжег. И все же я чувствовал, как футболка прилипает к телу. Мистер Хэллоран сел на водительское сиденье.

— Фу! Жарковато, да?

Он опустил стекло на окне. Я сделал то же самое со своей стороны. Когда мы тронулись, в салон влетел прохладный ветерок. Но даже несмотря на это, сидя в этом запертом разогретом пространстве, я чувствовал, как от меня исходит ужасающая вонь пота, крови, грязи и еще бог весть чего. Мама меня убьет. Я так и слышал ее: «Бог ты мой, что случилось, Эдди? Ты что, подрался? Ты же весь грязный, взгляни на свое лицо! Кто это с тобой сделал?»

Она наверняка захочет выяснить, кто это сделал, а когда она возьмется за это, начнется жуткая жуть. Я почувствовал, как моя душа медленно двинулась в направлении пяток.

Мистер Хэллоран взглянул на меня:

— Ты в порядке?

— Мама, — выдавил я из себя. — Она просто взбесится.

— Но ты же не виноват в том, что случилось.

— Это не важно.

— Если ты ей скажешь, что...

— Не могу я ей сказать.

— Ладно.

— Ей и так непросто в последнее время. Из-за всего... этого.

— А! — Он сказал это таким тоном, словно прекрасно понимал, что значит «все это». — Вот что. Давай-ка мы заедем сначала ко мне и ты немного приведешь себя в

порядок.

На перекрестке он притормозил и посигналил, но вместо того чтобы повернуть налево, в сторону моего дома, повернул вправо. Еще пара поворотов, и мы подъехали к маленькому выбеленному коттеджу.

Мистер Хэллоран улыбнулся мне:

— Пойдем, Эдди.

Внутри коттеджа царили темнота и прохлада. Все занавески были задернуты. Входная дверь вела прямо в небольшую гостиную. Мебели здесь оказалось немного: пара кресел, кофейный столик и маленький телевизор на стуле. Пахло тоже странно — травами и еще чем-то. На кофейном столике стояла пепельница — в ней валялись два белых окурка.

Мистер Хэллоран тут же схватил ее:

— Пожалуй, избавлюсь-ка я от этого. Ванная комната наверху.

— Ага.

Я поднялся по узкой лестнице. Наверху обнаружилась тесная ванная комната, вся в зеленом цвете. Прямо у самой ванны и возле унитаза лежали бледно-оранжевые коврики. К стене над раковиной крепился маленький зеркальный шкафчик. Я закрыл дверь и посмотрел на свое отражение. К носу присохли сопли, щеки были измазаны в грязи. Какое счастье, что мама не увидит меня таким! Иначе бы я весь остаток каникул провел в заточении — в своей комнате и в саду на заднем дворе. Окунув в теплую воду полотенце, найденное у раковины, я принялся тереть свое лицо. Вода темнела по мере того, как я становился чище.

Я снова взглянул на свое лицо. Уже лучше. Почти нормальный вид. Я вытерся большим колючим полотенцем и вышел из ванной.

Если бы я просто спустился по лестнице, как и должен был, тогда все было бы в порядке. Я вернулся бы домой и забыл об этой встрече. Но я вдруг понял, что стою и неотрывно смотрю на две другие двери на этом этаже. Обе были закрыты. Мне стало любопытно, что там, за ними. Ничего ведь не случится, если я взгляну разок?

Я взялся за ручку, повернул и открыл ближайшую дверь.

Оказалось, что это не спальня. Мебели там не было вообще. В центре комнаты возвышался мольберт, накрытый грязной простыней. А вокруг него, прислоненные к стенам, стояли картины. Много-много картин. Некоторые были написаны мелкими, или как их там называл мистер Хэллоран, но все остальные — краской, жирной густой краской.

Почти на всех картинах были изображены только две девушки. Одна — бледная и светловолосая, во многом похожая на самого мистера Хэллорана. Красивая, но грустная, как будто кто-то сказал ей что-то неприятное и она изо всех сил старалась не показывать обиду.

Другую девушку я сразу узнал. Это была Девушка с Карусели. На первой картине она в белом платье сидела боком к окну. Виднелся только ее профиль, но я сразу же понял, что это она — и она была прекрасна. Следующая картина отличалась от этой. Девушка с Карусели сидела в саду, в симпатичном длинном сарафане, вполоборота к художнику. Шелковые каштановые волосы волнами спадали на плечи. Выделялись плавная линия ее подбородка и один большой миндалевидный глаз.

На третьей картине ее лицо было видно еще лучше. Точнее, та его часть, которую срезал осколок металла. Но она уже не выглядела так ужасно, потому что мистер Хэллоран постарался смягчить все шрамы, так что они напоминали разноцветную мозаику. Волосы наполовину прикрывали поврежденный глаз. Она снова казалась почти прекрасной, просто эта красота была несколько иной.

Я перевел взгляд на мольберт и поймал себя на том, что сделал пару шагов к нему. Взялся за краешек простыни и тут услышал скрип половиц.

— Эдди? Что ты делаешь?

Я прыжком развернулся, и вот уже второй раз за день меня охватил жуткий стыд.

— Простите. Я просто... хотел посмотреть.

В тот миг я был уверен, что мистер Хэллоран вышвырнет меня вон. А затем он улыбнулся:

— Ничего страшного. Надо было мне закрыть дверь.

Я уже собрался заверить его в том, что он ее закрыл, но потом до меня дошло: он сам решил меня выручить.

— Красивые картины, — сказал я.

— Спасибо.

— Кто это? — спросил я, кивнув на портрет блондинки.

— Моя сестра. Ее зовут Дженни.

Это объясняло их сходство.

— Она очень милая.

— Да. Была. Она умерла. Несколько лет назад. Лейкемия.

— Простите.

Я не знал, за что именно извиняюсь, но ведь именно так говорят люди, когда кто-нибудь умирает.

— Все хорошо. Благодаря этим картинам мне в каком-то смысле удастся возвращать ее к жизни... Узнал Элайзу?

Девушка с Карусели. Я кивнул.

— Я часто навещал ее в больнице.

— Она в порядке?

— Не совсем, Эдди. Но будет в порядке. Она сильная. Сильнее, чем думает.

Я молчал. Казалось, мистер Хэллоран хотел сказать что-то еще.

— Я надеюсь, эти картины помогут ей быстрее прийти в себя. Элайза такая девушка...

Ей всю жизнь все вокруг говорили, как она красива. А теперь, когда у нее отобрали красоту, ей кажется, что больше ничего не осталось. Но на самом деле осталось. Просто... глубоко внутри. И я хотел показать ее внутреннюю красоту. Убедить, что ей еще есть за что держаться.

Я снова взглянул на ее портрет. Кажется, я понял. Да, она не выглядела так, как прежде. Но все же на этой картине можно было увидеть ее красоту. Немного другую, особенную. И насчет того, что нужно держаться за что-то, я тоже понял. Насчет того, что эти вещи не исчезают навсегда. Я хотел сказать ему об этом, но, обернувшись, увидел, что мистер Хэллоран смотрит на картину так, словно забыл о том, что я тоже здесь.

Тогда-то я и понял. Он был в нее влюблен.

Мне нравился мистер Хэллоран, но, даже несмотря на это, мне стало не по себе. Это было неправильно. Мистер Хэллоран ведь взрослый. Не старик (позже я узнал, что ему тридцать один год), но все же взрослый, а Девушка с Карусели... Ну... хоть она и не школьница, но все же намного младше, чем он. Он не должен любить ее. Из-за этого могут быть неприятности. Целая куча.

Внезапно он как будто вспомнил о том, что я все еще рядом с ним, и отступил от портрета.

— Так или иначе, все это выглядит сумбурно. Вот поэтому я и не учу других рисовать. Ни один из моих учеников не смог бы закончить свою картину. — Он улыбнулся желтозубой улыбкой. — Ну что, готов ехать домой?

— Да, сэр.

Больше всего на свете мне хотелось домой.

Мистер Хэллоран остановился неподалеку от моего дома.

— Я думаю, ты не хочешь, чтобы твоя мама задавала вопросы.

— Спасибо.

— Помочь тебе вытащить велосипед из багажника?

— Нет, все нормально, я справлюсь. Спасибо вам, сэр.

— Не за что, Эдди. И еще кое-что...

— Да?

— Я никому не расскажу о том, что случилось. Если и ты ничего не расскажешь о картинах. Это... личное.

Долго думать мне не пришлось. Я уж точно не желал, чтобы кто-то узнал о случившемся сегодня.

— Да, сэр. То есть по рукам.

— Отлично. Пока, Эдди.

— До свидания, сэр.

Я вытащил свой велосипед и покатил его по улице к подъездной дорожке. Прислонил к стене у входной двери. На верхней ступеньке лежала какая-то коробка. Посылка. На ней был ярлычок — получателем значилась «Миссис М. Адамс». Я подумал о том, почему почтальон не постучал в дверь или почему мама и папа его не услышали.

Я поднял посылку и внес в дом.

— Привет, Эдди! — крикнул папа из кухни.

Я быстро оглядел себя в зеркале прихожей. У меня на лбу виднелся синяк, и футболка была грязноватой, но тут ничего не попишешь. Я сделал глубокий вдох и вошел в кухню.

Папа сидел за столом и пил лимонад из большого стакана. Он взглянул на меня и нахмурился.

— Что с головой?

— Я... э-э... упал с лестницы на площадке.

— Ты в порядке? Тебя не тошнит? Голова не кружится?

— Нет, все хорошо.

Я положил посылку на стол:

— На крыльце нашел.

— Ах да. Я не слышал звонка. — Он поднялся и позвал маму сверху: — Марианна! Тут посылка тебе.

— Сейчас иду! — отозвалась мама.

— Хочешь лимонада, Эдди? — спросил папа.

— Да, спасибо, — кивнул я.

Он подошел к холодильнику и достал бутылку из дверцы. Я принялся. В комнате пахло чем-то странным. Мама вошла на кухню. Она подняла очки, зачесав ими назад темные волосы. Вид у нее был усталый.

— Привет, Эдди. — Она взглянула на посылку. — Что это?

— Понятия не имею, — отозвался папа.

— Чувствуешь запах? — Она принялась.

Папа потряс головой, но затем принялся и сам.

— Ну... может, немного.

Мама снова взглянула на посылку и попросила несколько натянутым голосом:

— Джефф, дай мне ножницы.

Папа достал из ящика ножницы и передал ей. Она перерезала коричневый скотч, опоясывающий коробку, и открыла посылку.

Мою маму трудно было чем-то смутить. Но в тот момент она отскочила с криком: «Боже!»

Папа заглянул в коробку.

— Господи Иисусе!

И, прежде чем он успел схватить ее и выбросить, я заглянул внутрь.

На дне коробки лежало что-то маленькое и розовое, покрытое кровавой слизью. Позже я узнал, что это был зародыш свиньи. Из его верхней части торчал тонкий нож. На него была наклеена бумажка. А на бумажке написано всего одно слово:

«ДЕТОУБИЙЦА»

Принципы — это хорошо. Особенно когда ты можешь их себе позволить. Мне нравится думать, что я принципиальный человек, но именно так и считает большинство людей. Однако на самом деле у каждого из нас есть цена, у каждого есть рычажки, на которые можно нажать, чтобы заставить поступать бесчестно. Принципы не оплатят вам ипотеку и не помогут отдать долги. Принципы ничего не стоят в повседневной жизни. Принципиальный человек — это, как правило, тот у кого есть все, чего он хочет, или тот, у кого вообще ничего нет, и терять ему нечего.

Я не могу уснуть. И не только потому, что перебрал вина и спагетти, отчего страдаю расстройством желудка.

«Я знаю, кто ее убил».

Потрясающе. Майки признавал, что именно такой эффект это и произведет. Но правду так и не раскрыл.

— Пока что не могу сказать. Сначала мне нужно кое-что прояснить.

«Вот дерьмо», — подумал я тогда. Но все же кивнул. В тот момент я просто оцепенел от шока.

— Я дам тебе переспать с этой мыслью, — сказал Майки перед уходом. Он был без машины и не позволил мне вызвать ему такси. Остановился он в отеле на окраине города.

— Думаю, мне не помешает прогулка, — пояснил он.

Я не был в этом так уверен, потому что на ногах он держался весьма нетвердо. Но все-таки согласился. В конце концов, было не так поздно, да и он уже не ребенок.

После того как он ушел, я загрузил грязную посуду в посудомойку и удалился в гостиную, прихватив большую бутылку бурбона, — чтобы подумать о его предложении. Возможно, я задремал разок. Или даже два. Просто прикрыл глаза. Послеобеденная дрема — это проклятие всех людей средних лет.

Я вздрогнул и проснулся, когда услышал, как где-то наверху поскрипывают ступени старой лестницы.

Хлоя сунула голову в дверь:

— Привет.

— Привет.

Она переоделась в пижаму. На ней была мешковатая футболка поверх мужских пижамных штанов и сползающих с ног носков. Темные волосы были распущены. Она выглядела сексуальной, уязвимой и неряшливой одновременно. Я уткнулся в бутылку бурбона.

— Ну как прошло? — спросила она.

Я подумал секунду:

— Интересно.

Она шагнула в комнату и уселась на подлокотник кресла.

— Валяй.

Я отпил из бутылки.

— Майки хочет написать книгу. Или даже сценарий для ТВ-шоу — о том, что здесь произошло. И ему нужна моя помощь.

— Интригующе.

— Не то слово.

— И?

— Что — и?

— Я так понимаю, ты сказал ему «да»?

— Я ничего ему не сказал. Я не уверен, что хочу этого.

— Почему?

— Потому что слишком много «но». Например, я не знаю, как отреагируют местные жители на то, что мы ворошим прошлое. Еще есть Гав и Хоппо. И наши близкие.

«И Никки, — подумал я. — Интересно, он говорил с Никки?»

Хлоя нахмурилась:

— Ясно-понятно. Ну а что насчет тебя самого?

— Меня?

Она вздохнула, наградив меня таким взглядом, что я почувствовал себя туповатым ребенком.

— Это же отличная возможность для тебя. Да и деньги, думаю, лишними не будут.

— Дело не в этом. К тому же пока все это вилами по воде писано. Такие задумки, как правило, быстро выкидывают на обочину.

— Да, но иногда можно и рискнуть.

— Серьезно?

— Да. Иначе никогда ничего не добьешься. Так и просидишь в коконе, вместо того чтобы прожить жизнь на всю катушку.

Я поднял бокал:

— Что ж, спасибо за совет. Мудрый совет от того, кто живет в захолустье и работает на полставки в магазине дерьмовой одежды. Ты знаешь, как жить на всю катушку.

Она встала и направилась к двери.

— Ты надрался. Я иду спать.

Меня захлестнул стыд. Я идиот. Первоклассный, дипломированный идиот.

— Прости.

— Да забей. — Она бросила мне кислую усмешку. — Утром ты все равно ничего не вспомнишь.

— Хлоя...

— Проспись, Эд.

«Проспись». Я переворачиваюсь на бок, а затем снова на спину. Хороший был бы совет. Если бы я мог спать.

Пытаюсь улечься на подушку, но это плохая идея. Желудок скрутило жгутом. Надо поискать антациды. Кажется, были где-то. Кажется, на кухне.

Я нехотя спускаю ноги с кровати и ползу вниз. Включаю на кухне свет, и он обжигает мои воспаленные глаза. Щурюсь и роюсь в ящиках. Скотч, «Блю-так»,^[17] ручки, ножницы, какие-то ключи, болтики и колода старых игральных карт. В конце концов я нахожу антациды — они лежат на самом дне ящика, рядом с пилочкой для ногтей и старым штопором.

В упаковке осталась всего одна таблетка. Пожалуй, хватит. Я закидываю ее в рот. Странно, она должна быть фруктовой на вкус, но вместо этого кажется, будто я жую кусочек мела.

Возвращаюсь обратно в коридор и в этот момент замечаю сразу две вещи: в гостиной

горит свет. А еще откуда-то исходит странный запах. Сладкий и в то же время противный и тошнотворный. Как будто что-то гниет.

Знакомый запах.

Я делаю шаг вперед и внезапно наступаю на что-то шершавое, похожее на песок. Смотрю вниз. Пол весь в земле. Похоже на след. Как будто что-то протащило по полу и оставило после себя земляной след. Что-то, вылезшее из холодных темных глубин, кишаших червями...

Я сплываю. Нет. Нет, это невозможно. Просто мое сознание решило сыграть со мной шутку. Откопало старый кошмар, приснившийся двенадцатилетнему мальчишке с буйной фантазией.

Осознанный сон. Вот как это называется. Сон, который кажется ужасающе реальным. В таком сне можно заниматься вполне обычными вещами, и они будут только подпитывать эту иллюзию. Например, разговаривать, готовить, набирать ванну... или делать кое-что другое.

Все это не настоящее. Если не считать совершенно реальных комочков грязи между пальцами и привкуса мела во рту. Мне просто нужно проснуться. Проснись. Проснись! К сожалению, теперь проснуться настолько же непросто, насколько недавно тяжело было заснуть.

Я делаю еще один шаг и касаюсь ладонью двери, ведущей в гостиную. Ну конечно. Ведь это сон. А такие сны, как этот, — плохие — нужно проходить до конца. И этот путь, извилистый и узкий, ведет сквозь темную чащу напрямик в пряничный домик, стоящий на самом дне нашего рассудка.

Я толкаю дверь. Здесь тоже холодно. И это не обыденный, нормальный холод. Не привычный холодок ночного дома. Этот холод пробирает до костей и смерзается в ледышку у вас в кишках. Это холод, порожденный ужасом. И запах здесь просто сбивает с ног. Я не могу дышать. Мне хочется попятиться и выйти из комнаты. Хочется сбежать. Кричать. Но вместо этого я просто включаю свет.

Он сидит в моем кресле. Светлые волосы липнут к его лысине, точно паутина, едва прикрывая проломленный череп и мозг. Гниющая кожа кусками отваливается от лица.

На нем, как и всегда, — мешковатая черная рубашка, узкие джинсы и тяжелые черные ботинки. Его одежда — потрепанная и рваная. Ботинки стоптанные и заляпанные. Широкополая шляпа мирно покоится на подлокотнике кресла.

Я должен был догадаться. Время детских страхов миновало. Теперь я взрослый. Теперь уже не Бугимэн. Настало время встретиться с Меловым Человеком.

Мистер Хэллоран оборачивается и смотрит на меня пустыми глазницами. Я вижу, как в них вспыхивает осознание того, кто я такой. Он узнал меня. Но есть еще одна причина, по которой я не хочу смотреть в эти пустые глаза слишком долго. Боюсь, что тогда навсегда потеряю рассудок.

— Здравствуй, Эд. Давно не виделись.

Когда я спускаюсь на кухню, Хлоя уже сидит там, пьет кофе и жует тосты. На часах восемь, но я совершенно не чувствую себя отдохнувшим.

Она сменила волну на радио, и вместо привычной музыки «Radio 4» из колонок рвутся такие звуки, как будто вокалист орет в агонии, пытаясь разбить себе голову гитарой.

Надо ли говорить, что от этого не становится легче моей собственной, и без того раскалывающейся от боли голове?

Хлоя оглядывается на меня:

— Выглядишь как дерьмо.

— И чувствую себя так же.

— Хорошо. Так тебе и надо.

— Спасибо за сочувствие.

— Мазохистам не сочувствуют.

— И снова спасибо... А есть возможность заткнуть этого злого белого типа, у которого в детстве явно были проблемы с папочкой?

— Это называется рок-музыка, дедуля.

— Я так и сказал.

Она качает головой, но все же уменьшает громкость. Я подхожу к кофемашине и наливаю себе черный кофе.

— Ну и долго ты шатался после того, как я легла спать? — спрашивает Хлоя.

Я усаживаюсь за стол:

— Недолго. Я был очень пьян.

— Это да.

— Прости.

Она небрежно взмахивает бледной рукой:

— Забей. Мне не нужно было влезать во все это. Это не мое дело.

— Нет, правда, я думаю, ты права. И в том, что говорила. Но иногда все не так... просто.

— Да норм. — Она отхлебывает кофе. — Уверен, что недолго шатался?

— Да.

— И не просыпался еще раз?

— Было один раз, я искал таблетки.

— И все?

Мою память вспышкой озаряет фрагмент из сновидения.

«Здравствуй, Эд. Давно не виделись».

Я отгоняю его.

— Да. А что?

Она бросает на меня странный взгляд:

— Давай я лучше кое-что тебе покажу.

Она поднимается и выходит из кухни. Я нехотя встаю и следую за ней.

У двери в гостиную она оборачивается:

— Мне очень интересно теперь, что ты делал после того, как ушел твой друг?

— Просто покажи мне, Хлоя.

— О'кей.

И она толкает дверь.

Я не так много отремонтировал в старом доме, но последним новшеством была дровяная печь со сланцевым покрытием, которой я заменил старый камин.

Я смотрю на нее и не могу отвести взгляд.

Вся печь покрыта рисунками. Их белый контур горит на черном сланцевом фоне. Их дюжины. Они лезут друг на друга в каком-то исступлении.

Белые меловые человечки.

К нам домой пришел полицейский. Раньше такого никогда не было. До этого лета я ни разу не видел никого из них так близко.

Этот был высоким и худым, с темной гривой волос, с квадратным лицом. Он выглядел как гигантский человечек из лего, разве что не был желтым. И его звали констебль Томас.

Он заглянул в коробку, сунул ее в мусорный пакет и унес в свою полицейскую машину. А затем вернулся, неловко взгромоздился на стул в кухне и начал задавать вопросы маме и папе. Ответы он заносил в маленький блокнот на пружине.

— Значит, посылку нашел на крыльце ваш сын?

— Именно так, — сказала мама и посмотрела на меня. — Так было, Эдди?

Я кивнул:

— Да, сэр.

— Во сколько это случилось?

— В четыре минуты пятого, — сказала мама. — Я как раз посмотрела на часы перед тем, как спуститься.

Полицейский снова заскрипел ручкой:

— И ты не видел, как кто-то отходил от дома или просто расхаживал по улице неподалеку?

Я потряс головой:

— Нет, сэр.

— О'кей.

Он снова что-то записал. Папа поерзал в кресле.

— Слушайте, все это бессмысленно, мы и так знаем, кто оставил эту посылку.

Констебль Томас бросил на него весьма странный взгляд. Не очень дружелюбный, как мне показалось.

— Разве, сэр?

— Да. Кто-то из шайки отца Мартина. Они все время пытаются запугать мою жену и всю мою семью. По-моему, пора положить этому конец.

— У вас есть свидетели?

— Нет, но это же очевидно, разве не так?

— Думаю, сейчас не самое подходящее время для таких голословных обвинений.

— Голословных? — Похоже, папа начал злиться. С ним такое редко происходило, но когда все-таки происходило, он сразу же выходил из себя.

— Нет такого закона, который запрещал бы мирные протесты.

И вот тогда-то я и понял. Полицейский был не на нашей стороне. Он тоже был на стороне протестующих.

— Вы правы, — спокойно сказала мама. — Мирные протесты — это не преступление. Но запугивания, преследования и угрозы — это преступление. Я надеюсь, вы относитесь к этому серьезно?

Констебль Томас захлопнул блокнот:

— Разумеется. Если мы найдем виновных, можете не сомневаться, они получат по заслугам.

Он встал, и ножки стула скрипнули, проехавшись по кухонному кафелю.

— А теперь, с вашего позволения, мне пора идти.

И он вышел из кухни. Входная дверь захлопнулась за ним.

— Он не хочет нам помогать? — спросил я у мамы.

— Конечно хочет, — вздохнула мама.

— Может, хотел бы еще больше, не будь его дочурка одной из этих протестующих, — фыркнул папа.

— Джефф, — прервала его мама, — хватит.

— Ладно. — Он встал и на секунду показался мне совсем не похожим на себя. Его лицо было каменным от злости. — Но если полиция не станет разбираться с этим, тогда разберусь я.

Перед началом учебы мы решили собраться еще раз и погулять напоследок. Встретились в доме у Толстяка Гава. Как обычно. У него были самая большая комната и самый большой сад с качелями и домиком на дереве. А его мама всегда щедро снабжала нас газировкой и чипсами.

Мы валялись на траве, несли всякую чушь и подкалывали друг друга. Несмотря на наш договор с мистером Хэллораном, я кое-что рассказал им о встрече с братом Железного Майки. Мне пришлось, потому что, если этот тип пронюхал про меловых человечков, значит, вся наша тайная игра пошла прахом. Конечно, в моей версии я героически дрался с ним, а потом сбежал. Меня немного беспокоило то, что Шон мог рассказать обо всем Железному Майки; тот с удовольствием опровергнет всю мою ложь. Но, похоже, мистер Хэллоран здорово запугал Шона, и он ничего не сказал.

— Так, значит, твой брат узнал о меловых человечках? — спросил Толстяк Гав, неодобрительно разглядывая Майки. — Ну ты и трепло.

— Я ничего ему не говорил, — заскулил Железный Майки. — Наверное, он сам узнал. В смысле, вспомните: мы же рисовали их повсюду. Наверное, он просто увидел и все.

Он лгал, конечно, но мне было плевать, как именно Шон обо всем догадался. Важно было лишь то, что он узнал, а это все меняло.

— Думаю, нам стоит придумать какой-то новый способ для обмена сообщениями, — предложил Хоппо без особого энтузиазма.

Я понимал, что он чувствует. Теперь, когда наша тайна вышла наружу, все было испорчено. А хуже всего то, что узнал о ней Шон.

— В любом случае это была довольно глупая игра, — сказала Никки и встряхнула волосами.

Я уставился на нее, чувствуя себя одновременно и уязвленным, и раздраженным. Она сегодня была какая-то странная. Иногда с ней такое случалось. Она становилась хмурой и вечно спорила с нами.

— Нет, не была, — сказал Толстяк Гав. — Но я думаю, продолжать ее нет смысла, раз Шон знает. К тому же завтра уже начнется школа.

— Ну да.

Все мы дружно вздохнули. Этим вечером мы чувствовали себя немного подавленно. Даже Толстяк Гав не говорил с этим своим дурацким акцентом. Голубое небо выцвело и стало мутно-серым. Облака нетерпеливо толпились на нем, так, словно не могли дождаться, когда можно будет как следует полить нас дождем.

— Мне, наверное, пора, — сказал Хоппо. — Мама хотела, чтобы я нарубил дров для камина.

Как и у всех нас, у Хоппо и его мамы в их стареньком доме с террасой был самый настоящий дряхлый и жуткий камин.

— Мне тоже пора, — сказал Железный Майки. — Мы сегодня едем на чай к бабушке.

— Че-е-ерт, вы все разбиваете мне сердце, — протянул Толстяк Гав, хотя и не вполне искренне.

— Мне тоже, наверное, пора, — признал я. Мама купила мне какую-то новую одежду для школы и хотела, чтобы я примерил ее до чая, и тогда у нее будет время что-то переделать, если понадобится.

Мы поднялись; после небольшой паузы поднялась и Никки.

Толстяк Гав драматично растянулся на траве.

— Ну и валите. Вы меня убиваете.

Теперь я понимаю, что тогда мы собрались вместе в последний раз.

Мы были спокойны, потому что оставались друзьями, настоящей бандой. Это уже потом все начало трещать по швам.

Хоппо и Железный Майки двинулись в одном направлении. Нам с Никки пришлось пойти в противоположном. Дом священника располагался неподалеку от нашего, и иногда мы с Никки возвращались домой вместе. Но нечасто. Обычно Никки уходила первая. Думаю, все дело в ее отце. Он был довольно строг и не любил, когда время тратили попусту. Хотя на самом деле ему, скорее всего, просто не нравилось, что Никки болтается с нами. Впрочем, мы не очень из-за этого переживали. Он был священником, и это все объясняло. Я имею в виду: священникам вообще ничего не нравится, разве нет?

— Ну так что, эм-м, все купила для школы? — спросил я, когда мы перешли перекресток и миновали парк.

Она бросила на меня один из этих своих взрослых взглядов:

— Я все знаю.

— Что знаешь?

— Знаю о той посылке.

— А!

Я никому не рассказывал о ней. Все это было слишком сложно и запутанно, и мне казалось, что это будет не совсем честно по отношению к родителям.

И, насколько я мог видеть, после нее особенно ничего не изменилось. Полицейский больше к нам не приходил, и я не слышал, чтобы кого-то арестовали. Мамина больница благополучно открылась, но протестующие продолжали кружить под ней, как стервятники.

— К папе приходил коп.

— Ох!

— Ага.

— Прости... — начал было я, но она меня перебила:

— За что? Мой папаша — говнюк.

— Серьезно?

— Просто все боятся сказать ему об этом в лицо, потому что он священник. Даже полицейский. Это так жалко. — Она замолчала и посмотрела на свои пальцы — четыре из пяти пальцев были заклеены пластырем.

— Что с твоей рукой?

Никки долго медлила с ответом. На секунду я подумал, что она и вовсе ничего не скажет. А затем она внезапно спросила:

— Ты любишь своих родителей?

Я нахмурился. Не этого я ждал.

— Ну конечно. Наверное.

— Ну... а я ненавижу своего отца. Страх как ненавижу.

— Ты же не всерьез?

— Нет, всерьез. И я очень обрадовалась, когда твой папа его ударил. Жаль, что он не выбил из него все дерьмо. — Тут она посмотрела на меня, и что-то в ее взгляде заставило меня похолодеть. — Лучше бы он его убил.

А затем она отбросила волосы за спину и двинулась вперед, так быстро и решительно, что мне стало ясно: она не хочет, чтобы я пошел следом. Я подождал, пока она не скроется за углом, а потом уныло поплелся вниз по дороге. Тяжесть этого дня ощутимо давила мне на плечи. Я просто хотел поскорее попасть домой.

Когда я вошел, папа как раз готовил чай. Сегодня к ужину были мои любимые рыбные палочки и чипсы.

— Можно мне посмотреть телик? — спросил я.

— Нет. — Он перехватил меня за руку. — Твоя мама в гостиной, у нее встреча. Лучше сходи наверх, вымой руки и садись ужинать.

— А с кем она?

— Иди мой руки.

Я вышел в холл. Дверь в гостиную была приоткрыта. Мама сидела на диване с какой-то блондинкой. Девчонка рыдала, и мама обнимала ее. Эта блондинка казалась мне знакомой, но я не мог припомнить, где видел ее раньше. И только когда я уже мыл руки, то внезапно понял. Это была подружка Девушки с Карусели, та самая блондинка, та, которая была среди протестующих у клиники. Мне стало интересно, что она забыла у нас дома и почему она плачет. Может, решила извиниться перед мамой? Или у нее тоже случилась «ситуация»? Как оказалось, последнее.

Но это была не та ситуация, которую я себе представлял.

Они нашли тело в воскресенье утром — через три недели после того, как начался школьный семестр.

И хотя никто из нас никогда этого не признает, вернуться в школу после летних каникул оказалось не так тяжело, как мы воображали. Шесть недель каникул были прекрасными. Но без конца развлекаться и придумывать, чем бы заняться, тоже может стать утомительным делом.

А эти летние каникулы были довольно странными. В какой-то степени я даже радовался, что они остались позади и теперь я мог вернуться хоть к какой-то нормальности. Та же рутина, те же уроки, те же лица. Ну, если не считать мистера Хэллорана.

У меня он уроки не вел. Я чувствовал одновременно сожаление и облегчение по этому поводу. Учителя должны быть милыми и дружелюбными, но в то же время неплохо, если они держат дистанцию. У нас с мистером Хэллораном был общий секрет, и хоть это было клево с одной стороны, с другой заставляло меня чувствовать себя неловко в его присутствии, как будто мы видели друг друга голыми или вроде того.

Конечно же, мы встречали его в школе — за обедом, иногда — как дежурного учителя в кафетерии, и еще он заменял миссис Уилкинсон на уроке английского языка в тот день, когда она заболела. Он был хорошим учителем — веселым, интересным, он отлично знал,

как сделать уроки чуть менее скучными. Он был настолько хорошим, что со временем мы даже перестали обращать внимание на его внешность, хотя это не помешало ученикам с первого же дня дать ему прозвище Мистер Мел или Меловой Человек.

В то воскресенье ничего особенного не происходило. И меня это вполне устраивало. В этой скуке было что-то нормальное, наконец-то, и мне это нравилось. Мама и папа тоже казались менее напряженными. Я валялся на кровати у себя в комнате и читал, когда внезапно зазвенел дверной звонок. И в тот же миг — ну, знаете, как это бывает, — я понял: что-то случилось. Что-то плохое.

— Эдди? — позвала меня снизу мама. — Пришли Майки и Дэвид!

— Иду!

Я несколько неохотно поплелся вниз, к входной двери.

Мама скрылась на кухне.

Железный Майки и Хоппо стояли с велосипедами на нашем крыльце. Лицо у Железного Майки было красным, словно он вот-вот лопнет от переполняющего его возбуждения.

— Говорят, какой-то пацан упал в реку!

— Да, — тут же добавил Хоппо. — Там «скорая» и полиция, обмотали лентой, короче, все это дерьмо. Не хочешь поехать взглянуть?

Мне хотелось бы сказать, что их желание поглазеть на бедного мертвого ребенка показалось мне омерзительным и странным. Но мне было двенадцать. Конечно, я хотел на это посмотреть.

— Да, можно.

— Пошли тогда! — нетерпеливо воскликнул Железный Майки.

— Мне нужно взять велосипед.

— Поторопись, — сказал Хоппо. — А то не успеем и ничего не увидим.

— Не увидим что? — Из двери, ведущей в кухню, показалась мамина голова.

— Да ничего, мам, — отозвался я.

— Для «ничего» ты очень торопишься.

— Просто на площадке появилась одна клевая новая штуковина, — соврал Железный Майки. У него это всегда хорошо получалось.

— Ладно, только не задерживайся. Я буду ждать тебя к обеду.

— Хорошо!

Я запрыгнул на свой велосипед, и мы покатали вниз по улице.

— Где Толстяк Гав? — спросил я Железного Майки, потому что он именно его всегда звал первым.

— Его мамаша сказала, что отправила его по магазинам. Так что сам виноват.

Но потом оказалось, что это не так. Виноват во всем был Железный Майки.

Берег оцепили, и полицейские не разрешали подходить слишком близко. Взрослые стояли, сбившись в кучки, и вид у них был обеспокоенный. Мы остановили велосипеды возле небольшой толпы наблюдателей.

Честно говоря, мы были немного разочарованы. Помимо оцепления полиция установила что-то вроде огромного зеленого шатра, так что мы ничего не видели.

— Как думаете, тело там? — спросил Железный Майки.

Хоппо передернул плечами:

— Кто знает?

— Зуб даю, он уже весь распухший, зеленый и без глаз. Потому что рыбы съели его

глаза.

— Гадость! — Хоппо издал такой звук, словно его тошнит.

Я попытался избавиться от картинки, которую Железный Майки вживил мне прямо в мозг, но никак не получалось.

— Вот черт, — вздохнул он. — Мы опоздали.

— Погодите, — сказал я. — Они что-то выносят.

Началось какое-то движение. Полицейские осторожно вынесли что-то из зеленого шатра. Но это было не тело, а велосипед. Или, скорее, то, что от него осталось. Он был погнут и скручен, на нем болталась мокрая трава. Но все равно мы сразу же узнали его. Все узнали.

Это был ВМХ. Ярко-красный, с нарисованным на нем черным черепом.

Красный ВМХ Шона постоянно мелькал в городе ранним утром в субботу и воскресенье. Шон развозил на нем почту. Но в это воскресенье, когда Шон вышел из дому, чтобы, как всегда, взгромоздиться на свой велик, он обнаружил, что тот исчез. Кто-то его украл.

В прошлом году по нашему городу прокатилась волна краж велосипедов. Какие-то парни из колледжа уводили их и бросали в реку просто ради забавы.

Возможно, именно поэтому Шон первым делом отправился на реку — проверить. Он любил свой велосипед больше всего на свете. Поэтому, увидев торчащий из реки руль, зацепившийся за какую-то сломанную ветку, он решил залезть туда и вытащить его. Хотя все знают, что течение в этой реке сильное, а пловец из Шона так себе.

Ему почти удалось. Он уже почти достал велосипед, но под его весом споткнулся и упал. Вода внезапно оказалась ему прямо по грудь. Его куртка и джинсы намокли и потащили его на дно. Течение было таким сильным, словно его волокли куда-то дюжины рук. А еще было холодно. Так чертовски холодно...

Он хватался за ветки деревьев. Кричал, но было слишком рано, даже собачники еще не показались. Наверное, именно в тот момент Шон Купер начал паниковать. Течение окутало его, обхватило и потянуло вниз.

Он яростно сопротивлялся и пытался вернуться на берег, но берег уплывал все дальше, а его голова погружалась все глубже. Он задыхался, он пытался вдохнуть, но вдыхал не воздух, а вонючую, грязную и мутную воду...

Конечно же, я не мог знать всех этих подробностей. Некоторые я узнал, но позже. Некоторые нафантазировал. Мама всегда говорила, что у меня очень богатое воображение. Благодаря чему у меня были хорошие оценки по английскому. А еще — ночные кошмары...

Я знал, что не смогу уснуть той ночью. Даже горячее молоко, которое дала мне мама, не помогло. Я снова и снова представлял себе Шона Купера — зеленого, распухшего, покрытого водорослями, точь-в-точь как его велосипед. Но не только это. Кое-что еще вертелось у меня в мозгу. Мистер Хэллоран говорил об этом. Карма. Что посеешь, то и пожнешь.

«Если ты сделал что-то плохое, рано или поздно оно вернется к тебе и укусит за зад. Этого парня карма тоже нагонит. Можешь не сомневаться».

Но я сомневался. Шон Купер вытворял ужасные вещи. Но были ли они настолько ужасными? А как насчет Железного Майки? И того, что делал он?

Мистер Хэллоран не видел лица Железного Майки в тот момент, когда он понял, что это велосипед его брата. Не слышал его жуткий жалкий вопль. Я бы не хотел услышать его

снова. Никогда.

Мы с Хоппо вдвоем еле удержали его и не позволили ворваться в ту зеленую палатку. Он вел себя так, что один из полицейских вынужден был подойти к нам. Когда мы объяснили ему, кто такой Железный Майки, он обхватил его за плечи и увел, точнее, утащил в машину. Через несколько минут она отъехала. Я почувствовал облегчение. Тяжело было видеть велосипед Шона, но видеть Железного Майки таким — съехавшим с катушек и орущим — куда хуже.

— Как ты, Эдди?

Папа подвинул край моего одеяла и присел на кровать, которая прогнулась под его весом. В этом было что-то обнадеживающее.

— Что происходит с нами после смерти, пап?

— Ого! Серьезный вопрос, Эдди. По-моему, наверняка никто не знает.

— Значит, мы не попадаем в рай или ад?

— Некоторые люди в это верят. Но есть много других людей, которые верят, что ни рая, ни ада не существует.

— Значит, не важно, делали мы хорошее или плохое?

— Нет, Эдди. Я не думаю, что то, как ты поступаешь в жизни, имеет какое-то значение после смерти. Хорошо или плохо... это важно, пока ты жив. Важно для других людей. Именно поэтому нужно всегда стараться обращаться с другими людьми хорошо.

Я задумался над этим, а потом кивнул. То есть, я хочу сказать, это был бы здоровский облом — всю жизнь вести себя хорошо и не попасть в рай. Но меня радовало другое. Почти так же сильно, как я ненавидел Шона Купера, я ненавидел мысль о том, что ему придется всю вечность гореть в аду.

— Эдди, — сказал папа, — то, что случилось с Шоном Купером, очень печально. Трагическое происшествие. Но не больше. Несчастный случай. Иногда подобное происходит, и для этого нет никаких причин. Просто такова жизнь. И смерть.

— Да, наверное.

— Как думаешь, сможешь уснуть?

— Ага.

Уснуть я не мог, но не хотел, чтобы папа думал, будто я сосунок какой-нибудь.

— Ладно, Эдди. Тогда я выключаю свет.

Папа наклонился и поцеловал меня в лоб. Едва коснулся губами. Но сегодня меня порадовало это колючее усато-бородатое прикосновение. А затем он выключил свет и моя комната заполнилась тенями. Я избавился от своего ночника давным-давно, но в ту ночь пожалел об этом.

Я улегся на подушку и постарался устроиться поудобнее. Где-то в отдалении заухала сова. Завыла собака. Я старался думать о чем-то хорошем, а не о всякой жути вроде утопленников: о том, как я катаюсь на велосипеде, ем мороженое, играю в «Пакмэна». Моя голова глубже утонула в подушке. Мысли впитывались в ее мягкие складки. Спустя какое-то время я уже ни о чем не думал. Сон подкрался ко мне и утащил во мрак.

А затем что-то разбудило меня — резко и неожиданно. Я услышал звук — тап-тап-тап, — как будто по крыше забарабанил дождь или град. Я вздрогнул и перевернулся. Звук повторился. Камешки. Кто-то бросал в мое окно камешки. Я выпрыгнул из постели, босиком пробежал по полу и дернул в стороны занавески.

Похоже, я долго спал, потому что снаружи было уже совсем темно. Луна напоминала

серебристое лезвие, вспоровшее угольную бумагу неба.

Но ее света вполне хватило, чтобы я разглядел Шона Купера внизу.

Он стоял в траве, на границе нашего внутреннего дворика. На нем были джинсы и его обычная голубая бейсбольная куртка, сейчас грязная и порванная. Он не казался зеленым и распухшим. Рыбы не съели его глаза. Но он был очень бледным. И очень-очень мертвым.

Это сон. Это должен быть сон. «Проснись, — подумал я. — Проснись, проснись, ПРОСНИСЬ!»

— Привет, говноед.

Он улыбнулся мне, и мой желудок сделал сальто. И тогда я понял с ужасающей тошнотворной уверенностью, что это не сон. А кошмар.

— Уходи, — шепотом выдохнул я и сжал кулаки, впившись ногтями в ладони.

— У меня для тебя послание.

— Мне плевать, — отозвался я. — Проваливай.

Я очень хотел, чтобы это прозвучало дерзко, но страх так крепко ухватил меня за горло, что получился какой-то сдавленный тонкий писк.

— Слушай сюда, говноед. Если не спустишься, я поднимусь и сам тебя опущу.

Сама мысль о том, что в моем саду стоит мертвый Шон Купер, была жуткой. Однако мысль о том, что мертвый Шон Купер явится в мою спальню, была еще хуже. Но ведь это просто кошмарный сон, так? И мне нужно лишь следовать сценарию — пока не проснусь.

— О'кей. Просто... дай мне минуту.

Я вытащил из-под кровати свои кроссовки и натянул их трясущимися руками. А затем подкрался к двери, схватился за ручку, опустил ее и открыл. Свет я включать не осмелился, поэтому крался по лестнице вниз, как краб, держась одной рукой за стену.

В конце концов я добрался до первого этажа, пересек прихожую и вошел на кухню. Задняя дверь была открыта. Я вышел на улицу. Холодный ночной воздух ущипнул меня сквозь тонкий хлопок пижамы. Слабый ветерок взлохматил волосы. Носа коснулся влажный сладковатый запах гниения.

— Хватит принюхиваться, как гребаная псина, говноед.

Я подпрыгнул и обернулся. Шон Купер стоял прямо передо мной. С такого расстояния он выглядел намного хуже, чем из окна моей спальни. У его кожи был странноватый голубой оттенок. Я видел узор вен под ней. Его глаза казались желтыми и как будто сдувшимися.

Раньше мне было интересно, где эта точка, в которой ты пугаешься окончательно и бесповоротно, так сильно, что дальше уже некуда. «Если она и есть, — подумал я в тот момент, — то я ее достиг».

— Что ты здесь делаешь?

— Я уже сказал. У меня для тебя послание.

— Что за послание?

— Берегись Мелового Человека.

— Я не понимаю.

— Думаешь, я понимаю? — Он шагнул ближе. — Думаешь, я хотел оказаться здесь? Или сдохнуть? Думаешь, я хотел, чтобы от меня так воняло?

Он ткнул в мою сторону рукой. Она как-то странно болталась в рукаве. А затем я понял, что не в рукаве дело. Просто его рука оторвалась от плеча, и белая кость мягко поблескивала в мутном лунном свете.

— Я здесь из-за тебя.

— Из-за меня?

— Это все твоя вина, говноед. Ты все это начал.

Я шагнул обратно к двери.

— Прости... Мне правда очень жаль...

— Правда, — огрызнулся он. — Может, тогда покажешь, как сильно тебе жаль?

Он схватил меня за руку. Теплая моча потекла по моей ноге.

— Отсоси мне.

— НЕ-Е-ЕТ!

Я вырвал руку, и в этот же миг подъездную дорожку залил яркий белый свет из окна.

— ЭДДИ, ТЫ НЕ СПИШЬ? ЧТО ТЫ ТУТ ДЕЛАЕШЬ?

Целую секунду я еще видел Шона Купера, прозрачного, словно какая-то странная рождественская игрушка. А затем, точно монстр, избавленный от внутреннего мрака, он медленно осыпался вниз и скользнул по земле облачком белой пыли.

Я опустил взгляд. На его месте теперь появилось кое-что другое. Это был рисунок. Белый цвет ярко выделялся на фоне темного асфальта парковки. Это был человек, состоящий из палочек, полусогнутый, грубо нарисованный. Его ручка была задрана так, словно он... махал мне?

«Нет, — тут же подумал я. — Не махал. Он тонул». И это был не просто человек.

Это был Меловой Человек.

Меня пробрала сильная дрожь.

— Эдди?

Я шархнулся, поскорее вернулся обратно в дом и закрыл дверь — так беззвучно, как только мог.

— Все хорошо, мам. Я просто вышел попить.

— Мне показалось, я слышала, как открылась дверь.

— Нет, мам.

— Ладно... Ты попил? Возвращайся в постель. Завтра в школу.

— О'кей, мам.

— Умница.

Я закрыл дверь. Пальцы у меня так дрожали, что я смог повернуть ключ в замке только после нескольких попыток. А затем пробрался наверх, стащил мокрые пижамные штаны и закинул в корзину с грязным бельем. Достал чистые и забрался обратно в кровать. Но я еще долго не спал. Просто лежал и прислушивался, ожидая снова услышать стук камешков в стекло. Или, быть может, звук чьих-то мягких шагов на лестнице.

В тот момент, когда запели первые птицы, я отключился. Наверное. Но ненадолго. Я рано проснулся. До того, как проснулись родители. Я тут же спустился вниз и распахнул заднюю дверь, надеясь вопреки всему, что все это просто кошмарный сон. Не было никакого мертвого Шона Купера. Не было ник...

Меловой человек виднелся на асфальте.

«Привет, говноед. Не хочешь нырнуть ко мне? Водичка просто убойная!»

Я мог оставить его там. Наверное, так и надо было сделать. Но вместо этого я выхватил из-под раковины мамино ведро для уборки и наполнил его водой. А затем выплеснул ее на тонущего человека и снова утопил его в ледяной воде и остатках мыла.

Я пытался убедить себя в том, что его мог нарисовать кто-то из ребят. Толстяк Гав, наверное. Или Хоппо. Просто чья-то дурацкая шутка. И только на полпути в школу до меня

дошло. У каждого из нас был мелок определенного цвета. У Толстяка Гава — красный. У Железного Майки — голубой. У Хоппо — зеленый. У Никки — желтый. А у меня — оранжевый.

Никто в нашей банде не пользовался белым мелом.

Мама звонит мне как раз перед ланчем. Она всегда звонит в самый неподходящий момент, и сегодняшний день не стал исключением. Я мог бы включить голосовую почту, но мама ее не любит, и при первом же разговоре это вышло бы мне боком. Так что скрепя сердце я принимаю вызов.

— Привет.

— Привет, Эд.

Я бочком выскальзываю из класса.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

— Конечно. А почему ты интересуешься?

Моя мама не из тех, кто звонит, чтобы просто поболтать. Если она набрала мой номер, значит, для этого есть причина.

— Даже не знаю. У тебя все хорошо? Как там Джерри?

— Отлично. Мы недавно прошли соковую детокс-диету, так что оба полны жизненной энергии и сил.

Еще несколько лет назад мама никогда не употребляла такие выражения, как «жизненная энергия», да и вообще не верила в диеты. Не при папе. Это все Джерри и его влияние.

— Прекрасно, мам, я тут кое-чем занят, так что...

— Ты же не на работе, Эд?

— Ну...

— Сейчас же каникулы!

— Я знаю, но в наше время каникул не существует.

— Не позволяй им садиться тебе на шею, Эд. — Мама вздыхает. — В жизни есть и другие важные вещи помимо работы.

И опять: несколько лет назад мама сроду бы такого не сказала. Работа была ее жизнью. Но после того как заболел отец, эта жизнь обрела новый смысл в уходе за ним.

Я понимаю: все, что она делает сейчас, включая отношения с Джерри, — это ее способ наверстать упущенные годы. Я не могу ее за это винить. Я виню себя.

Если бы я женился и обзавелся семьей, возможно, она нашла бы чем заняться вместо этих чертовых детокс-диет.

И наверное, у меня были бы в жизни другие ценности помимо работы.

Но все это не то, что хочет услышать моя мама.

— Я знаю, — говорю ей я, — ты права.

— Конечно. Кстати, тебе следует попробовать заняться пилатесом — отлично поддерживает мышечный тонус.

— Я подумаю над этим.

Конечно же нет.

— В любом случае не буду тебя отвлекать, раз ты занят. Я просто хотела узнать, не смог бы ты сделать мне небольшое одолжение.

— Ладно, чем я...

— Мы с Джерри подумываем отправиться в небольшое путешествие на нашем трейлере. На недельку-другую.

— Звучит мило.

— Мы должны были оставить кота кое-кому, но нас подвели...

— О-о-о, нет!

— Эд! Ты же вроде бы любишь животных.

— Это правда, но так вышло, что Варезка меня просто ненавидит.

— Что за бред, он же кот. Он не может кого-то ненавидеть.

— Это не кот, это пушистый социопат.

— Так ты присмотришь за ним или нет?

— Конечно присмотрю, — со вздохом говорю я.

— Отлично, я принесу его завтра утром.

— Да, отлично.

Я кладу трубку и возвращаюсь в класс.

Худощавый паренек с длинной черной челкой сидит, развалившись на стуле и закинув ноги на стол, чатится в своем смартфоне и чавкает жвачкой.

Дэнни Майерс. Он попал ко мне в ученики. Все твердят, что он необычный ребенок: наш директор, родители Дэнни, которые — вот совпадение — дружат с нашим директором, а еще несколько человек из попечительского совета. Я лично несколько не сомневаюсь в этом, но его успехи в учебе пока что ни разу не подтвердили их заверения.

И конечно, это не то, что хотели бы услышать его родители или наш директор. Они уверены, что Дэнни просто необходимо особое внимание. Дэнни — жертва стандартизированной государственной системы образования. Он не такой, как все, он легко отвлекается, он слишком чувствителен — и тому подобная хрень.

Так что Дэнни сейчас переживает своего рода интервенцию. Для него это дополнительные занятия на каникулах, ну а я, в свою очередь, должен вдохновлять его, раззадоривать и умасливать, чтобы он получал те оценки, которых заслуживает, по мнению его родителей.

Иногда подобные внеклассные занятия приносят свои плоды, но это работает только с по-настоящему способными детьми, которые немного отстали по программе. В остальных случаях это просто трата времени — и их, и моего. Нет, я не пораженец, я реалист. Я не мистер Чипс.^[18] Если уж говорить начистоту, я хочу учить тех детей, которые сами хотят учиться. Заинтересованных и увлеченных учеников. Или хотя бы детей, которые просто хотят попробовать. По мне, так лучше уж честно заработанная тройка, чем «черт-с-ней-четверка».

— Опустит ноги и выключит телефон, — говорю я, усаживаясь за стол.

Он убирает ноги со стола, но не телефон. Я надеваю очки и нахожу в тексте то место, на котором нас прервали.

— Когда закончишь, может, удостоишь вниманием «Повелителя мух»?

Печатает. Еще энергичнее, чем прежде.

— Знаешь, Дэнни, мне кажется, если я предложу твоим родителям отлучить тебя от всех социальных сетей, твои оценки наверняка улучшатся.

Несколько мгновений Дэнни смотрит на меня, а я вежливо улыбаюсь. Я вижу, что он хочет выругаться и дать мне отпор, но вместо этого нехотя выключает телефон и засовывает в карман. Не думаю, что это победа. Просто временное отступление.

Но все отлично. Что угодно, лишь бы сделать эти два часа не такими тягостными. Иногда я даже получаю удовольствие от игр разума с Дэнни. К тому же, когда мне все-таки

удается вызвать у него хоть какой-то интерес к учебе, я чувствую удовлетворение. Но сегодня явно не такой день. Я плохо спал ночью, чувствую себя ужасно вымотанным, да и нервы пошаливают. Такое чувство, что скоро случится что-то плохое. Непоправимое. Я пытаюсь сосредоточиться на книге.

— Так, мы говорили о главных героях: Ральф, Джек, Саймон...

— Саймон явно был лишним, — говорит Дэнни, пожимая плечами.

— Это почему же?

— Мертвый груз. Простофиля. Он заслуживал смерти.

— Заслуживал? Ты серьезно?

— Ну да. От его смерти никому не было ни холодно, ни жарко, верно? Джек был прав.

Хочешь выжить на острове — забудь обо всей этой цивилизованной херне.

— Вообще-то главная мысль романа в том, что, если мы опустимся до дикарства, общество развалится.

— А может, и неплохо бы. Все равно это липа, так? Об этом же и говорится в книге. Мы просто прикидываемся культурными, а если копнуть глубже, то все мы дикари.

Я улыбаюсь, хотя и чувствую, как у меня внутри растет какое-то нехорошее ощущение. Наверное, опять несварение.

— Что ж, довольно занятная мысль.

На моих часах пищит будильник — я всегда ставлю будильник на конец урока.

— Хорошо, на сегодня все, — говорю я и собираю книги. — Надеюсь больше узнать о твоей теории из следующего сочинения, Дэнни.

Он встает и подбирает свою сумку.

— До скорого, сэр.

— На следующей неделе в это же время.

Когда Дэнни уже стоит на пороге класса, я вдруг говорю:

— Раз уж мы заговорили о новом обществе... Мне кажется, или ты видишь себя в числе тех, кто все-таки выжил, Дэнни?

Он бросает на меня довольно странный взгляд:

— Конечно. Да не волнуйтесь, сэр. Вас тоже.

Если идти домой через парк, получается намного дольше. Да и день сегодня не самый теплый, но я все равно решаю пройти. Небольшая прогулка по аллее воспоминаний.

На берегу так красиво. Холмы с одной стороны, а за ними — отдаленный вид на собор, окруженный лесом. Эта картина не менялась последние несколько лет. Понадобилось четыре столетия, чтобы возвести этот шпиль, а ведь тогда не было необходимого оборудования. Хотя мне кажется, что даже с помощью всех чудес современных технологий на восстановление ушло бы куда больше времени. Но, несмотря на всю живописность местного пейзажа, каждый раз, когда я прохожу мимо этой реки, мой взгляд обращается к бурой, быстро бегущей воде. Она, должно быть, такая холодная...

Какими беспощадными могут быть течения! Чаще всего я, конечно же, думаю о том, как Шон Купер скользнул в эту воду в попытке вытащить свой велосипед. Никто так и не понес наказание за то, что украл его.

Слева от меня — новая зона отдыха. Мальчишки катаются на скейтах в парке. Мама усаживает смеющегося малыша на карусель. На качелях сидит одинокая девочка-подросток. Ее голова опущена, и волосы спадают ей на лицо, точно блестящий занавес. У нее

каштановые волосы. Почти рыжие. Но то, как она сидит, обхватив себя руками, словно закрывшись в собственной раковине, моментально напоминает мне о Никки.

Я помню и другой день. Это было тем же летом: миг, затерянный в беспорядочном вихре воспоминаний. Мама тогда отправила меня в магазин, чтобы я кое-что купил. Я шел домой через парк, когда заметил Никки на детской площадке. Она в одиночестве сидела на качелях, неподвижно глядя на свои колени. Я едва не крикнул: «Эй, Никки!»

Но что-то меня остановило. Может, все дело было в том, как она беззвучно и вяло раскачивалась на качелях: вперед-назад, вперед-назад.

Я подошел ближе. У нее что-то было в руках. Оно сверкало серебром на солнце — я узнал крошечный крестик, который она обычно носила на шее.

Прямо у меня на глазах она подняла его... а затем воткнула в мягкую кожу своего бедра. Она делала это снова и снова. Снова, снова и снова...

Я попятился и поспешил домой. И я так никогда и не сказал Никки или кому бы то ни было еще, что видел ее в тот день. Но увиденное навсегда осталось со мной. То, как она вонзала распятие себе в бедро. Снова и снова...

Возможно, она проткнула ногу до крови, но все равно не издала ни звука. Даже не заскулила от боли.

Девушка, сидящая в парке, поднимает голову и заправляет волосы за ухо. Серебро вспыхивает на солнце — у нее несколько серебряных сережек в одном ухе и большое железное кольцо в носу. Она старше, чем я думал. Возможно, уже студентка. И все же я отдаю себе отчет в том, что я, довольно эксцентричный мужчина средних лет, просто стою и пялюсь на какую-то девчонку на игровой площадке.

Опустив голову, я иду дальше — чуть более резво, чем раньше. Телефон вибрирует в кармане. Я вынимаю его, ожидая очередного звонка от мамы, но нет. Это Хлоя.

— Да.

— Неплохо. Поработай еще немного над своей манерой разговора по телефону.

— Прости. Я просто немного... не важно. Что такое?

— Твой дружок забыл у нас свой бумажник.

— Майки?

— Ага. Я нашла его под столом в прихожей сразу после того, как ты ушел. Наверное, выпал у него из кармана.

Я хмурюсь. Время обеда. Майки уже давно должен был обнаружить пропажу бумажника. Хотя, с другой стороны, он крепко надрался вчера вечером. Может, он до сих пор спит в гостиничном номере.

— Да. Ну ладно, я позвоню ему и скажу. Спасибо.

— Ага.

А затем я чувствую какой-то внутренний толчок.

— Слушай, а ты не могла бы заглянуть в этот бумажник? Что там?

— Секунду.

Я слышу возню на том конце провода, а затем она снова берет трубку.

— Короче, тут наличка. Двадцать фунтов, кредитки, банковские карты, квитанции и водительские права.

— А карточка от номера в гостинице есть?

— Ах да! И она тоже.

Его карточка. Без нее он не смог бы попасть в номер.

Наверное, персонал отеля охотно выдаст еще одну карточку тому, кто сможет показать паспорт...

— Значит, он не возвращался в свою гостиницу вчера вечером? — спрашивает Хлоя, как будто прочитав мои мысли.

— Не знаю, — говорю я. — Может, он спал в машине.

Но почему он не перезвонил мне? Даже если он не хотел беспокоить меня среди ночи, почему не позвонил утром?

— Надеюсь, он не валяется где-нибудь в канаве.

— Какого черта, Хлоя?

Я тут же жалею об этом выпад. Прямо чувствую, как она ошетибилась на том конце провода.

— Да что с тобой такое сегодня? С какой ноги ты встал? Мудацкой?

— Прости, — говорю я. — Я просто устал.

— Ладно, — бросает она, и по ее голосу мне становится совершенно ясно, что ничего не «ладно». — Ну и что будешь делать с этим своим другом?

— Позвоню ему. Если не получится связаться с ним напрямую, просто заброшу бумажник в гостиницу. Ну и выясню, все ли с ним в порядке.

— Оставлю его на столе в прихожей.

— Ты уходишь?

— Бинго, Шерлок. У меня тоже есть своя, причем бурная личная жизнь, забыл?

— Ах да... увидимся позже.

— Искренне надеюсь, что нет.

Она кладет трубку, а я думаю: шутка ли это была?

Хлоя правда собралась гулять всю ночь напролет или просто не хочет видеть такого заносчивого засранца, как я?

Я вздыхаю и набираю номер Майки. Попадаю прямиком на автоответчик: «Привет, это Майки. Я не могу подойти к телефону. Можете оставить свое сообщение после сигнала».

Сообщение я оставлять не хочу. Я направляюсь к выходу из парка и выбираю более короткий путь домой, пытаюсь не обращать внимание на смутное беспокойство, закипающее у меня внутри. Ничего. Думаю, все в порядке. Майки наверняка вернулся в отель и уговорил персонал выдать ему новую карточку. Все дело в том, что он просто хочет проспаться. Когда я доберусь до отеля, наверняка застану его уплетающим свой обед. И смогу убедиться, что он в полном, мать его так, порядке!

Именно это я говорю себе по пути, стараясь даже мысленно звучать как можно убедительнее.

И постепенно верю себе все меньше.

«Трэвелодж» — уродливая гостиница, стиснутая рядом стоящими зданиями. Соседствует с захудалой забегаловкой «Поваренок». Наверняка Майки может себе позволить место получше, но это — самое удобное.

По пути я дважды пытаюсь набрать его номер и каждый раз попадаю на автоответчик. Плохое предчувствие все крепнет.

Я паркуюсь на стоянке, захожу в вестибюль и приближаюсь к стойке. За ней стоит молодой парень с рыжими волосами, собранными в хвост. В ушах у него тоннели. Ему явно очень неудобно в тесной рубашке и плохо завязанном галстуке. Судя по бейджу, прикрепленному к его униформе, его зовут Дудс, хотя это и не вполне похоже на имя, скорее

на клеймо хронического неудачника.

— Здравствуйте. Хотите заселиться?

— Вообще-то нет. Я пришел повидаться с другом.

— Ага.

— Его зовут Майки Купер. Думаю, он въехал к вам вчера.

— Ага.

Он просто стоит и смотрит на меня каким-то расплывчатым взглядом.

— Итак, — я стараюсь сдерживаться, — можете вы проверить, здесь ли он?

— Вы звонили ему?

— Он не отвечает на звонки, и все дело в том, что... — Я достаю бумажник из кармана. — Он забыл это у меня прошлым вечером. Тут его карточка от номера и кредитки.

Я жду, когда у него на лице наступит рассвет осознания. Чувствую, как мои ноги обрастают мхом. Как образуются и тают ледники где-то в океане.

— Простите, — наконец выдает Дудс. — Я вас не понимаю.

— Я хочу знать, вернулся он сюда вчера или нет. Вы можете это как-то проверить? Я беспокоюсь за него.

— А, так меня не было тут вчера. Вчера Джорджия дежурила.

— Понятно. А тогда не посмотрите записи на компьютере? — Я бросаю взгляд на старый пыльный компьютер, стоящий у него на столе. — Если бы он вернулся, то наверняка попросил бы новую карточку. Об этом оставили бы запись, верно?

— Да, думаю, я могу проверить.

— Да, думаю, можете.

Он вот-вот утонет в моем сарказме.

Парень неуклюже садится за стол и вводит пароль. А затем оборачивается ко мне:

— Не-а. Ничего.

— Наверное, стоит позвонить Джорджии?

Он явно обдумывает это предложение. Я прямо вижу, каких нечеловеческих усилий Дудсу стоит совершать любые действия, выходящие за рамки стандартных рабочих обязанностей. Честно говоря, мне кажется, что даже дыхание для него — непосильный труд.

— Пожалуйста, — настаиваю я.

Глубокий вздох.

— Лады.

Он подносит телефон к уху:

— Алло. Джорджи?

Я жду.

— Простой ночью к нам приходил какой-то чел по имени Майки Купер? Говорил, что потерял ключ и все такое? Может, ты ему новый?.. Ага. Понятно. Спасибо.

Он кладет трубку и снова возвращается за стол.

— И? — напоминаю о себе я.

— Не-а. Ваш приятель вчера ночью здесь не появлялся.

Я всегда думал, что похороны непременно надо проводить в серый дождливый день. И чтобы вокруг могилы толпилась куча людей в черных плащах и с черными зонтиками.

В утро похорон Шона Купера солнце светило вовсю. По крайней мере в самом начале. Никто не надел черное. Его родители попросили всех облачиться во что-то красное или голубое. Это были его любимые цвета. Цвета школьной футбольной команды. Пришло довольно много ребят в полном спортивном обмундировании.

Мама подобрала для меня новенькую светло-голубую рубашку с красным галстуком и простые темные брюки.

— Все равно нужно выглядеть как следует, Эдди. Этим ты выразишь свое уважение.

Вот уж чего я не хотел, так это выразить уважение Шону Куперу. Я вовсе не хотел тащиться на его похороны. И до этого я никогда не бывал на похоронах. Во всяком случае, я этого не помню. Вообще-то родители брали меня с собой на похороны дедушки, но, во-первых, я тогда был еще совсем маленьким, а во-вторых, дед был уже очень старым. Старые люди умирают, в этом нет ничего особенного. Они и при жизни пахнут так, словно уже немножко умерли. Какой-то затхлый и спертый у них запах.

Ты понимаешь, что смерть есть, но обычно она всегда приходит к кому-то другому. Не к детям вроде нас. И не к людям, которых мы знаем. Смерть всегда была для меня чем-то далеким и абстрактным. И именно там, на похоронах Шона Купера, я впервые осознал, что смерть рядом — щекочет затылок холодным сладким дыханием. Она выбросила свой главный козырь — убедила нас, что ее нет. Но, я думаю, в ее темном рукаве найдется еще много других козырей.

Церковь была всего в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Хотелось бы мне, чтобы она стояла подальше. Я плелся, как улитка, и постоянно оттягивал свой воротник. На маме было то же голубое платье, что и в день вечеринки у Толстяка Гава, но сегодня она надела сверху красную курточку. Папа в кои-то веки натянул длинные брюки — спасибо ему за это. И рубашку с красными цветами. За это — нет.

Мы подошли к воротам церковного дворика одновременно с Хоппо и его матерью. Мы не так уж часто виделись с ней. Если не считать тех моментов, когда она проезжала на своей машине, подметая улицу. Сегодня она скрутила свою всклокоченную гриву в пучок. На ней было бесформенное синее платье и старые потрепанные сандалии. Наверное, это плохо — говорить так, но я радовался, что моя мама не выглядит так, как она.

На Хоппо были красная рубашка, голубые школьные джинсы и черные ботинки. Свои густые темные волосы он зачесал на одну сторону. Он был сам на себя не похож. И не только из-за прически и приличной одежды. Он был напряжен и выглядел встревоженным. А еще он держал на поводке Мерфи.

— Здравствуй, Дэвид. Здравствуй, Гвен, — поприветствовала их мама.

Я не знал, что мать Хоппо зовут Гвен. Моя мама всегда помнила имена. Папа — не очень. Он частенько шутил — еще до того, как болезнь Альцгеймера стала набирать обороты, до того, как он чокнулся, — что все забывают имена, и в этом нет ничего такого.

— Здравствуйте, мистер Адамс, миссис Адамс, — отозвался Хоппо.

— Здравствуйте, — произнесла его мать таким слабым голосом, как будто извинялась за что-то.

— Как ваши дела? — спросила мама. Она всегда выражалась вежливо, когда на самом деле не очень хотела знать ответ.

Мать Хоппо этого не почувствовала.

— Не очень, — сказала она. — То есть... все это ужасно. И Мерфи было очень плохо всю ночь.

— Ох, батюшки! — воскликнул папа с неподдельным чувством.

Я наклонился, чтобы погладить Мерфи. Он вяло взмахнул хвостом и опустился на землю. Похоже, ему хотелось находиться здесь не больше, чем всем нам.

— Поэтому вы взяли его с собой? — спросил папа.

Хоппо кивнул:

— Мы не решились оставить его дома. Он нервничал. А если бы мы выпустили его в сад, он перелез бы через забор и выбрался на улицу. Поэтому мы решили привязать его где-нибудь здесь.

Папа кивнул:

— Что ж, это, похоже, хорошая идея. — Он потрепал Мерфи по голове. — Бедняга. Стареешь, да?

— Ну... думаю, нам лучше войти, — сказала мама.

Хоппо наклонился и обнял Мерфи. Старый пес лизнул его лицо большим влажным языком.

— Хороший мальчик, — прошептал он. — Пока.

Мы вошли в церковные ворота и двинулись к входу. Снаружи слонялось много людей, некоторые курили, воровато оглядываясь. Я заметил Толстяка Гава с родителями.

Никки стояла у входа рядом с отцом Мартином. У нее в руках была толстая кипа каких-то бумажек. Наверняка с текстом молитвы.

Я почувствовал напряжение. Сегодня мама впервые встретилась с отцом Мартином после той вечеринки и посылки. Однако же, когда его преподобие увидел нас, он расплылся в улыбке:

— Мистер и миссис Адамс, Эдди! Спасибо, что пришли к нам в этот ужасный, ужасный день.

А затем он протянул руку. Папа не стал ее пожимать. На лице преподобного все так же светилась улыбка, но в этот момент в его глазах промелькнуло что-то нехорошее.

— Пожалуйста, возьмите текст молитвы и поищите внутри свободное место.

Мы взяли листочки. Никки вяло кивнула мне, и мы медленно вошли в церковь.

Внутри было прохладно — так, что я почувствовал легкую дрожь. А еще темно. Мне понадобилось несколько минут, чтобы глаза привыкли к темноте. Кое-кто уже сел на свои места. Я узнал некоторых ребят из школы. Увидел и учителей. Среди них — мистера Хэллорана. Было невозможно не заметить его, эти белоснежные волосы. Сегодня ради исключения он надел красную рубашку. Его шляпа лежала у него на коленях. Заметив, как мы с родителями заходим в церковь, он слегка улыбнулся.

Все сегодня улыбались какими-то странными маленькими улыбочками, как будто никто толком не знал, что делать со своим лицом.

Мы сидели и ждали, а затем в церковь вошли отец Мартин и Никки. Заиграла музыка. Я слышал эту мелодию раньше, но не мог припомнить, где именно. Но это точно был не церковный гимн. Какой-то современный медленный мотив. Сомневаюсь, что эта песня подходила Шону. Он слушал «Iron Maiden».^[19]

Когда внесли гроб, мы все склонили головы. Следом за ним шел Железный Майки с родителями. Тогда я впервые увидел Майки после случая на берегу. Родители не пускали его в школу, а когда уходили, он всегда оставался с дедушкой и бабушкой.

Майки не смотрел на гроб. Он смотрел прямо перед собой, и все его тело было натянуто, как струна. Казалось, он прилагает все усилия, чтобы просто идти, дышать и не рыдать. Он уже был на полпути к алтарю, когда внезапно остановился. Человек, который шагал за ним, врезался ему в спину. Секунда замешательства — а затем Майки выбежал из церкви.

Все переглянулись — кроме его родителей. Они как будто и не заметили, что он сбежал, — просто плелись следом за гробом, как зомби. Горе покрыло их твердой коркой, словно кокон. Никто не пошел за Железным Майки. Я посмотрел на маму, но она лишь коротко качнула головой и сжала мою руку.

Думаю, именно это меня и задело. То, что я увидел, как Железный Майки убивается из-за смерти парня, которого большинство из нас просто ненавидело. Однако он все равно оставался его братом. Может, Шон не всегда был хулиганом, не всегда вел себя так жестоко. Может, в детстве они с Майки играли вместе. Ходили в парк, делились конструктором «Лего». Может, их купали в одной ванне.

А теперь он лежал в холодном темном гробу, украшенном вонючими цветами. Играла музыка, которую он не выносил. И он даже не мог попросить выключить ее. Потому что он уже никогда никого ни о чем не попросит.

Я сглотнул гигантский ком, застрявший в горле, и часто-часто заморгал. Мама легонько потянула меня за руку, и мы сели. Музыка остановилась, отец Мартин встал и начал говорить всякую ерунду про Шона Купера и Бога. Половина сказанного им казалась настоящим бредом. Он говорил о том, что в раю появился новый ангел, и о том, что Бог прибрал Шона Купера, ибо мечтал заполучить именно его — больше, чем кого бы то ни было в целом мире.

Но когда я смотрел на родителей Шона, как они рыдают, обнявшись так крепко, словно боятся, что один из них вот-вот рассыплется на кусочки, — я понимал, что никак не могу с ним согласиться.

Отец Мартин почти закончил свою речь, как вдруг раздался оглушительный грохот, — порыв ветра ворвался в церковь и разметал листочки с гимном по полу. Почти все, сидящие в церкви, оглянулись, в том числе и я.

Двери церкви были открыты настежь. Вначале я подумал, что это Железный Майки вернулся. Но затем различил две неясные фигуры на фоне яркого света. Как только они вошли внутрь, я сразу же их узнал: это была подружка Девушки с Карусели, блондинка, и полицейский, который приходил в наш дом, — констебль Томас (позже я узнал, что ее звали Ханна и что констебль Томас — ее отец).

На секунду мне показалось, будто с блондинкой что-то не так. Констебль Томас крепко держал ее за руку и не столько вел, сколько тащил к алтарю. По церкви пробежал шепоток.

Мать Майки шепнула что-то его отцу. Они встали. Его лицо исказилось от гнева. Отец Мартин, все еще стоящий за кафедрой, сказал:

— Если вы пришли выразить соболезнования почившему, мы все сейчас пойдем на кладбище.

Констебль Томас и блондинка остановились. Он оглядел церковь и всех нас. Никто не хотел встречаться с ним взглядом. Мы все сидели, смущенные. Нам было любопытно, но все

старались этого не показывать. Блондинка стояла, устремив взгляд в землю, как будто мечтала провалиться сквозь нее, как это предстояло Шону Куперу.

— Соболезнования? — медленно повторил констебль Томас. — Нет уж. Не думаю. Не собираюсь я выражать соболезнования. — А затем он взял и плюнул на пол. Прямо перед гробом. — Только не мальчишке, который изнасиловал мою дочь.

По церкви прокатился общий вздох. От скамей до самых стропил. По-моему, даже из моего рта вырвался сдавленный звук. Изнасиловал? Я не знал, что значит «насиловать» (думаю, я во многих смыслах оставался довольно наивным для своих двенадцати лет), но я понимал: наверное, это значит заставлять девушку делать то, чего она не хочет. И это плохо.

— Ты — лживый ублюдок! — закричал отец Железного Майки.

— Ублюдок? — зарычал констебль Томас. — Я скажу тебе, кто тут ублюдок! — И он указал на свою дочь. — Ублюдок — это то, что теперь сидит у нее в животе!

Еще один вздох. У отца Мартина было такое выражение лица, словно кожа вот-вот сползет с костей. Он открыл было рот, но прежде чем он успел издать хоть один звук, раздался душераздирающий рев, а затем отец Железного Майки метнулся вперед и набросился на констебля Томаса.

Отец Железного Майки не был здоровяком, но был коренастым и быстрым, и он застал констебля Томаса врасплох. Полицейский покачнулся, однако устоял на ногах. Они толкались, дергались взад-вперед и хватали друг друга за руки. Это напоминало какой-то странный дикий танец. А затем констебль Томас отшатнулся и замахнулся кулаком, метя отцу Железного Майки в голову, но тот каким-то образом увернулся и замахнулся в ответ. Его удар угодил в цель, и констебль Томас отлетел назад.

Я понял, что произойдет, за секунду до того, как это случилось. Думаю, как и все остальные. Раздались крики, кто-то завопил: «Не-е-е-ет!», и констебль Томас врезался прямо в гроб Шона Купера. Он сбил его с подставок, и гроб с грохотом свалился на пол.

Я не представлял себе, что случится дальше, ведь крышку гроба должны были крепко прибить. Я имею в виду, раз уж его собирались нести на кладбище, вряд ли планировали снова открывать. Но прямо в тот миг, когда гроб с жутким треском рухнул на пол, — кстати, этот треск здорово напомнил мне тот звук, с которым двигались кости Шона в моем кошмаре, — крышка откинулась и я увидел мелькнувшую внутри белую руку.

А может, этого и не было. Может, все дело в моем ненормальном, дурацком воображении. Все произошло так быстро. Почти в тот же миг, когда гроб упал на пол, по церкви разнеслись крики, а затем несколько человек подскочили к нему и совместными усилиями вернули на подставки.

Констебль Томас неуверенно поднялся. Отец Железного Майки так же нетвердо стоял на ногах. Он поднял руку так, словно хотел снова ударить констебля Томаса, но вместо этого обернулся, взглянул на гроб, бросился на него и зашелся в тяжелых воющих рыданиях.

Констебль Томас тоже обернулся. Вид у него был слегка ошеломленный, как будто он очнулся от какого-то ужасного сна. Его кулаки сжались и разжались. Он провел рукой по своим темным волосам, всклокоченным и мокрым от пота. Под правым глазом налился синяк.

И вдруг раздался шепот:

— Пап... пожалуйста.

Констебль Томас оглянулся на дочь, снова схватил ее за руку и потащил обратно по церковному проходу. У самой двери он оглянулся.

— Мы еще не закончили, — прокрипел он.

И они ушли.

Все происшествие заняло три или четыре минуты, но казалось, что намного больше. Отец Мартин прокашлялся, но все равно слышались только рыдания отца Железного Майки.

— Мне очень жаль, что нас прервали. Сейчас мы все выйдем во двор и продолжим службу. Прошу всех встать.

Снова зазвучала музыка. Родственники Железного Майки оттащили его от гроба, и мы все вышли на улицу, на кладбище.

Не успел я переступить через порог церкви, как мне на голову упала дождевая капля. Я поднял голову. Лазурь неба затянуло густыми серыми облаками. Дождь застучал по крышке гроба и собравшимся людям.

Никто не взял с собой зонтики, и мы все сгрудились в яркую красно-голубую массу, сгорбившись под порывами нарастающего холодного ветра. Когда гроб начали медленно опускать в землю, меня пробрала легкая дрожь. Все цветы убрали. Как будто хотели подчеркнуть, что не позволят чему-то яркому и живому упасть в эту глубокую темную яму.

Я думал, что драка внутри церкви была худшей частью похорон, но ошибался. *Это* было худшей частью. Шорох и стук земли, падающей на крышку гроба. Вонь влажной грязи под умирающим солнцем сентября. Я смотрел на разверстую, зияющую дыру в земле и остро осознавал, что оттуда нет возврата. Не помогут никакие извинения, никакие увертки, даже записки от мамы. Смерть абсолютна и окончательна, и ничего с ней не поделаешь.

Когда все закончилось, мы медленно потянулись прочь с кладбища. В церковном холле устроили небольшой банкет — сэндвичи и напитки.

Мама сказала, что это называется «поминки».

Мы уже почти добрались до ворот, когда внезапно к маме с папой подошел их знакомый. Прямо за нами шел Толстяк Гав с родителями — они разговаривали с матерью Хоппо. Я видел в отдалении родителей Железного Майки, но сам он куда-то пропал. Думаю, он был где-то неподалеку.

Я внезапно понял, что остался один, — стоял, как потерянный, на границе кладбища.

— Привет, Эдди.

Я обернулся. Ко мне подошел мистер Хэллоран. Он надел шляпу, чтобы укрыться от дождя. В руках у него была пачка сигарет. До этого я никогда не видел его курящим, но помнил пепельницу у него дома.

— Здравствуйте, сэр.

— Как ты?

Я пожал плечами:

— Не знаю, честно говоря.

Была у него такая особенность, которой не обладало большинство взрослых, — ему не хотелось врать.

— Все хорошо. Ты совсем не обязан испытывать скорбь.

Я замялся. Я не был уверен, что знаю, как на это отвечать.

— Нельзя скорбеть обо всех, кто умирает, — сказал он, понизив голос. — Шон Купер был хулиганом. То, что он мертв, этого не меняет. И в то же время не делает случившееся менее трагичным.

— Просто потому, что он ребенок?

— Нет. Потому что у него не было шанса исправиться.

Я кивнул, а затем спросил:

— Это правда? То, что сказал полицейский.

— О Шоне Купере и его дочери?

Я снова коротко кивнул.

Мистер Хэллоран опустил взгляд на свои сигареты. Думаю, он очень хотел курить, но не решался на территории церкви.

— Шон Купер не был милым и добрым юношей. То, что он сделал с тобой... Многие тоже назвали бы это насилием.

Я ощутил, как кровь хлынула к моим щекам. Я не хотел об этом вспоминать. Словно почувствовав это, мистер Хэллоран продолжил:

— Но совершил ли он то, в чем обвинил его полицейский? Нет, я не думаю, что это правда.

— Почему?

— Я не думаю, что... та юная леди была в его вкусе.

— А...

Я не вполне понимал, о чем речь.

Он встряхнул головой:

— Забудь. Тебе больше незачем думать о Шоне Купере. Теперь он тебя не тронет.

Я подумал о звуке камешков, бьющих в мое стекло. О голубовато-серой коже, залитой лунным светом.

«Привет, говноед».

Я не был так уверен в этом.

Но все же сказал:

— Нет, сэр. То есть... да, сэр.

— Вот и хорошо.

Он улыбнулся и пошел прочь.

Я все еще пытался осознать все это, когда кто-то внезапно схватил меня за руку.

Я резко обернулся. Прямо передо мной стоял Хоппо. Его волосы уже растрепались, а рубашка была наполовину расстегнута. В руках он держал ошейник и поводок Мерфи. Но самого Мерфи рядом не было.

— Что случилось?

Он смотрел на меня дикими глазами:

— Мерфи. Он исчез.

— Выбрался из ошейника?

— Я не знаю. Такого никогда раньше не было. Он не такой уж вольнолюбивый...

— Думаешь, он домой побежал? — спросил я.

Хоппо потряс головой:

— Я не знаю, он же старый... Зрение и нюх у него уже так себе.

Он изо всех сил старался не поддаваться панике.

— А еще он не такой быстрый, как раньше, — добавил я. — И вряд ли ушел далеко.

Я огляделся. Взрослые все еще разговаривали. Толстяк Гав стоял неблизко, и я не мог привлечь его внимание. Железного Майки все еще не было поблизости...

И тут я увидел кое-что еще.

Рисунок на надгробии прямо возле церковных ворот. Он уже начал выцветать и слегка размылся под дождем, но все равно бросился мне в глаза. Он явно был здесь лишним и в то

же время казался ужасно знакомым. Я подошел ближе. Мои конечности тут же покрыла гусиная кожа, а волосы почему-то стали сильно давить на голову.

Белый меловой человечек. Его ручки были раскинуты в стороны. На лице виднелась буковка «О», как будто он кричал. А еще он был не один. Рядом с ним кто-то грубо намалевал белую меловую собачку. Меня внезапно охватило дурное предчувствие. Очень дурное предчувствие.

Берегись Мелового Человека.

— Что это? — спросил Хоппо.

— Ничего! — тут же ответил я и вскочил. — Пойдем поищем Мерфи. Пошли!

— Дэвид, Эдди, в чем дело? — К нам подошли родители.

— Мерфи, — сказал я. — Он... сбежал.

— О нет! — Мать Хоппо прикрыла рот рукой.

Хоппо еще крепче сжал поводок.

— Мам, мы пойдем поищем его, — сказал я.

— Эдди... — начала было мама.

— Пожалуйста! — настойчиво добавил я.

Я видел, как она размышляет. Вид у нее был нерадостный, лицо — бледное и напряженное. Но, наверное, все дело было в похоронах.

Папа положил руку ей на плечо и коротко кивнул.

— Ладно, — сдалась мама. — Идите и поищите Мерфи. Когда найдете — возвращайтесь в церковь, мы будем в общем зале. Увидимся там.

— Спасибо!

— Давайте. Недолго!

Мы бежали по дороге и звали Мерфи по имени, но, наверное, зря, ведь он был глух как пень.

— Может, на всякий случай посмотрим сначала у тебя дома? — предложил я.

Хоппо кивнул:

— Да, давай.

Хоппо жил на другом конце города, на узкой улочке, где теснились дома с террасами.

Это была одна из тех улиц, где мужчины сидят на этих самых террасах, потягивая светлое пиво из банок, где по обочинам бегают малыши в подгузниках и вечно раздается собачий лай. Тогда я об этом не думал, но, наверное, потому, что мы никогда не зависали дома у Хоппо. Мы все жили в нормальных домах. Да, мой был немного потрепанным и старомодным, но все же он стоял на улице с хорошей дорогой, по краям которой росли деревья, и все такое.

Хотелось бы мне сказать, что дом Хоппо казался одним из лучших на этой улице, но это было не так. Окна закрывали пожелтевшие занавески, краска на входной двери облупилась, а крошечный дворик был весь завален битыми горшками, садовыми гномами и старыми шезлонгами.

Внутри царил ничуть не меньший хаос. Я помню, как подумал, что для уборщицы мать Хоппо не очень-то старательно наводит порядок в собственном доме. Всюду валялись кучи хлама — иногда в самых неожиданных местах: пустые коробки из-под кукурузных хлопьев громоздились на телевизоре в гостиной, в прихожей возвышалась гора рулонов туалетной бумаги, на кухонном столе валялись бутылки с отбеливателем и отравой для улиток. А еще жутко воняло псиной.

Мне нравился Мерфи, но запах явно не входил в число его достоинств.

Хоппо обежал дом и осмотрел задний двор, а затем примчался обратно и потряс головой.

— Ладно, — сказал я. — Поищем в парке. Он мог пойти туда.

Он кивнул, но я видел, что он изо всех сил старается не разрыдаться.

— С ним раньше никогда такого не случалось.

— Все будет хорошо, — сказал я, хоть это и было полной чушью. Не будет. Все будет совсем, совсем наоборот.

Мы нашли его под кустом, неподалеку от детской площадки. Мерфи лежал, свернувшись клубком. Думаю, он пытался найти укрытие. Дождь усилился. Волосы Хоппо свисали тяжелыми влажными сосульками, напоминая водоросли. Моя рубашка липла к телу. Ботинки тоже промокли и громко чавкали, когда мы бежали к Мерфи.

Издали казалось, что он просто спит. Только приблизившись, мы увидели, как часто вздымается его круглый бок, и слышали его тяжелое хрипкое дыхание. Вскоре стало ясно, что ему очень плохо. Совсем плохо. Совершенно плохо. Его язык опух и почернел. Из-за крови. И яда.

Я до сих пор помню тот запах и взгляд больших шоколадных глаз. Мы опустились на колени. В его взгляде было столько растерянности и в то же время признательности. Мы делали то, что должны были, но не могли ему помочь. И уже во второй раз за тот день я понял, что есть вещи, которые не исправить.

Мы попытались поднять его и унести. Хоппо знал, где находится ветеринарная клиника. Но Мерфи и сам был тяжелым, а мокрая густая шерсть делала его еще тяжелее. Мы даже не смогли донести его до выхода из парка, потому что он опять начал кашлять и плевать. Тогда мы снова положили его на траву.

— Давай я сбегаю в город, в клинику, приведу кого-нибудь? — предложил я.

Хоппо лишь покачал головой и произнес хриплым надорванным голосом:

— Нет. Это бесполезно.

А потом он зарылся лицом в густую мокрую шерсть и так крепко обнял Мерфи, словно пытался удержать его, не позволить своей собаке бросить его и уйти в другой, чужой мир. Но, конечно, никто, даже самый любимый человек на свете не может этому помешать. Все, что мы могли, — пытаться успокоить Мерфи, нежно нашептывать в его вислые уши в надежде уменьшить его страдания. Этого оказалось достаточно. Потому что в конце концов Мерфи сделал последний прерывистый вздох и умер.

Хоппо разрыдался, зарывшись лицом в его неподвижную тушу. Я изо всех сил сдерживал слезы, но они все равно сами покатались по моим щекам. Потом я внезапно осознал, что в тот день мы пролили куда больше слез над телом мертвой собаки, чем над братом Железного Майки. И потом нам это здорово аукнулось.

Чуть позже, набравшись сил, мы постарались отнести его домой к Хоппо. Это был первый раз, когда я прикоснулся к чему-то по-настоящему мертвому. Я шел и думал, что он кажется даже тяжелее, чем прежде. Вот он, вес смерти. Мы добирались до дома не менее получаса. Люди останавливались и глазели на нас, но никто не пытался помочь.

Мы уложили пса на его старую подстилку на кухне.

— Что ты будешь делать теперь? — спросил я.

— Похороню, — сказал Хоппо таким тоном, словно это было очевидно.

— Сам?

— Это мой пес.

Я не знал, что на это ответить, поэтому решил ничего не говорить.

— Ты иди, — сказал Хоппо. — На эти... поминки.

Что-то внутри подсказывало: я должен остаться и помочь, но в то же время мне очень хотелось поскорее уйти.

— Ладно.

Я повернулся к двери:

— Эдди?

— Что?

— Когда я узнаю, кто это сделал, я убью его.

Никогда не забуду его взгляд в ту минуту. Может, поэтому я и не стал говорить ему о меловом человечке и собаке. Или о том, что я никак не мог вспомнить, возвращался ли Железный Майки в церковь, после того как сбежал.

Я не считаю себя алкоголиком. Или барахольщиком. Я просто тип, которому нравится иногда пропустить стаканчик, а еще собирать разные вещи.

Я не надираюсь каждый день и обычно никогда не прихожу в школу с перегаром. И тем не менее это все-таки случилось. К счастью, до директора эта новость не дошла, но я все равно услышал пару ласковых слов от знакомого учителя:

— Эд, иди-ка ты домой. Прими душ и купи себе какой-нибудь ополаскиватель для рта. И в следующий раз постарайся закончить все это в выходной.

Если уж говорить начистоту, да, я пью больше, чем следовало бы, и чаще, чем нужно. Но сегодня мне очень хочется. Горло так и сжимает. И губы сохнут, сколько ни облизывай. Нет, я не просто хочу выпить. Мне надо выпить. Небольшая разница в грамматике. Огромная — в жизни.

Я в супермаркете. Снимаю с винной полки пару бутылок крепкого красного. А затем прихватываю бутылку хорошего бурбона и качу тележку к кассе самообслуживания. Короткая беседа с женщиной, стоящей за кассой, и я загружаю бутылки в машину.

Приезжаю домой как раз после шести, достаю парочку виниловых пластинок, которые не ставил уже очень давно, и наполняю первый бокал.

Именно в этот момент входная дверь с грохотом распахивается — так, что подсвечники на камине вздрагивают и бокал шатается на столе.

— Хлоя?

Наверняка это она. Я ведь запер дверь, а больше ни у кого нет ключей. Но обычно Хлоя не выбивает двери. Когда у нее что-то происходит, она проникает в дом, как кошка. Втягивается, как паранормальный туман.

Я с тоской смотрю на свой бокал, а затем, печально вздохнув, поднимаюсь и иду на кухню. Слышу, как открывается и захлопывается дверь холодильника, как звенят стаканы. Но кроме этого я слышу еще кое-что. Незнакомый звук.

Несколько секунд я пытаюсь понять, что творится, а потом до меня доходит. Хлоя плачет.

Я не так уж часто плачу. Не знаю, что с этим делать. Даже на папиных похоронах. Не люблю всю эту возню, сопли, всхлипывания. Не встречал ни одного человека, который выглядел бы привлекательно в такой момент. Хуже того: когда плачет женщина, значит, ее надо утешать. А в этом я тоже не так уж хорош.

У двери в кухню я все еще сомневаюсь. А затем слышу голос:

— Мать твою, Эд! Да, я реву тут! Или заходи, или вали на хер!

Я толкаю дверь. Хлоя сидит прямо на столе. Рядом — бутылка джина и огромный стакан. Без тоника. Волосы у нее еще более взлохмаченные, чем обычно, тушь размазалась.

— Не буду спрашивать, как ты...

— Это хорошо. Потому что иначе я тебе эту бутылку в зад засуну!

— Хочешь поговорить о том, что случилось?

— Не особо.

— Ладно. — Я останавливаюсь у стола. — Я могу тебе чем-то помочь?

— Да. Сядь. И пей.

Хоть я и думал об этом целый день, джин — не совсем мой напиток. Но я чувствую, что

отказывать нельзя. Беру из шкафа стакан и протягиваю Хлое. Она наливает мне большую порцию, а затем ставит стакан на стол и чуть не роняет при этом. Думаю, это уже не первая ее порция за сегодня. И даже не вторая и не третья. Странно. Хлоя, конечно, любит потусить. Любит выпить. Но не думаю, что я когда-либо видел ее по-настоящему пьяной.

— Итак, — спрашивает она заплетающимся языком, — как прошел твой день?

— Ну, я пытался написать в полиции заявление о пропаже друга.

— И как?

— Несмотря на то, что он не вернулся в отель прошлой ночью, не забрал свой кошелек и кредитки и не отвечает на звонки, его нельзя официально считать пропавшим, пока не пройдет двадцать четыре часа.

— Вот срань.

— Да уж, срань.

— Думаешь, с ним что-то случилось?

Звучит так, словно она искренне переживает. Я отпиваю из стакана.

— Не знаю...

— Может, он домой поехал.

— Может.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Думаю, завтра снова пойду в полицию.

Она долго смотрит в свой стакан:

— Друзья, да? Неприятностей от них больше, чем пользы. Хотя с родственниками и того хуже.

— Да, наверное, — осторожно говорю я.

— Ой, поверь мне. Друзей можно просто отрезать от себя и все. Семью не отрежешь. Они всегда здесь, на подкорке, скребутся и не дают жить.

Она опрокидывает в себя остатки джина и наливает еще.

Хлоя никогда не говорила о своей личной жизни, а я никогда не спрашивал. Это как с детьми. Если они хотят о чем-то сказать, то говорят. А начнешь спрашивать — еще глубже забьются в свою раковину.

Конечно, мне было интересно. Долгое время я думал, что ее присутствие в моем доме — следствие ссоры с парнем и тяжелого разрыва с ним. В конце концов, в Эндерберри полным-полно квартир, которые можно снять с кем-то более близким ей по возрасту и по духу. Никто не станет выбирать жизнь в старом жутком доме, где обитает какой-то странный холостяк, если не ищет одиночества.

Так вот, Хлоя никогда не рассказывала, и я не настаивал, поскольку боялся, что ее это отпугнет. Одно дело — найти человека, который смог бы занять пустую комнату в моем доме. И совсем другое — того, кто смог бы заполнить мою пустоту. Это иное.

Я делаю еще глоток, хотя мое отчаянное желание выпить потихоньку испаряется. Избавляться от мысли, что ты — алкоголик, лучше всего в компании другого алкоголика.

— Что ж, — говорю я. — И с друзьями, и с семьей бывает трудно, и...

— А мы с тобой друзья, Эд?

Этот вопрос застает меня врасплох. Хлоя смотрит на меня честным, но немного расфокусированным взглядом, ее черты смягчились, губы приоткрыты.

Я сглатываю ком в горле:

— Надеюсь, что да.

Она улыбается:

— Хорошо. Потому что я бы никогда, ни за что не стала причинять тебе боль. Просто хочу, чтобы ты это знал.

— Я знаю, — говорю я, хотя на самом деле это не так. Не совсем так. Люди могут ранить, даже не подозревая об этом. Хлоя делает это каждый день — иногда она ранит меня одним фактом своего существования. И это нормально.

— Хорошо. — Она сжимает мою ладонь, и я с ужасом вижу, как ее глаза опять наполняются слезами.

Она вытирает щеки.

— Господи, я просто конченная идиотка... — Она делает еще один большой глоток, а затем говорит: — Мне нужно кое-что тебе сказать...

Терпеть не могу эти слова. Предложение, которое начинается так, просто не может закончиться хорошо. Это все равно что «Нам нужно поговорить...»

— Хлоя... — произношу я.

К счастью, меня спасает звонок. Кто-то пришел и стоит у входной двери. Ко мне не так уж часто заявляются посетители и уж точно не приходят незваные гости.

— А это еще кто, мать его? — спрашивает Хлоя с присущим ей теплом и добродушием.

— Понятия не имею.

Устало плетусь к входной двери и открываю замок. На пороге стоят двое в серых костюмах. Они еще не успевают и рот открыть, а я уже понимаю, что эти парни — из полиции. Есть в них что-то такое. Усталое выражение лица, плохие стрижки, дешевая обувь.

— Мистер Адамс? — спрашивает тот, что повыше, с темными волосами.

— Да?

— Я — инспектор Фернесс. Это — сержант Дэнкс. Вы приходили в участок днем, чтобы написать заявление о пропаже вашего друга Мика Купера?

— Я пытался. Но мне сказали, что его нельзя официально считать пропавшим.

— Да. Простите, пожалуйста, — говорит второй полицейский, лысый и невысокий. — Мы можем войти?

Я хочу спросить у них зачем, но они ведь все равно войдут, так что без разницы. Я отодвигаюсь в сторону.

— Конечно проходите.

Они шагают мимо меня в холл, и я закрываю дверь.

— Сюда, пожалуйста.

Вопреки своим привычкам, я веду их на кухню. И как только вижу Хлою, понимаю, что это ошибка. Она все еще в своем «вечернем» наряде. На ней — обтягивающий черный топ в черепах, крошечная мини-юбка из лайкры, сетчатые колготки и ботинки «Доктор Мартинз».

— О-о, а вот и компания, — говорит она, глядя на полицейских. — Как мило!

— Это Хлоя, она снимает у меня комнату. Мы друзья.

Эти двое — профессионалы своего дела, даже бровью не повели, но я-то знаю, о чем они думают. Старпер живет под одной крышей с молоденькой красивой девушкой. Или я с ней сплю, или я просто старый извращенец. К сожалению, скорее всего, дело в последнем.

— Могу я вам что-нибудь предложить? — спрашиваю я. — Чай, кофе?

— Джин? — Хлоя поднимает свою бутылку.

— Боюсь, мы при исполнении, мисс, — говорит Фернесс.

— Хорошо, — говорю я. — Тогда... эм-м... присаживайтесь?

Они переглядываются.

— Вообще-то, мистер Адамс, мы бы хотели поговорить с вами наедине.

Я смотрю на Хлюю:

— Ты не против?

— Ну что ж, ладно. — Она хватает бутылку и стакан. — Буду нужна — стучи.

А затем она окидывает полицейских тяжелым взглядом и выскользывает из кухни.

Они рассаживаются, скрипнув стульями, я неловко устраиваюсь во главе стола.

— Так могу я узнать, в чем, собственно, дело? Я уже рассказал сержанту все, что знаю.

— Я понимаю, вам, наверное, покажется, что это слишком — повторять все заново, но не могли бы вы рассказать об этом теперь и нам, и в подробностях?

Дэнкс вынимает ручку.

— Ну... Майки был здесь вчера вечером.

— Простите, а не могли бы вы начать еще раньше? Почему он приехал? Насколько нам известно, он живет в Оксфорде?

— Мы старые друзья, он вернулся в Эндерберри и захотел со мной встретиться.

— Насколько старые?

— С детства.

— И вы поддерживали связь?

— Не особенно. Но иногда неплохо повидаться друг с другом.

Они кивают.

— Так или иначе, он заглянул ко мне на ужин.

— В котором часу это было?

— Он приехал в семь пятнадцать.

— На машине?

— Нет, пришел пешком. Отель, в котором он остановился, не очень далеко отсюда.

Думаю, он хотел выпить.

— Как, по-вашему, сколько он выпил?

— Ну... — Я мысленно пересчитываю пустые бутылки в мусорном ящике. — Знаете же, как это бывает. Ешь, говоришь... Может, шесть или семь бутылок пива.

— Прилично!

— Да, наверное.

— В каком, на ваш взгляд, состоянии он покинул ваш дом?

— Ну он не спотыкался и не нес всякую чушь, но был довольно пьян.

— И вы позволили ему вернуться в отель?

— Я предлагал вызвать такси, но он сказал, что хочет прогуляться, чтобы протрезветь.

— Так. Можете сказать, в котором часу это было?

— В десять, десять тридцать. Не так уж поздно.

— В тот вечер вы видели его в последний раз?

— Да.

— Вы отдали его бумажник сержанту?

— Да, но это было чертовски сложно, она хотела, чтобы я оставил его у себя, но я настоял.

— Как он вообще попал к вам в руки?

— Наверное, Майки забыл его, когда уходил.

— И вы не попытались вернуть ему этот бумажник той же ночью?

— Я не знал о нем до сегодняшнего дня. Хлоя нашла его и позвонила мне.

— В котором часу?

— Примерно в обед. Я пытался дозвониться до Майки и сказать ему, что он забыл бумажник, но он не отвечал.

Снова что-то записывают.

— И тогда вы пошли в отель, желая убедиться, что с вашим другом все в порядке?

— Да. Они сказали мне, что той ночью он не возвращался, и я обратился в полицию.

Снова кивают. А затем Фернесс говорит:

— Как бы вы описали своего друга в тот вечер?

— Он был в порядке... То есть абсолютно нормальный.

— У него было хорошее настроение?

— Ну, думаю, да.

— Какова была цель его визита?

— Могу ли я спросить, уместно ли это?

— Что ж, он много лет не выходил на связь, а затем — как гром среди ясного неба. Это странно.

— Как говорил Джим Моррисон, люди вообще странные.

Они смотрят на меня без всякого выражения. Явно не фанаты классического рока.

— Слушайте, — говорю я. — Это была обычная дань вежливости. Мы болтали об всяком, о том, чем оба занимаемся, о работе. Ничего особенного или важного. А теперь могу ли я узнать, к чему все эти вопросы? С Майки что-то случилось?

Кажется, они раздумывают над ответом, а затем Дэнкс закрывает свой блокнот.

— Сегодня было найдено тело. По описанию похоже на вашего друга Майки Купера.

Тело. Майки. Я пытаюсь проглотить эту информацию, но она комом застревает у меня в горле. Я не могу говорить. Мне даже дышать трудно.

— Вы в порядке, сэр?

— Я... я не знаю. У меня шок. Что произошло?

— Мы вытащили его тело из реки.

«Зуб даю, он уже весь распухший, зеленый и без глаз. Потому что рыбы съели его глаза».

— Майки утонул?

— Мы все еще пытаемся установить обстоятельства смерти вашего друга.

— Если он упал в реку, что тут устанавливать?

Они обмениваются странным взглядом.

— Парк Олд-Мидоуз находится далеко от отеля, в котором поселился ваш друг?

— Думаю, да.

— Тогда как он мог оказаться там?

— Может, он хотел еще немного прогуляться, чтобы протрезветь? Или заблудился?

— Может.

Они явно сомневаются в чем-то.

— Вы не думаете, что смерть Майки была результатом несчастного случая?

— Наоборот, мы уверены, что это самое подходящее объяснение. Тем не менее мы должны проверить все варианты.

— Например?

— Есть ли у вас на примете кто-то, кто хотел причинить Майки вред?

Я чувствую, как у меня в висках стучит кровь. Кто-нибудь, кто хотел причинить Майки вред?

Что ж, да, мне приходит в голову по крайней мере один такой человек, но он не в том состоянии, чтобы носиться по парку и сталкивать Майки в реку.

— Нет, никто, — окрепшим голосом говорю я и тут же добавляю: — Эндерберри — тихий город. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь здесь захотел причинить Майки зло.

Они снова кивают.

— Уверен, что вы правы. Скорее всего, это просто прискорбный несчастный случай.

«Такой же, как и тот, который произошел с его братом», — думаю я. Прискорбный несчастный случай. Даже слишком неудачное стечение обстоятельств.

— Простите, что принесли вам плохие новости, мистер Адамс.

— Все в порядке. Вы просто делали свою работу.

Они отодвигают стулья. Я тоже поднимаюсь, чтобы их проводить.

— Есть еще кое-что.

Ну конечно. Всегда есть.

— Я вас слушаю?

— Мы нашли на теле вашего друга улику, которая несколько сбила нас с толку. Мы подумали, что вы могли бы пролить свет...

— Если получится.

Фернесс достает из кармана чистый пластиковый пакет и кладет его на стол.

В пакете лежит бумажка, на которой нарисован повесившийся человечек. А кроме нее — кусочек белого мела.

— Фома ты неверующая.

Папа всегда говорит так, когда мама не верит, что он сможет что-то сделать. Я думаю, это какая-то их собственная шуточка, потому что после этих слов она обычно поворачивается к нему и говорит:

— Ни капли не верующая.

И затем они смеются.

Думаю, смысл в том, что мои родители никогда не были религиозными и никогда этого не скрывали. Наверное, поэтому многие люди в нашем городке относились к ним настороженно, и поэтому многие встали на сторону отца Мартина под клиником. Даже те, кто искренне поддерживал маму, не хотели об этом заявлять — похоже, думали, что идут наперекор Богу или что-то в этом роде.

Той осенью мама похудела и постарела. Я никогда не задумывался о том, что мои родители старше, чем у всех остальных. Когда тебе двенадцать, все, кто старше двадцати, кажутся тебе ископаемыми. Мама родила меня в тридцать шесть, так что ей тогда было уже почти пятьдесят.

В какой-то степени в этом была виновна ее тяжелая работа. Она с каждой ночью возвращалась домой все позже, и папе приходилось готовить по вечерам — за этим процессом было забавно наблюдать, но результат не всегда оказывался съедобным. Протестующие тоже приложили руку — они все еще каждый день топтались у входа в больницу. Теперь их было человек двадцать. Я видел их постеры даже в витринах некоторых магазинов:

«Выбери жизнь. Останови убийства»

«Скажем НЕТ узаконенным убийствам»

«Вступай в ряды Ангелов Эндерберри»

Вот как себя называли протестующие — «Ангелы Эндерберри». Думаю, это была инициатива отца Мартина. Не очень-то они были похожи на ангелов. Ангелы в моем представлении были тихими и миролюбивыми. Протестующие были красномордыми и бешеными, вечно орали и плевались. Оглядываясь назад, я понимаю, что они, как и большинство рациональных людей, считали, что борются за правое дело, выступают во имя какой-то высшей цели. Настолько высокой, что ею можно оправдывать все низости, на которые они пускались.

К тому моменту уже наступил октябрь. Лето собрало все пляжные полотенца, ведра и лопатки и спрятало до следующего года. Перезвон фургончиков с мороженым сменился свистом и шипением незаконно добытых петард, а аромат цветения и жареного мяса барбекю — запахом осенних костров.

Железный Майки стал проводить с нами намного меньше времени. Он заметно изменился с тех пор, как погиб его брат. Или же мы просто не знали, как теперь себя с ним вести. Он стал холоднее и жестче. Всегда в нем была эта саркастическая гнильца, но теперь он стал еще более язвительным. И выглядел он теперь иначе. Он вырос. Хотя потом его

нельзя было назвать высоким. Его черты обострились, брекеты исчезли. В каком-то смысле он уже не был нашим старым другом Железным Майки. Внезапно он превратился в Майки Купера, брата Шона Купера.

И если нам было просто неуютно в его обществе, то с Хоппо они постоянно ругались. Между ними назревало некое противостояние, которое грозило однажды взорваться, как бомба. Так и вышло. В тот день, когда мы все собрались, чтобы развеять прах Мерфи.

В конце концов Хоппо не стал его хоронить. Его мама отвезла тело Мерфи в ветеринарную клинику, чтобы кремировать. Хоппо долгое время хранил этот прах у себя, но в итоге решил развеять над тем местом, где часто бывал Мерфи и где он испустил дух. В парке.

Мы договорились встретиться на игровой площадке в одиннадцать в субботу. Мы сидели на карусели, в куртках и шарфах. Хоппо прижимал к себе коробочку с прахом. Утро было холодным. Мороз кусал за пальцы и жег щеки. Из-за этого холода и того, что нам предстояло не самое приятное дело, мы все были подавлены. Майки опоздал на целых пятнадцать минут. Как только он появился, Хоппо тут же вскинулся:

— Где ты был?

Майки пожал плечами:

— Надо было кое-что сделать. Теперь дома только я, ма меня нагрузила, — ответил он в своей обычной агрессивной манере.

Может, это и жестоко прозвучит, но теперь все, что он говорил, было как-то связано с тем фактом, что его брата больше нет. Да, мы все знали, что это ужасно, трагично и так далее, и тому подобное, но, думаю, нам просто хотелось, чтобы он перестал носиться с этим каждую минуту, каждый день.

Я увидел, что Хоппо слегка расслабился и смягчился.

— Ну... теперь ты здесь, — сказал он тем тоном, который должен был снять напряжение. Хоппо это умел. Но в то утро с Майки у него не вышло.

— Не знаю, чего вы так заморочились. Это же просто собака.

Я прямо услышал, как в этот момент лопнул воздух между нами.

— Мерфи был не «просто собакой»!

— Да? А что он умел? Разговаривать? Фокусы карточные показывать?

Он пытался раздражить Хоппо. Мы все это понимали, Хоппо это понимал, но даже если ты знаешь, что кто-то пытается тебя разозлить, не всегда получается оставаться спокойным. Впрочем, надо отдать Хоппо должное.

— Он был моим псом и много для меня значил.

— Да. А мой брат много значил для меня.

Толстяк Гав слез с карусели:

— Мы помним об этом, но тут другое.

— Да уж, вам не насрать, что сдохла тупая псина, но совершенно насрать, что умер мой брат!

Мы все уставились на него. Никто не знал, что сказать. Ведь в какой-то степени он был прав.

— Видите? Вы даже не говорите о нем, но вот мы все здесь, потому что отдала концы какая-то тупая вонючая дворняга!

— Возьми эти слова назад! — крикнул Хоппо.

— Или что? — усмехнулся Майки и подступил ближе к Хоппо.

Хоппо был намного выше, чем Майки. И сильнее. Но у Майки в глазах горел бешеный огонь. Прямо как у его брата. А с бешеными людьми драться нельзя. Они всегда побеждают.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Он был тупым, безмозглым мешком с блохами, вечно гадил и вонял. Он в любом случае недолго бы протянул. Кто-то просто избавил его от этого жалкого существования.

Я видел, как сжались кулаки Хоппо, но он все равно не ударил бы Майки. Не ударил бы, если бы тот внезапно не бросился к нему и не вышиб коробку с прахом у него из рук. Та покатила по асфальту площадки и открылась, прах вырвался наружу маленьким облачком. Майки демонстративно вытер о него ноги:

— Тупая, безмозглая вонючая старая псина!

Именно в тот момент Хоппо и прыгнул на него с жутким сдавленным криком. Они повалились на землю, и несколько минут виднелись только мелькающие в воздухе кулаки. Они молотили друг друга, катаясь в куче серой пыли, которая когда-то была Мерфи.

Толстяк Гав попытался вмешаться и разнять их. Мы с Никки последовали за ним. Каким-то образом ему удалось их расцепить. Толстяк Гав обхватил Майки. Я попытался удержать Хоппо, но он стряхнул мои руки.

— Что с тобой такое?! — заорал он на Майки.

— У меня брат умер, забыл?! — Он огляделся. — Вы все забыли?!

Он размашисто вытер окровавленный нос.

— Нет, — сказал я. — Мы не забыли. Мы просто хотим снова стать твоими друзьями.

— Друзьями. Ну да. — Он ухмыльнулся в адрес Хоппо. — Хочешь знать, кто отравил твою вонючую псину? Я отравил. Теперь ты понимаешь, каково это: терять того, кого ты любишь. Может, и вы все... узнаете.

Хоппо заорал, оттолкнул меня и бросился к Майки, чтобы врезать ему.

Не помню точно, что произошло потом. То ли Майки увернулся, то ли Никки попыталась вмешаться. Так или иначе, когда я обернулся, то увидел, что Никки лежит на земле, закрыв лицо руками. Каким-то образом в суматохе кулак Хоппо прилетел не в Майки, а ей в глаз.

— Придурок! — взвизгнула она. — Долбоеб несчастный!

Не знаю, кого именно она имела в виду, Хоппо или Майки. Хотя, наверное, это было не важно.

Выражение ненависти на лице Хоппо сменилось ужасом.

— Прости, прости меня, пожалуйста!

Мы с Толстяком Гавом подскочили к ней и попытались ей помочь. Она отмахнулась от нас и произнесла дрожащим голосом:

— Я в порядке.

Нет, ни капельки не в порядке. Ее веко отекало прямо на глазах и наливалось пурпуром. Уже тогда я знал, что это плохо. А еще я чувствовал злость. Даже большую, чем обычно. Все это из-за Майки. Это его вина. Пусть я и не был бойцом, тогда мне хотелось расквасить ему рожу не меньше, чем этого хотелось Хоппо. Но шанса мне так и не представилось. К тому моменту, как мы подняли Никки на ноги, а Толстяк Гав начал ныть о том, что надо бы отвести ее к его маме и приложить к глазу замороженный горох, Майки уже исчез.

Как оказалось, он лгал. В ветеринарной клинике сказали, что Мерфи отравили не меньше чем за двадцать четыре часа до похорон. Или еще раньше. Но это было уже не важно. Присутствие Майки само по себе было как яд — и отравляло всех и все вокруг.

Замороженный горох помог снять отек на глазу Никки, но тот все равно выглядел ужасно, когда она отправилась домой. Я надеялся, что у нее не будет из-за этого проблем. Мне даже удалось убедить себя, что она навешает отцу лапши на уши и все будет хорошо. Но я ошибался.

В тот вечер, как раз когда папа готовил чай, раздался стук в дверь. Даже грохот. Мама все еще была на работе. Папа вытер руки о джинсы, возвел глаза к потолку, подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял отец Мартин. На нем была роба священника и маленькая черная шляпа. Он выглядел в точности как священник со старых картин. А еще он был чертовски зол. Я вышел в прихожую.

— Я могу вам помочь? — спросил папа таким тоном, что стало ясно: это последнее, что он хотел бы сделать.

— Да. Велите своему сыну держаться подальше от моей дочери.

— Прошу прощения?

— У моей дочери огромный кровоподтек под глазом из-за вашего мальчишки и его банды.

Я чуть не ляпнул, что вообще-то это не моя банда. И в то же время эти слова вызвали у меня прилив гордости.

Папа повернулся ко мне:

— Эд?

Я неловко замялся. Кровь прилила к щекам.

— Это была случайность.

Папа снова посмотрел на преподобного.

— Раз мой сын говорит, что это была случайность, я ему верю.

Они уставились друг на друга. А затем отец Мартин улыбнулся:

— Хотя чего я ожидал? Яблоко от яблоньки... «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». [\[20\]](#)

— Можете проповедовать сколько влезет, отец Мартин, — сказал папа. — Но мы-то все знаем, что вы сами своим проповедям не следуете.

— О чем это вы говорите?

— Я хочу сказать — это ведь не первый синяк на вашей дочери?

— Клевета, мистер Адамс.

— Да ну? — Папа сделал шаг вперед, и я, к своему удовольствию, заметил, как вздрогнул отец Мартин. — «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы». [\[21\]](#) — Папа улыбнулся своей особенной ехидной улыбочкой. — Ваша церковь не будет защищать вас вечно, преподобный. А теперь катитесь к черту с моего крыльца, или я вызову полицию.

Последнее, что я увидел, — как открывается рот отца Мартина. А затем папа захлопнул перед ним дверь. Я прямо-таки раздулся от гордости. Мой папа победил. Он победил его!

— Спасибо, пап. Это было клево. Не думал, что ты знаешь всякие такие библейские штуки.

— Воскресная школа... Что-то да застревает в памяти.

— Это правда вышло случайно.

— Я верю, Эдди... но...

«Нет, — подумал я. — Никакого „но“». В «но» никогда не бывает ничего хорошего, и в

этом уж точно, я чувствовал. Как говорил Толстяк Гав, «но» — это удар по яйцам в самый хороший день.

Папа вздохнул:

— Слушай, Эдди. Может, лучше вы с Никки какое-то время не будете общаться?

— Она — моя подруга.

— У тебя есть и другие друзья. Гэвин, Дэвид, Майки.

— Только не Майки.

— Вы поссорились?

Я не отвечал.

Папа наклонился и положил ладони мне на плечи. Он делал так, только когда говорил действительно серьезно.

— Я не утверждаю, что вы с Никки никогда не будете дружить, но сейчас все так сложно, а отец Мартин... Он не очень хороший человек.

— И что?

— Может, лучше пока что держаться на расстоянии?

— Нет! — Я вырвался.

— Эдди...

— И вовсе это не лучше! Ты не знаешь! Ты ничего не понимаешь!

Даже несмотря на то, что я сознавал, как это глупо и по-детски, я развернулся и взбежал по лестнице.

— Твой чай го...

— Не хочу я!

Вообще-то хотел. В желудке у меня здорово урчало, но сейчас я бы и крошки съесть не смог. Все было не так. Весь мой мир, — а когда ты ребенок, твои друзья и есть весь мир, — рушился.

Я отодвинул комод и снял расшатанную доску на полу. Порылся немного в тайнике и достал оттуда коробку цветных мелков. Взял белый и, не думая, принялся рисовать на полу — снова, снова и снова.

— Эдди...

Раздался стук в дверь.

Я замер.

— Уходи!

— Эдди, слушай, я ведь не запрещаю тебе видеться с Никки...

Я ждал, сжав мелок в руке.

— ...я просто прошу тебя, понимаешь? Ради меня и твоей мамы.

«Прошу». Это еще хуже! И папа об этом знал. Я сжал мелок в кулаке и раскрошил на куски.

— Что скажешь?

Я ничего не говорил. Просто не мог. Я чувствовал, что слова застряли в горле. Я давился ими. В конце концов я услышал, как папины тяжелые шаги удаляются вниз по лестнице. А затем взглянул на свой рисунок. Сплошные меловые человечки. Безумные человечки из палочек. Что-то нехорошее зашевелилось у меня внутри. Я принялся быстро стирать их рукавом, пока на полу не появилось сплошное размытое белое пятно.

Позже той ночью в окно нашего дома прилетел кирпич. К счастью, я уже был в постели, а мама и папа ужинали на кухне. Если бы они сидели в гостиной, их бы ранило осколками

стекла или даже хуже. Так или иначе, кирпич проделал огромную дыру в стекле, но пострадал от него только телевизор.

Как и следовало ожидать, к кирпичу было привязано резинкой небольшое послание. Тогда мама не сказала мне, о чем оно. Наверное, боялась испугать меня или расстроить. Но потом призналась, что там было сказано: «Перестань убивать невинных младенцев, или твоя семья будет следующей!»

Снова в наш дом пришли из полиции. А на окно поставили деревянную раму. После я услышал, как мои родители спорят в гостиной, — должно быть, они думали, что я уже лег спать. Я притаился на лестнице, вслушиваясь в их голоса. Признаюсь, мне было не по себе. Мама и папа никогда раньше не ссорились. Да, иногда они спорили, но до настоящей ссоры не доходило. Я никогда не слышал, чтобы они разговаривали так резко и громко.

— Дальше так продолжаться не может! — Папин голос звучал одновременно разгневанно и печально.

— Как? — Мамин голос — напряженный и натянутый.

— Ты знаешь, о чем я! Плохо, что ты работаешь сутками напролет, плохо, что эти тупицы-евангелисты запугивают женщин в больнице, но это! Угрожать твоей же семье!

— Просто тактика устрашения. Мы не прогнемся!

— Это другое! Это уже переход на личности!

— Всего лишь угрозы! Такое и раньше случалось. В конце концов, им это надоест. И они решат заняться каким-нибудь другим богоугодным делом. Все уляжется. Всегда укладывается.

Хоть я его и не видел, но представил себе, как папа встряхивает головой и кивает, — он всегда так делал, когда был расстроен.

— Думаю, ты ошибаешься, и я не уверен, что готов рисковать.

— Хорошо, как ты предлагаешь мне поступить? Оставить работу? Бросить практику? Сидеть дома и лезть на стену, выживать на зарплату безработного писателя?

— Это несправедливо.

— Я знаю. Прости меня.

— Разве мы не можем вернуться в Саутгемптон? Пусть кто-нибудь другой позаботится об Эндерберри.

— Это мой проект, мой ре... — Она осеклась. — Моя возможность доказать, чего я стою.

— Доказать что? Все эти шизики тебя ненавидят.

Повисла пауза.

— Я не стану бросать работу и клинику. Не проси меня.

— А как же Эдди?

— С Эдди все в порядке.

— Серьезно? Ты знаешь, о чем я, ты и сама об этом думаешь. Ты же его почти не видишь в последнее время.

— Хочешь сказать, с ним не все хорошо?

— Я хочу сказать: после всего, что было, — та драка на дне рождения Гэвина, мальчишка Куперов, собака Дэвида Хопкинса, — хватит уже с него тревог и переживаний. Мы всегда говорили о том, что хотим подарить ему любовь и спокойную жизнь, и я не желаю видеть, как все это скажется на нем. Не важно, как именно.

— Если я пойму, что все это может как-то сказаться...

— Что тогда? Уйдешь? — Голос отца прозвучал как-то странно в этот момент. Кисло и горько.

— Я сделаю все, что от меня потребуется, чтобы защитить свою семью, но это не значит, что я не смогу при этом продолжать работать.

— Ну, будем надеяться, что нет.

Я услышал, как открылась дверь в гостиную, а затем — шорох одежды.

— Куда ты? — спросила мама.

— Пойду прогуляюсь.

Входная дверь захлопнулась — так громко, что перила на лестнице вздрогнули и со стены у меня над головой сорвалось облачко гипсовой пыли.

Должно быть, папа прогуливался очень долго, потому что я не слышал, как он вернулся. Наверное, я просто уснул. Но зато я услышал кое-что другое. То, чего не слышал никогда до этого.

Услышал, как моя мама плачет.

Я сижу на скамейке на заднем дворе церкви. Здесь пусто — это довольно предсказуемо. В наше время люди выбирают другие храмы. Например, бары, торговые центры, телевидение и виртуальную реальность. Кому нужно слово Божье, когда слова какой-нибудь звезды экрана могут оказаться ничуть не хуже?

Я не переступал порог церкви Святого Томаса с самых похорон Шона Купера, хотя очень часто проходил мимо. Это довольно древнее сооружение. Не такое огромное и величественное, как собор Эндерберри, но, без сомнения, красивое. Мне нравятся старинные церкви. Точнее, нравится любоваться ими, но не молиться в них. Сегодняшний день станет исключением, хотя я не совсем молиться пришел. Я вообще не уверен, зачем пришел сюда.

Церковь Святого Томаса благожелательно глядит на меня сверху вниз большими витражными окнами. Ее покровитель был святым? Черт его знает. Мне кажется, этот святой парень был крутым. Не какая-то там скучная Мария или Матфей. Наверное, он был немногос хипстером. Быть может, с модной бородкой.

Интересно, святые действительно живут совсем безгрешно? Или можно быть законченным негодяем, а потом отколоть пару чудес и тебя сразу запишут в святые? Так работает религия? Можно убивать, насиловать, калечить, и все тебе простится, если покаешься? Мне всегда казалось, что это довольно-таки несправедливо. Но тогда и Бог несправедлив, и жизнь.

Но, как правильно замечал сам мистер Христос, кто из нас безгрешен? Многие люди в какой-то момент поступали плохо, хотели вернуть все назад, жалели о том, что сделали. Мы все совершаем ошибки. В каждом есть и хорошее, и плохое. И если кто-то сделал что-то плохое, это же не перечеркнет все то хорошее, что он когда-либо совершал? Или есть настолько тяжелые грехи, что их уже ничем не искупить?

Я думаю о мистере Хэллоране. О его прекрасных картинах, о том, как он спас Девушку с Карусели и в какой-то степени нас с папой.

Что бы он ни совершил впоследствии, я не верю, что он был плохим человеком. Так же, как и Майки. Он не был плохим. Не совсем. Да, иногда он вел себя как дерьмо, и я не уверен, что мне нравится и то, в какого взрослого он превратился. Но разве мог кто-то ненавидеть его настолько, чтобы попытаться убить?

Я снова поднимаю взгляд на церковь. Что-то святой Томас мне не помогает. Я не чувствую никакого божественного благословения. Вздыхаю. Наверное, я слишком много читаю. Смерть Майки, скорее всего, была следствием несчастного случая, а письмо — это просто неудачное стечение обстоятельств. Возможно, какой-то жестокий шутник узнал наш адрес и решил мне напакостить. По крайней мере именно в этом я старался убедить себя с тех пор, как из моего дома ушли полицейские.

Проблема заключалась в том, что кто бы ни присылал нам те письма, они своего добились. Они сорвали крышку с того ящика, который я пытался закрыть и засунуть в самый дальний угол своего сознания. Как и в случае с ящиком Пандоры, ящик Эда весьма непросто снова запереть. Хуже всего то, что на самом дне этого ящика лежит не надежда. А вина.

Я слушаю песню. Обычно Хлоя слушает эту музыку, и я постепенно к ней привык. Какой-то панк-фолк исполнитель — Фрэнк Тернер.

В припеве говорится о том, что никто не помнит о том, что он сделал.

Но это не совсем так. Вся моя жизнь определялась теми поступками, которых я не совершил. Тем, чего я не сказал. Думаю, это объединяет многих людей. Нас обтачивают не достижения, а провалы. Не ложь, нет, скорее правда, которую мы не говорим.

Когда копы показали письмо, я должен был что-то сказать. Я должен был показать им, что получил точно такое же письмо. Но я этого не сделал. И до сих пор не знаю почему. Я не могу это объяснить. Так же, как не могу объяснить, почему я до сих пор не признался в том, что я совершил или о чем знал много лет назад.

Я даже не уверен, какие чувства мне внушает смерть Майки. Каждый раз, когда я пытаюсь его представить, вижу юного двенадцатилетнего Майки с железными зубами и злобой в глазах. И все же он был моим другом. А теперь его нет. Теперь он больше не будет частью моих воспоминаний. Он и сам стал воспоминанием.

Я встаю и киваю на прощание святому Томасу. А когда оборачиваюсь, замечаю какое-то движение. Это монашка. Пухленькая блондинка, под рясой которой виднеются угги. Я уже видел ее в городе. Она кажется слишком милой, чтобы быть монашкой.

Женщина улыбается мне:

— Вы нашли то, что искали?

Похоже, церковь и сама стала напоминать торговый центр. Но, увы, моя корзинка по-прежнему пуста.

— Пока нет, — отвечаю ей я.

Когда я возвращаюсь домой, замечаю на парковке мамину машину. Вот черт! Вспоминаю, что в прошлый раз мы говорили о Варезке. Ганнибал Лектер в кошачьей шкурке. Я открываю дверь, вешаю пальто на крючок и захожу на кухню.

Мама сидит за столом, Варезка — слава богу! — в переноске, стоящей на полу у ее ног. Хлоя возится с кофе. Сегодня она одета вполне прилично, как для нее, — в мешковатый свитер, лосины и полосатые носки.

Несмотря на это, я прямо чувствую, как в воздухе витает мамино неодобрение. Она не любит Хлою. Да я от нее этого и не ждал. Никки ей тоже не нравилась. Есть такие девушки, которых мамы терпеть не могут, и именно от этих девушек у тебя всегда сносит крышу.

— Эд! Ну наконец-то, — говорит мама. — Где ты был?

— Я, эм-м, гулял.

Хлоя оборачивается:

— И ты даже не подумал о том, чтобы сказать мне, что к нам придет твоя мама?

Они дружно уставились на меня. Как будто это я виноват в том, что им трудно находиться в одной комнате.

— Извините, — говорю я. — Я потерял счет времени.

Хлоя небрежно опускает на стол перед моей мамой кружку с кофе.

— Сам себе сделай, о'кей? Мне нужно в душ.

Она выходит из комнаты, и мама переводит на меня взгляд.

— Очаровательная девушка. И почему это у нее до сих пор нет парня?

Я подхожу к кофемашине.

— Она язва. Может, в этом все дело.

— В точку. — И, прежде чем я успеваю парировать, она добавляет: — Выглядишь ужасно.

Я сажусь:

— Спасибо. Сегодня ночью получил очень плохие новости.

— Да?

Я стараюсь как можно короче пересказать события последних тридцати шести часов.

Мама отпивает кофе:

— Как ужасно. Кажется, точно так же умер его брат?

Да уж, об этом я и сам думал. Очень много.

— Судьба бывает весьма жестокой, — говорит она. — Хотя меня это почему-то не удивляет.

— Нет?

— Что ж, Майки всегда казался довольно несчастливым мальчиком. Сначала брат. А затем тот жуткий случай с Гэвином.

— Но это была его вина! — возмущаюсь я. — Он сидел за рулем. Это Гав теперь в кресле. Из-за него!

— Такая вина сама по себе достаточно тяжела, она давит, и жить с ней нелегко.

Я в раздражении смотрю на нее. Мама всегда старается взглянуть на ситуацию с противоположной точки зрения. Это здорово, пока не касается тебя, твоих друзей или привязанностей.

— Не похоже, чтобы что-то давило на него. Разве что цена его рубашки и тяжесть новых зубов.

Мама ничего не отвечает. Точно так же она поступала, когда я был маленьким и о чем-либо заявлял, а она считала, что это не стоит ее комментария.

— Он собирался написать книгу, — говорю я.

Она опускает кружку, и ее лицо становится серьезным.

— О том, что случилось, когда вы были детьми?

Я киваю:

— Он хотел, чтобы я ему помог.

— И что ты сказал?

— Я сказал, что подумаю над этим.

— Понятно.

— Было еще кое-что. Он утверждал, что знает, кто ее убил.

Она смотрит на меня широко раскрытыми темными глазами. Даже в семьдесят восемь ее взгляд остается острым и ясным.

— И ты ему поверил?

— Не знаю. Возможно.

— А он еще что-нибудь говорил о тех событиях?

— Немного. А что?

— Просто интересно.

Но мама никогда не стала бы спрашивать, если бы ей было просто интересно. Она никогда ничего не делает просто так.

— Что такое, мам?

Она колеблется.

— Ма-ам?

Она кладет свою холодную сухощавую ладонь поверх моей.

— Ничего. Мне очень жаль Майки. Я знаю, что вы долго не виделись. Но когда-то вы были друзьями. Ты, наверное, расстроен.

Я делаю вдох, но тут дверь на кухню распаивается и снова заходит Хлоя.

— Захотелось подкрепиться. — Она берет свою чашку. — Я вам помешала?

Я смотрю на маму.

— Нет, — говорит она. — Вовсе нет. Я уже ухожу.

Перед отъездом мама оставила нам несколько гигантских сумок, полных вещей, жизненно необходимых для гармонии и благополучия Варезки.

Я же, опираясь на предыдущий опыт, думал так: все, что Варезке нужно для гармонии и благополучия, — это множество птенцов и мышей, которых он мог бы складывать на мою постель, когда у меня похмелье, или на стол, когда я завтракаю.

Я выпускаю его из переноски. Мы окидываем друг друга подозрительным оценивающим взглядом, а затем он прыгает на колени к Хлое и по-кошачьи самодовольно потягивается.

Вообще-то я решительно не одобряю жестокое обращение с животными, но для Варезки сделал бы исключение.

Я оставляю эту парочку, с довольным видом мурлычущую на диване: не знаю, кто урчит громче, Хлоя или Варезка. Поднимаюсь в свой кабинет и достаю из ящика на первый взгляд безобидный коричневый конверт. Заталкиваю его в карман и снова спускаюсь вниз.

— Я в магазин! — кричу я и выскакиваю за дверь до того, как Хлоя успевает всучить мне список покупок, равный по длине «Войне и миру» и вполне способный послужить обоями для какой-нибудь небольшой комнатки.

Сегодня именно тот день, когда все отправляются за покупками. Улицы уже забиты пробками — все эти машины не поместятся ни на одну городскую парковку. Скоро подъедут международные автобусы и улицы переполнят туристы, они будут пялиться в «Гугл-карты» и тыкать своими айфонами во все балки и соломенные крыши. Я захожу в маленький магазин на углу и покупаю пачку сигарет и зажигалку. А затем иду в противоположную сторону, к «Быку».

За стойкой Шэрил, но Гав почему-то не сидит, как обычно, рядом за столом. Прежде чем я успеваю подойти к бару, Шэрил поднимает взгляд:

— Его здесь нет, Эд... и он уже знает.

Я нахожу его на игровой площадке. Той самой старой площадке, на которой мы собирались в жаркие летние дни, жевали карамельки и батончики «Бам». Той, где мы и нашли рисунки, которые привели нас к ее телу.

Он сидит в кресле рядом со старой скамейкой. Отсюда можно увидеть только небольшой отрезок реки и желтую полицейскую ленту, которая все еще окаймляет деревья на том участке, куда вытащили из воды тело Майки.

Я открываю скрипящую калитку. Цепи качелей по-прежнему обмотаны вокруг рамы. Землю устилает ковер из сигаретных окурков — некоторые выглядят подозрительно. Я видел, как Дэнни Майерс со своей бандой ошивается здесь по вечерам. Но не днем. Никто не приходит сюда днем.

Гав не оборачивается, но он наверняка слышал скрип калитки. Я присаживаюсь на скамейку рядом с ним. У него на коленях лежит бумажный пакет. Он протягивает его мне. Внутри — целая коллекция конфет из нашего прошлого. И хотя они никогда мне не нравились, я беру «летающую тарелку».

— Целых три фунта отвалил, — говорит он. — В одной из этих навороченных кондитерских. А помнишь, раньше можно было купить огромный пакет всего за двадцать пенни?

— Конечно помню. Откуда, по-твоему, у меня такие бока?

Он выдавливая из себя усмешку.

— Шэрил сказала, что ты уже знаешь о Майки.

— А то. — Он бросает в рот «белую мышку» и громко чавкает. — Даже не буду притворяться, что мне жаль.

Я бы с радостью ему поверил, вот только глаза у него красные и блестящие, а голос слегка надломленный. В детстве Толстяк Гав и Майки были лучшими друзьями, пока все не пошло к чертям. До несчастного случая. Это стало ржавым гвоздем в крышке гниющего и рассыхающегося гроба их дружбы.

— Ко мне приходили из полиции, — говорю я. — Я — последний, с кем Майки виделся в ту ночь.

— Но это же не ты толкнул его в реку?

Я не улыбаюсь, хотя это вроде как шутка. Гав смотрит на меня, и его лицо темнеет.

— Это ведь был несчастный случай, Эд?

— Вероятно.

— Вероятно?

— Когда его вытащили из реки, кое-что нашли у него в кармане.

Я оглядываю парк. Людей не очень много. Вдоль реки прогуливается какой-то одинокий собачник.

Я достаю письмо и протягиваю ему.

— Вот это, — говорю я.

Гав наклоняется. Я жду. У него всегда здорово получалось прикидываться равнодушным, даже в детстве. Он умел лгать почти так же хорошо, как Майки. И я чувствую, как сейчас он борется с желанием солгать снова.

— Знакомо выглядит, правда?

Он кивает и наконец произносит взвешенным тоном:

— Да уж. Я тоже такое получил. И Хоппо.

— Хоппо?

Минутка, чтобы переварить новость. Чувствую знакомое детское негодование от того, что они от меня это скрыли. Как будто я оказался аутсайдером.

— Почему вы ничего мне не сказали? — спрашиваю я.

— Мы оба подумали, что это просто чья-то идиотская шутка. А ты?

— То же самое, наверное. — Пауза. — Но сейчас уже нет. Майки ведь умер.

— Отличная кульминация.

Гав лезет в бумажный пакет, достает желатиновую бутылочку колы и кладет в рот.

Несколько секунд я оценивающе смотрю на него.

— Почему ты так ненавидишь Майки?

Он издает короткий лающий смешок.

— Тебе и впрямь непонятно?

— Значит, все дело только в этом? В том несчастном случае?

— Неплохая причина, не так ли?

Он прав. Вот только в эту секунду у меня возникает отчетливое ощущение, что он что-то скрывает. Я лезу в карман и достаю нераспечатанную пачку «Мальборо Лайтс».

Гав смотрит на меня:

— Когда ты снова начал курить?

— Я еще не начал.

— Угостишь?

— Шутишь?

У него почти получается улыбнуться в ответ.

Я открываю пачку и достаю две сигареты.

— Я думал, ты бросил. Тоже.

— Да. Отличный день для того, чтобы нарушить данное слово.

Я протягиваю ему сигарету. Подкуриваю свою и передаю ему зажигалку. Первая же затяжка вызывает у меня головокружение и тошноту. Но, черт возьми, это восхитительно.

Гав выдыхает дым.

— Черт. Эта хреновина на вкус как дерьмо. — Он поглядывает на меня. — Но потрясающее дерьмо, старина.

Мы оба усмехаемся.

— Итак, — говорю я, — раз уж мы нарушаем все данные себе обещания, может, поговорим о Майки?

Он опускает взгляд, и его улыбка тускнеет.

— Ты знаешь о том, что случилось в ту ночь? — Он взмахивает сигаретой. — Идиотский вопрос. Конечно, ты знаешь.

— Знаю то, что мне сказали, — говорю я. — Меня там не было.

Он хмурится, похоже, пытаюсь вспомнить.

— Нет, не было. Ты учился, кажется. В ту ночь Майки был за рулем. Как всегда. Ты же знаешь, как он любил свой «пежо».

— Носился с ним, как помешанный.

— Ага. И поэтому никогда не пил. Он всегда предпочитал сесть за руль. А я предпочитал нажраться.

— Мы были детьми. Все дети такие.

Кроме меня. Не совсем. Во всяком случае, не тогда. Конечно, с тех пор я более чем наверстал все упущенное.

— Тогда, на вечеринке, я реально нажрался. Просто в хлам. Как идиот. И когда я начал блевать дальше, чем видел, Тина и Рич захотели, чтобы я свалил оттуда, и уговорили Майки отвезти меня домой.

— Но Майки тоже пил?

— Возможно. Я не помню, чтобы он пил. Хотя я почти ничего не помню о том, что происходило той ночью.

— Его проверяли на алкоголь? Он был пьян?

Он кивает:

— Да. Вот только мне он сказал, что ему подсыпали что-то в питье.

— Когда он тебе об этом сказал?

— Он пришел навестить меня в больнице. Даже не попытался извиниться, все говорил о том, что это не его вина. Кто-то подлил ему алкоголя в напиток, бла-бла-бла, если бы я не нажрался, ему бы не пришлось везти меня домой.

Типичный Майки. Всегда старается спихнуть вину на другого.

— Понимаю, почему ты до сих пор так его ненавидишь.

— Я не ненавижу его.

Я смотрю на него, моя рука с сигаретой замирает на полпути ко рту.

— Ненавидел раньше, — поправляется он. — И очень долго. Хотел винить. Но не мог.

— Не понимаю.

— Я не хотел разговаривать с Майки или встречаться с ним не из-за того несчастного случая.

— А почему тогда?

— Потому что это напоминало мне о том, что... я заслужил случившееся со мной. Заслужил это кресло. Карма. Это мое наказание за то, что я сделал.

И тут я неожиданно снова услышал голос мистера Хэллорана: «Если ты сделал что-то плохое, рано или поздно оно вернется к тебе и укусит за зад. Этому парня карма тоже нагонит. Можешь не сомневаться».

— Что ты сделал?

— Это я убил его брата.

Мать Хоппо убиралась не только в домах горожан, но также и в школе, в доме священника и в церкви. От нее мы и узнали про отца Мартина.

Гвен Хопкинс по обыкновению прибыла в церковь Святого Томаса в воскресенье в половине седьмого утра, чтобы вытереть пыль и отполировать все перед службой, которая должна была начаться в половине десятого. Думаю, у священников не бывает выходных по воскресеньям. Часы еще не перевели, так что было довольно темно, когда она поднялась по ступеням к тяжелым дубовым дверям и вставила в замочную скважину ключ, который хранила на кухонном крючке.

Она хранила на таких крючках ключи от всех мест, где убиралась, и каждый ключ был подписан. Не очень-то безопасно, особенно если учесть, что мама Хоппо курила и частенько выскальзывала по ночам на задний двор, а потом забывала запереть дверь.

Позже в то же утро она скажет полиции и газетчикам, что сразу же заметила: ключ от церкви висел не на том крючке. Она не особенно об этом задумалась, так как, по ее же словам, была довольно забывчивой. Но ключи все равно вешала на одни и те же крючки. Проблема заключалась в том, что все точно знали, где именно она их хранит. Это чудо, что до этого никто не украл их и никуда не забрался.

Все, что нужно было сделать, — пробраться в ее дом, взять нужный ключ и проникнуть еще в чей-нибудь дом, когда хозяев там не будет. Можно было стащить какую-нибудь мелкую вещицу, пропажу которой никто не заметит, например дешевое украшение или шариковую ручку. Что-то не очень ценное, чтобы хозяин решил, будто сам засунул куда-то эту вещь и забыл. Наверняка именно так и поступил бы человек, который любит собирать разные предметы.

Первый намек на то, что дело неладно, появился в тот момент, когда Гвен обнаружила церковную дверь незапертой. Но она отмахнулась от него. Может, пастор уже там? Иногда он просыпался очень рано, и она сталкивалась с ним в церкви — он повторял проповедь. Однако, сделав несколько шагов в зал, она сообразила: все-таки что-то было не так. Совсем-совсем не так.

В церкви было слишком светло.

Обычно скамьи в конце зала прятались в глубокой тени. А в то утро они сияли, отражая яркий белый свет.

Возможно, в тот момент она споткнулась. Не исключено, что волосы у нее на затылке внезапно зашевелились. Или она почувствовала ту самую легкую дрожь, которую мы все испытываем в тот момент, когда страх начинает играть с воображением и вводит нас в заблуждение. Хотя главное заблуждение — убеждать себя в такой момент, что на самом деле все в порядке.

Гвен перекрестилась ослабевшей рукой, а затем нащупала выключатель у двери и нажала на него. Светильники, тянущиеся вдоль церковных стен, — старые, местами разбитые и требующие починки, — налились светом. И тогда Гвен завизжала. Весь церковный зал был усеян рисунками. Они покрывали каменный пол, деревянные скамьи и даже кафедру проповедника. Всюду, куда ни кинь взгляд, — дюжины и дюжины белых меловых человечков. Они танцевали. Махали ручками. Многие были довольно вульгарными — например, человечки-мужчины с торчащими пенисами, человечки-женщины с

огромными грудями. Хуже всего были рисунки повешенных человечков с петлями на шеях. Странные рисунки, совершенно жуткие. Страшные.

Гвен чуть было не бросилась опрометью вон из церкви. Чуть было не опрокинула ведро со щетками и не припустилась бежать — с такой скоростью, на которую только были способны ее тощие бледные ноги. Возможно, она так и поступила бы, но было поздно. Она засомневалась. И именно тогда услышала слабый звук. Тихий жалобный стон.

— Эй? Здесь кто-нибудь есть?

Еще один стон, чуть громче первого. Такой, который не проигнорируешь, — стон боли.

Тогда она перекрестилась еще раз — более сознательно и твердо, и двинулась по проходу. Кожу ее головы покалывало от страха.

Она нашла его позади кафедры. Он лежал на полу, свернувшись в позе эмбриона. Совершенно голый, если не считать пасторского воротничка на шее. Его белая ткань пропиталась кровью. Кто-то жестоко ударил его по голове. Как сказали врачи, еще один удар, и он бы отправился на тот свет. Смерть пощадила его. Если «пощада» — уместное слово в данной ситуации.

Впрочем, кровь лилась не только из его головы. Она струилась из ран на спине. Рваные линии тянулись от лопаток до ягодиц. Только когда смыли кровь, стало ясно, что там изображено.

Это были крылья. Как у ангела.

Отца Мартина забрали в больницу и подсоединили к нему множество трубочек и всего прочего. У него была черепно-мозговая травма, и врачи хотели выяснить, насколько плохо дело и нужна ли ему операция.

Никки на время переехала к одной из близких знакомых отца, пожилой даме, которая тоже принимала участие в протестах. У нее были вьющиеся седые волосы, она носила очки с толстыми стеклами. Правда, надолго Никки там не осталась. Спустя пару дней к их дому подъехала странная машина. Ярко-желтая «мини», усыпанная наклейками «Гринпис», «Нет СПИДу», с изображениями радуги и прочего.

Я сам не видел эту машину. Мне рассказал об этом Толстяк Гав, а ему рассказал его отец, а тому — его приятель из бара. Из машины вышла какая-то женщина. Высокая, с длинными рыжими волосами до талии, облаченная в комбинезон, зеленую армейскую куртку и тяжелые ботинки.

«Как одна из тех цыпочек из „Гринхэм-коммон“».^[22]

Но, как выяснилось, она была не из Гринхэм-коммон. Она была из Борнмута. А еще она была мамой Никки.

Мы все думали, что она умерла. Но нет. Она вовсе не умерла. Просто отец Мартин решил рассказать всем именно эту версию. В том числе и самой Никки. На самом деле ее мать уехала, когда Никки была совсем маленькой. Не знаю точно почему. Не могу понять, как мама — любая мама — может бросить своего ребенка и просто уехать. Но теперь она вернулась, и Никки придется жить с ней, потому что других родственников у нее не было, а ее папа не мог за ней присматривать.

Тем временем врачи сделали отцу Мартину операцию и сказали, что вскоре ему станет лучше, быть может, он даже совсем поправится. Но они не могли этого утверждать наверняка. С травмами головы всегда так. Пока что он мог самостоятельно сидеть в кресле. Есть, пить и ходить в туалет — только с чьей-то помощью. Но говорить он был не в состоянии, и врачи не знали, понимает ли он, что ему говорят.

Его отправили в какой-то дом, где содержались люди, у которых было не все в порядке с головой, чтобы окончательно «прийти в себя», — так сказала моя мама. Церковь оплатила все счета. Это неплохо, вряд ли мама Никки смогла бы себе это позволить. И вряд ли захотела бы.

Насколько я знаю, она никогда не возила Никки к нему, чтобы проведать. Возможно, она пыталась отомстить ему. Ведь все эти годы он говорил Никки, что ее мать мертва, и не позволял им увидеться. А может, Никки и сама не хотела посещать его. Мне трудно ее винить.

И только один человек посещал его регулярно, без пропусков, каждую неделю. И это был не кто-то из его верных прихожан или самоотверженных «ангелов». Это была моя мама.

Никогда не мог понять, почему она это делала. Они ведь ненавидели друг друга. Отец Мартин отвратительно поступал с ней и говорил ужасные вещи. Позже она сказала мне:

— Это все не важно, Эдди. Быть хорошим человеком — не значит петь молебны или молиться какому-то мифическому богу. Для этого не обязательно носить крест и каждое воскресенье ходить в церковь. Твою доброту определяет то, как ты поступаешь с другими людьми. Хорошему человеку не нужна религия, чтобы понять, как поступать правильно.

— Поэтому ты навещала его?

Она улыбнулась, но как-то странно.

— Не совсем. Я навещала его, потому что мне было стыдно.

Один раз я решил пойти с ней. Сам не знаю, с чего вдруг. Может, мне просто нечем было больше заняться. А может, мне просто хотелось провести время с мамой, ведь она по-прежнему много работала и мы не так уж часто виделись. Или все дело было в обыкновенном детском любопытстве.

Этот дом назывался «Обитель Святой Магдалины» и находился в десяти минутах езды от нас по пути в Уилтон. К нему вела узкая дорога, окаймленная густыми зарослями. Здание было довольно симпатичным, большим, старым, вокруг раскинулся подстриженный газон, всюду стояли аккуратные белые столики и стулья.

В отдалении виднелась деревянная хижина — возле нее энергично трудились двое мужчин в спецодежде. Должно быть, садовники. Один из них расхаживал с газонокосилкой, второй махал топором, избавляя деревья от старых сухих веток, которые потом собирал в большую кучу, похожую на заготовку для праздничного костра.

За одним из столиков в саду сидела пожилая дама в платье с цветочным узором и какой-то замысловатой шляпе. Когда мы проехали мимо, она помахала нам:

— Как это мило, что ты заглянул к нам, Фердинанд!

Я взглянул на маму:

— Она с нами говорит?

— Не совсем, Эдди. Она говорит со своим женихом.

— Он тоже пришел?

— Сомневаюсь. Он умер сорок лет назад.

Мы припарковались и прошли по шуршащему гравию подъездной дорожки к большим дверям. Внутри все оказалось совсем не так, как я себе представлял. Довольно неплохо. Или, по крайней мере, здесь попытались сделать так, чтобы все выглядело неплохо: стены были покрашены неяркой желтой краской, всюду рисунки, картины и прочее. Но пахло все же больницей. Этот запах легко узнать: смесь дезинфицирующих средств, мочи и гниющей капусты.

Меня замутило еще до того, как мы добрались до палаты пастора. Какая-то леди в униформе медсестры провела нас по длинной комнате, уставленной креслами и столами. В углу мерцал телевизор. Перед ним сидели люди. Очень толстая женщина — по ней было трудно понять, спит она или нет. А рядом с ней — парень в очках со слуховым аппаратом. Время от времени он дергался, взмахивал рукой и вскрикивал:

— Давай, отхлещи меня, Милдред!

На это было одновременно и смешно, и неловко смотреть. Но медсестры как будто ничего не замечали.

Отец Мартин сидел в кресле рядом с французской дверью. Его ладони лежали на коленях, а лицо было совершенно бесстрастным и покрытым легким туманом, как витрина магазина. Его посадили так, чтобы он мог наблюдать за садом. Не уверен, что ему это нравилось. Он смотрел перед собой пустым бессмысленным взглядом. Выражение его лица не менялось, когда мимо кто-то проходил или даже когда тот парень с аппаратом снова принимался кричать. Кажется, он и не моргал.

Я не выбежал из комнаты. Наоборот, подошел ближе. Мама села рядом и начала читать ему какую-то книжку из классики, вроде тех, чьи авторы уже давно двинули кони. Я послушал немного, а затем извинился и попросил разрешения выйти в сад, просто чтобы выбраться оттуда и глотнуть немного свежего воздуха. Старушка в гигантской шляпе все еще сидела там. Я старался не попадаться ей на глаза, но когда я проходил мимо, она обернулась:

— Фердинанд не приедет, да?

— Не знаю. — Я замялся.

Ее взгляд остановился на мне.

— А вот я тебя знаю. Как тебя зовут, дружок?

— Эдди.

— Эдди, мэ.м.

— Эдди, мэ.м.

— Ты пришел навестить пастора.

— Вообще-то моя мама его навещает.

Она кивнула:

— Хочешь узнать секрет, Фредди?

Я хотел было напомнить ей, что вообще-то меня зовут Эдди, но передумал. Было в этой старушке что-то пугающее. И не только потому, что она была старой, хотя и это тоже. Когда ты ребенок, старики с их дряблой обвисшей кожей, сморщенными руками и вздутыми голубоватыми венами кажутся чуть ли не монстрами.

Она поманила меня к себе тонким костлявым пальцем с желтым загнутым ногтем. Мне захотелось немедленно сбежать оттуда. Но с другой стороны... какой ребенок не захочет узнать секрет?

Я шагнул чуть ближе.

— Пастор... он дурачит их всех.

— Дурачит? Как?

— Я видела его однажды ночью. Это дьявол во плоти.

Я ждал продолжения. Она выпрямилась и нахмурилась:

— А я знаю тебя!

— Я Эдди! — напомнил я.

Она внезапно ткнула в мою сторону пальцем:

— Я знаю, что ты сделал. Ты кое-что украл, не так ли?

Я подскочил:

— Нет, неправда!

— Верни! Верни, или я отхлещу тебя, маленький негодник!

Я попятился, развернулся и побежал. Мне в спину несся ее крик:

— Верни это, мальчик! Верни!

Я бежал во весь дух — вверх по тропинке, обратно в дом. Мое сердце стучало, лицо горело. Мама по-прежнему читала пастору книгу. Я уселся на ступеньках снаружи и стал терпеливо ждать, когда она закончит.

Но перед этим быстро вернул на место маленькую китайскую статуэтку, которую стащил из общей комнаты.

Однако все это было уже потом. Намного-намного позже. После того, как к нам в дом явилась полиция. После того, как они забрали папу. И после того, как мистера Хэллорана вынудили уволиться из школы.

Никки уехала — к своей маме в Борнмут. Толстяк Гав пару раз приходил к Майки, чтобы помириться. И оба раза мать Майки говорила, что он не может выйти, и захлопывала дверь прямо у него перед носом.

— Ну и дерьмо, — говорил по этому поводу Гав, потому что видел, как Майки ходит по магазинам и шляется по улицам в компании ребят постарше. Хулиганов, тех самых, с которыми раньше ходил его брат.

Мне, в общем-то, было наплевать, с кем теперь развлекается Майки. Я просто радовался, что он — больше не часть моей банды. Но мне совсем, совсем было не наплевать на то, что Никки уехала. Настолько не наплевать, что я даже не мог признаться в этом Хоппо или Толстяку Гаву. И не только в этом. Я так и не рассказал им, что перед тем, как уехать, она пришла ко мне домой. Прямо в день своего отъезда.

Я был на кухне. Делал домашку за столом. Папа что-то чинил — раздавался стук молотка. Мама пылесосила. Кроме того, у меня на столе играло радио, так что это чудо, что я вообще услышал звонок.

Я выждал секунду. А когда стало ясно, что никто не спешит открывать, я выскользнул из-за стола, поплелся в прихожую и распахнул дверь.

На крыльце стояла Никки, сжимая руль своего велосипеда. Бледное лицо, длинные темно-рыжие вьющиеся волосы и желто-голубой синяк под глазом. Она была похожа на одну из картин мистера Хэллорана. Сотканная из лоскутков, прозрачная версия Никки.

— Привет, — сказала она мне, и даже ее голос показался мне каким-то другим.

— Привет, — отозвался я. — Мы собирались сходить к тебе, но...

Я осекся. На самом деле нет. Мы все были слишком напуганы и не знали, что ей сказать. Как в случае с Майки.

— Да все в порядке, — сказала она.

Нет, не в порядке. Мы же ее друзья. Во всяком случае, мы все так думали.

— Зайдешь? — предложил я. — У нас лимонад и бисквиты есть.

— Не могу. Мама думает, что я собираю вещи. А я... сбежала.

— Ты уезжаешь? Сегодня?

— Ага.

Сердце мертвым грузом упало в желудок.

А затем я почувствовал нечто такое... как будто что-то рвалось изнутри.

— Я буду очень скучать, — выпалил я. — Мы все... все будем.

Я приготовился услышать ответ, полный колкого сарказма. Но вместо этого она внезапно шагнула ко мне и обвила руками. Так крепко, что это было похоже не на объятие, а скорее на смертельный захват. Как будто я внезапно стал ее последней соломинкой в темном бушующем шторме посреди океана.

Я тоже обнял ее и глубоко вдохнул аромат ее спутанных кудрей. Они пахли ванилью и сладкой жвачкой. Я чувствовал, как она дышит. Ощущал прикосновение крошечных бутончиков ее груди под мешковатым свитером. Как же мне хотелось всю вечность простоять вот так! Чтобы она никогда никуда не уходила.

Но тем не менее она ушла. Отстранилась так же неожиданно, как обняла меня, перекинула ногу через велосипед, а затем с бешеной скоростью помчалась вниз по дороге. Рыжие волосы полыхали у нее за спиной, точно поток разъяренного пламени.

И ни звука. Ни единого «пока» или «до встречи».

Я смотрел ей вслед, когда вдруг понял одну вещь: она ни слова не сказала о своем отце. Ни единого словечка.

К маме Хоппо снова пришли из полиции.

— Так что, они до сих пор не знают, кто это сделал? — спросил у него Толстяк Гав и поднес ко рту бутылку шипучей колы.

Мы сидели на лавочке в школьном дворе. Именно там мы впятером чаще всего и торчали — на краю поля, рядом с площадкой для «классиков». Теперь нас осталось всего трое.

Хоппо покачал головой:

— Не думаю. Они задавали вопросы о ключе. О том, кто знал, где она его хранит. А еще снова спрашивали о тех рисунках в церкви.

Это меня заинтересовало.

— О рисунках? А что именно они спрашивали?

— Ну, например, не видела ли она их раньше. И не упоминал ли пастор эти рисунки или какие-нибудь другие похожие послания. И кто мог точить на него зуб.

Я поерзал на месте. Бойся меловых человечков.

Толстяк Гав бросил на меня взгляд:

— Что такое, Эдди Мюнстр?

Я засомневался. Сам не знаю почему. Они ведь были моими друзьями. Моей бандой. Я мог рассказать им все. Я должен был рассказать им о человечках.

Но что-то меня останавливало.

Может, все дело было в том, что хотя Толстяк Гав был веселым, щедрым и добрым, он ни черта не умел хранить секреты. А может, потому, что если бы я рассказал Хоппо о рисунке на кладбище, пришлось бы объяснять, почему я не упомянул о нем еще тогда. К тому же я хорошо помню, как он произнес в тот день: «Когда я узнаю, кто это сделал, я его убью».

— Да ничего, — сказал я. — Просто... мы ведь тоже рисовали меловых человечков. Надеюсь, полиция не подумает на нас.

Толстяк Гав фыркнул:

— Это все была чушь. Несерьезное дерьмо. Никто не поверит, что это мы вмазали пастору по башке. — А затем его лицо вдруг просветлело. — Бьюсь об заклад, это был какой-то сатанист. Ну, один из этих, которые дьяволу поклоняются и все такое. А твоя мама точно мел видела? Может, это кро-о-о-овь была? — Он вскинул обе руки, растопырив

пальцы клешнями, и зашелся низким злым смехом: — Мва-ха-ха!

В этот момент прозвенел звонок на уроки, и мы решили отложить эту тему в долгий ящик. Или вообще закрыть.

Вернувшись из школы, я увидел на парковке странную машину. Папа был на кухне в компании какого-то мужика и тетки в бесформенных серых костюмах. Выглядели они мрачными и недружелюбными. Папа сидел спиной ко мне, но, судя по тому, как он сполз по стулу, я мог догадаться, что выражение лица у него обеспокоенное, а кустистые брови сдвинуты в одну мрачную линию.

Больше я ничего разглядеть не успел, потому что мама выскользнула из кухни и плотно прикрыла за собой дверь. Она отвела меня обратно в прихожую.

— Это еще кто? — спросил я.

Мама у меня была не из тех, кто подает пилюли с вареньем.

— Детективы, Эдди.

— Из полиции? Что они здесь забыли?

— Хотели задать несколько вопросов папе и мне. Это касается отца Мартина.

Я уставился на нее. Сердце забилося быстрее.

— Зачем?

— Обычная процедура. Они опрашивают всех, с кем он знаком.

— С отцом Толстяка Гава они не говорили, а он всех знает.

— Не наглей, Эдди. Иди посмотри телевизор, мы скоро закончим.

Вот это да! Раньше мама никогда не предлагала мне пойти посмотреть телевизор. Обычно мне не разрешали его включать, пока я не переделаю всю домашку. Я сразу понял: что-то не так.

— Я хотел попить.

— Сейчас принесу.

Я не сводил с нее глаз.

— Все ведь в порядке, мам? Они же не думают, что папа в чем-то виноват?

Ее взгляд чуть-чуть смягчился. Она положила ладонь мне на плечо и легонько сжала его.

— Нет, Эдди. Твой папа совершенно ни в чем не виноват. Ты мне веришь? Все хорошо. А теперь иди. Через пару минут занесу тебе тыквенный сок.

— Ладно.

Я вошел в гостиную и включил телевизор. Раньше мама никогда не приносила мне напитки к телевизору. Но это еще ничего. Вскоре полицейские ушли. И папа ушел с ними. Тогда-то я и понял, что у нас не все хорошо. Совсем-совсем не хорошо.

Как выяснилось, именно в ту ночь, когда папа «гулял» допоздна, на пастора и напали. Вот только папа не ушел дальше «Быка». Отец Толстяка Гава подтвердил, что папа сидел там и пил виски. Вообще-то папа пил нечасто, но если пил, то не пиво, как все остальные отцы, а только виски. Отец Гава хотел с ним поговорить, но не смог выкроить минутку, к тому же, как он потом сказал, «всегда видно, когда посетитель пришел в бар просто потому, что хочет побыть один». И все же в какой-то момент ему захотелось отказать папе в «еще стаканчике». А потом папа ушел, прямо перед закрытием.

Папа не очень хорошо помнил, что делал после. Помнил только, что дышал свежим воздухом и сидел на лавочке где-то в церковном дворике, а это как раз по пути домой. Кто-то видел его там около полуночи. Мама сказала полиции, что папа вернулся домой

примерно в час ночи. Они не знали точно, во сколько напали на отца Мартина, но предполагали, что это случилось в промежутке между полуночью и тремя часами.

Возможно, у них не было доказательств, чтобы выдвинуть папе обвинение, но вот подозрений — учитывая драку и угрозы священника в адрес мамы, — вполне достаточно, чтобы притащить его в участок и задать еще несколько вопросов. Они бы, наверное, и дольше продержали его у себя, если бы не мистер Хэллоран.

Он пришел в полицейский участок на следующий день и сказал, что видел папу спящим на скамейке во дворе той же ночью. Он не хотел бросать его там, поэтому разбудил и провел до дома — до самых ворот. Как раз между полуночью и часом ночи. Это заняло добрых сорок минут, несмотря на то что идти было от силы минут десять. Просто потому, что папа был в таком паршивом состоянии.

И нет, сказал мистер Хэллоран полиции, на папе не было ни капли крови, он не злился и вел себя спокойно. Просто был пьян, и у него немного расшатались нервы.

Это хорошо сказалось на репутации моего папы, но, к несчастью, вызвало новые вопросы о том, что сам мистер Хэллоран делал у церкви в такое время, и так все узнали о Девушке с Карусели.

Мы думаем, что хотим узнать ответы на свои вопросы. На самом же деле мы хотим узнать только определенные ответы. Такова человеческая природа. Когда мы задаем вопросы, всегда надеемся услышать ту правду, которая нам желательна. Вот только есть одна проблема — правду не выбирают. Есть у нее такая особенность — она всегда остается просто правдой. И единственный выбор, который у нас есть, — это верить в нее или нет.

— Ты украл велик Шона Купера? — спрашиваю я Гава.

— Я знал, что он часто бросает его на парковке. Он думал, что раз он такой крутой перец, никто его велик не тронет. Ну а я тронул. Просто хотел позлить его. — Он замолкает на секунду. — Я не думал, что он пойдет на реку и попытается его вытащить. Не думал, что он утонет.

«Нет, — говорю я мысленно. — Конечно нет». Но ведь все знали, как сильно Шон любил этот велик. Толстяку Гаву наверняка приходило в голову, что если его украсть, это точно закончится бедой.

— Зачем ты это сделал?

Гав выдыхает колечко дыма:

— Я видел, что он вытворял с тобой. На площадке.

Это было похоже на удар кулаком в живот. Прошло уже тридцать лет, а мои щеки до сих пор вспыхивают огнем, стоит только вспомнить. Асфальт, сдирающий мои колени до крови. Кислый привкус во рту.

— Я был в парке, — говорит он. — Видел, что происходит, и ничего не сделал. Просто стоял там, и все. А потом прибежал мистер Хэллоран, и я сказал себе: все ведь в порядке. Не все было не в порядке. Совсем нет.

— Ты ничего и не смог бы сделать, — говорю я. — Тогда бы они просто переключились бы на тебя.

— Но я должен был попытаться. Друзья ведь... это все. Помнишь? Я сам всегда так говорил. А когда дошло до дела, я тебя подвел. Я позволил Шону выйти сухим из воды. Как и все. В то время за такое он мог и за решетку загреметь. Но мы все его боялись. — Он бросил на меня яростный взгляд. — Он не был обычным хулиганом. Он был ебучим психопатом.

Он прав. Кое в чем. Не думаю, что Шон Купер был психопатом. Садистом — да. Все дети садисты. До определенной степени. Но, быть может, если бы он вырос, то изменился бы. Я думаю о том, что сказал мне мистер Хэллоран на кладбище: «У него не было шанса исправиться».

— Почему молчишь? — спрашивает Гав.

Я затягиваюсь крепче. Никотиновый удар — и у меня в ушах начинает гудеть.

— В ночь после смерти Шона кто-то нарисовал мелового человечка у меня на парковке. Тонущего человечка. Вроде... послания.

— Это не я.

— А кто тогда?

Гав тушит сигарету о скамейку.

— Кто знает? Да и какая разница? Гребаные человечки. Только их все и вспоминают, когда говорят про то лето. Людей больше волнуют сраные рисунки, чем то, что кому-то причинили боль.

Это правда. Но это связано. Как курица и яйцо. Что было первым? Меловой человек или убийство?

— Об этом знаешь только ты, Эд.

— Я никому не скажу.

— Да. — Он вздыхает. — Ты когда-нибудь делал что-нибудь настолько плохое, что об этом даже самым близким друзьям не рассказать?

Я тушу сигарету — стираю до самого фильтра.

— Уверен, большинство людей делали такое.

— Знаешь, что мне однажды сказали? Секреты — как задница. Они есть у всех, просто у некоторых они грязнее.

— Спасибо. Как теперь это развидеть?

— Да уж. — Он издает смешок. — Что за дерьмо.

Домой я возвращаюсь поздно вечером. Захожу на кухню, и мне в нос бьет вонь кошачьей мочи. Заглядываю в лоток. Никаких «вложений». Это и радует, и пугает — в зависимости от того, какое зло Варезка запланировал на сегодня. Мысленно наклеиваю себе «напоминалку» — проверить тапочки перед тем, как надеть.

Бутылка бурбона соблазнительно поглядывает на меня с кухонного стола. Но вместо этого я беру пиво из холодильника — свежая голова необходима — и иду вверх. На секунду замедляюсь у двери в комнату Хлои. Я ничего не слышу, но чувствую, как вибрируют половицы, — должно быть, она слушает музыку в наушниках. Вот и хорошо.

На цыпочках прохожу в свою комнату и закрываю дверь. Ставлю пиво на прикроватную тумбочку, опускаюсь на корточки и открываю ящики комода, стоящего у окна. Комод старый и тяжелый, но сейчас меня не очень-то волнует шум. Когда Хлоя слушает музыку, она всегда ставит громкость на режим «вырви уши». И землетрясение не заметит.

Вынимаю старую отвертку, которую храню в ящике для белья, и использую, чтобы снимать половицы. Теперь их больше, чем было в детстве. Теперь мне нужно прятать куда больше вещей.

Достаю одну из двух коробок из дыры в полу, снимаю крышку и разглядываю содержимое. Беру самый маленький предмет и аккуратно снимаю с него обертку. Это — золотое кольцо-сережка. Впрочем, золото фальшивое. Дешевое украшение, даже потускнело немного. Секунду я сжимаю его в руке, чувствуя, как нагревается металл. Первое, что я взял у нее. Именно там, на ярмарке, все это и началось.

Теперь я понимаю, как себя, должно быть, чувствует Гав. Если бы он не украл велосипед Шона Купера, тот остался бы жив. Маленькая детская глупость привела к ужасной трагедии. Гав мог предвидеть такой исход, да и я тоже. И все же меня охватывает странное чувство. Некий дискомфорт. Нет, не вина. Скорее ее близнец — чувство ответственности. За все, что произошло.

Уверен, если бы я рассказал об этом Хлое, она ответила бы: «Это все потому, что ты — замкнутый эгоцентричный придурок, который вешает на себя всех собак и в то же время верит, что мир вращается вокруг него». Это правда. В какой-то степени. Одиночество приводит к эгоцентризму. Но с другой стороны, у меня не так-то много времени для самоанализа и размышлений о прошлом. Я осторожно заворачиваю сережку в обертку и прячу в коробку.

Может, сейчас самое время совершить небольшое путешествие по аллее памяти. Вот только это не приятная прогулка по тропе любимых воспоминаний, озаренная солнцем. Мой

путь лежит в темноте, полной лжи и секретов, на нем так легко споткнуться.
И всюду прячутся меловые человечки.

— Мы не выбираем, кого любить.

Так сказал мне мистер Хэллоран. Думаю, он был прав. Любовь — это не выбор. Она не оставляет выхода. Теперь я это знаю. Но, возможно, иногда нужно выбрать, кого любить или, по крайней мере, кого точно любить не стоит. С этим можно бороться, постараться вырвать из себя это чувство. Если бы мистер Хэллоран попытался что-то сделать со своими чувствами к Девушке с Карусели, все сложилось бы иначе.

После того как он навсегда ушел из школы, я проехал через весь город на велосипеде к его коттеджу — чтобы повидаться. В тот день было очень холодно. Небо выглядело как твердый кусок металла или гранита. Время от времени срывался дождь. Погода была такой унылой, что даже не могла разразиться слезами.

Мистера Хэллорана вынудили уйти. Огласки не было. Думаю, они надеялись, что он действительно тихо уйдет. Но, конечно, все знали, что он уходит, и знали почему.

Мистер Хэллоран навещал Девушку с Карусели в больнице, пока она шла на поправку. Продолжал ходить к ней, даже когда она выздоровела. Они пили кофе в парке. Вели себя очень скрытно, и никто не видел их вместе или просто не догадывался, что это они, ведь Девушка с Карусели выкрасила волосы в белый цвет. Я не очень понимаю, почему она это сделала. Мне всегда казалось, что у нее очень красивые волосы. Но, может, все дело в том, что ей хотелось как-нибудь измениться. Иногда она ходила с тросточкой. Иногда без нее, и тогда хромала. Наверное, если кто-то видел их вместе, то наверняка думал, что мистер Хэллоран просто проявляет участие. Тогда его все еще считали героем.

Все быстро раскрылось, когда люди узнали, что Девушка с Карусели приходит в его коттедж по вечерам, а он сам все время слоняется возле ее дома, когда ее мамы нет. Вот почему в ту ночь он оказался возле церкви.

И после этого словно дерьмо бросили на вентилятор. Девушке с Карусели было всего семнадцать, а мистеру Хэллорану — тридцать, и к тому же он был учителем. Люди перестали называть его героем. Стали называть извращенцем и педофилом. Школу и кабинет директора осаждали разгневанные родители. И даже несмотря на то, что официально или хотя бы юридически он не сделал ничего плохого, его попросили уйти из школы. Под угрозой была репутация учебного заведения и «безопасность» детей.

Начали ходить всякие слухи о том, как мистер Хэллоран ронял тряпку для доски в классе, — специально, чтобы можно было наклоняться и заглядывать девочкам под юбки. О том, как он сидел на стадионе, разглядывая ноги старшеклассниц. Или как однажды в столовой дежурная девочка протирала его стол, а он ухватил ее за сиську.

Все это был тот еще бред, но слухи хуже микробов. Один вздох — и все вокруг заражены, не успеешь и опомниться.

Хотелось бы мне сказать, что я заступился за мистера Хэллорана и защищал его перед другими детьми. Но это неправда. Мне было двенадцать, и речь идет о школе. Я так же, как и все остальные, смеялся над шутками про него и не говорил ни слова, когда люди оскорбляли его или выдумывали очередные идиотские сплетни.

Я не говорил о том, что не верю им. Не говорил, что на самом деле мистер Хэллоран хороший. Потому что он спас Девушку с Карусели и моего папу тоже. Не говорил о том, какие восхитительные картины он рисовал, и о том, как спас меня от Шона Купера, а еще

помог мне понять, что в жизни всегда должно быть место для чего-то особенного. И что за эти вещи нужно держаться очень крепко.

Думаю, именно поэтому я захотел навестить его в тот день. Ему ведь пришлось не только уйти с работы. Теперь он и из коттеджа должен был выехать. Аренду платила школа, и его место займет новый учитель.

Я прислонил велосипед к стене у двери. Мне было чертовски не по себе. Я постучал. Прошло довольно много времени, прежде чем мистер Хэллоран открыл мне. Я уже начал подумывать о том, чтобы уйти, и о том, куда он сам мог подеваться, ведь его машина здесь, — как вдруг дверь распахнулась и я увидел своего учителя на пороге.

Он изменился. Он и раньше был худым, но сейчас выглядел попросту изможденным. Его белая кожа стала еще бледнее — если это вообще возможно физически. Его волосы были всклокочены, из одежды — только джинсы и черная футболка, которая жутковато подчеркивала его жилистые руки, испещренные поразительно яркими голубыми венами. В тот день он как никогда был не похож на человека. Скорее на какое-то потустороннее существо. Например, на мелового человечка...

— Привет, Эдди.

— Здравствуйте, мистер Хэллоран.

— Что ты здесь забыл?

Хороший вопрос. Я понятия не имел.

— Твои родители знают, что ты здесь?

— Ну... нет.

Он слегка нахмурился, а затем вышел на веранду и осмотрелся. Тогда я не понял почему. Потом догадался: учитывая все, что про него болтали, последнее, чего он хотел бы, — это новых сплетен о том, как он затаскивает в свой коттедж мальчика. Думаю, он всерьез собирался спровадить меня, и поскорее, но затем взглянул на меня и сказал, смягчившись:

— Ладно, проходи, Эдди. Хочешь выпить? У меня есть тыквенный сок. И молоко!

Я, в общем-то, не хотел, но отказ выглядел бы невежливо, и я ответил:

— Эм-м, да, молоко — в самый раз.

— Отлично.

Я прошел вслед за мистером Хэллораном на маленькую кухню.

— Садись.

Я сел на один из шатких сосновых стульев. Все поверхности в кухне были завалены коробками. Как и большая часть гостиной.

— Вы уезжаете? — спросил я, хотя это был чемпионски тупой вопрос. Конечно же, он уезжал, я об этом и так знал.

— Да, — сказал мистер Хэллоран, достал из холодильника пакет молока и взгляделся в дату, прежде чем налить в стакан. — Поживу у своей сестры в Корнуолле.

— Ох... а я думал, ваша сестра умерла.

— У меня есть еще одна, старшая. Ее зовут Кристи.

— А-а.

Мистер Хэллоран поставил передо мной стакан с молоком.

— У тебя все хорошо, Эдди?

— Я... эм-м... Я просто хотел поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего папы.

— Я ничего не сделал. Просто сказал правду.

— Да, но вы были не обязаны. И если бы вы не сказали...

Конец фразы застрял у меня в горле. Вот беда. Это оказалось хуже, чем я себе представлял. Мне не хотелось находиться там. Мне хотелось вскочить и убежать. Но в то же время я чувствовал, что просто не могу уйти.

Мистер Хэллоран вздохнул:

— Эдди, все это совершенно не связано ни с твоим отцом, ни с тобой. Я все равно собирался вскоре уехать.

— Из-за Девушки с Карусели?

— Ты имеешь в виду Элайзу?

— А, ну да. — Я кивнул и отпил молока. Вкус у него был не очень.

— Мы подумали, что нам обоим лучше начать все сначала в другом месте.

— Значит, она поедет за вами в Корнуолл?

— Вскоре, надеюсь.

— Люди говорят о вас ужасные вещи.

— Да. Это все неправда.

— Знаю.

Но, наверное, он почувствовал, что мне нужно более убедительное доказательство его слов, и добавил:

— Элайза — особенная девушка, Эдди. Я не хотел, чтобы все случилось вот так. Я просто хотел помочь ей. Как друг.

— Так почему вы не могли быть просто ее другом?

— Когда подрастешь, поймешь. Мы не выбираем, кого любить. Как и того, кто именно сделает нас счастливыми.

Вот каким-каким, а счастливым он точно не выглядел. Не так выглядят влюбленные. Он казался печальным и даже потерянным.

Я поехал домой, чувствуя себя несколько сбитым с толку и — да, потерянным тоже. Зима на цыпочках пробиралась в город. На часах еще не было трех, а день уже начал размываться туманом ранних сумерек.

Все вокруг сразу показалось холодным, мрачным и немножко безнадежным.

Наша банда окончательно развалилась. Никки теперь жила с мамой в Борнмуте. У Майки появились новые мерзкие дружки. Я все еще гулял с Толстяком Гавом и Хоппо, но это было уже не то. Когда в компании всего трое, всегда появляются проблемы. Я думал, что Хоппо — мой лучший друг, но в последнее время довольно часто я звонил ему и узнавал, что он ушел гулять с Толстяком Гавом. А это уже рождало новое чувство — обиду.

Мама и папа тоже стали другими. После того как на отца Мартина было совершено покушение, протесты под маминой больницей утихли.

— Отрезали голову рыбе, — сказал по этому поводу папа.

Но в то же время чем спокойнее казалась мама, тем более напряженным становился папа. Может, все дело было в той истории с полицией. А может, в чем-то другом. Он стал забывчивым и раздражительным. Иногда я видел, как он просто сидит в кресле и смотрит перед собой, словно ждет чего-то, — вот только непонятно, чего именно.

Ожидание туманом заволочло Эндерберри. Казалось, что мир повис на тонких паутинках. Полиция так до сих пор и не нашла виновников покушения на отца Мартина, так что, возможно, все дело было в растущих подозрениях. Все оглядывались через плечо и думали: кто же мог совершить такой поступок? Кто способен на это?

Листья скручивались, отрывались от веток и тихо скользили по воздуху. Воздух пропитался увяданием и смертью. Ничто больше не казалось ярким, свежим или невинным. Весь город закрылся от мира пыльным безвременным коконом.

Мы все ждали и ждали чего-то...

И когда из кучи опавших листьев выпала белая рука убитой девушки, город наконец выдохнул застоявшееся гнилое дыхание.

Потому что это наконец случилось. То, чего мы все так ждали.

Самое худшее.

На следующее утро я просыпаюсь очень рано. Или, скорее, просто сдаюсь, потому что мне надоело ворочаться, возиться и забываться тревожным полусном.

Мне приснился кошмар, в котором мистер Хэллоран катался на карусели с Девушкой. Почти уверен, что именно с Девушкой с Карусели, потому что на ней была та же одежда. А вот головы у нее не было. Она лежала на коленях у моего учителя, и всякий раз, когда сотрудник парка — я узнал в нем Шона Купера — запускал карусель на новый круг, эта голова истошно вопила.

«Кричи, если хочешь быстрее, говноед. Я сказал, КРИЧИ!»

Я вскакиваю с постели, меня трясет, мне жутко, жутко не по себе. Хватаю какие-то вещи, натягиваю их и на цыпочках спускаюсь по лестнице. Скорее всего, Хлоя все еще спит, поэтому я стараюсь убить время: завариваю кофе, читаю и выкуриваю две сигареты подряд на заднем дворе. А затем, когда часовая стрелка добирается до девяти и время кажется вполне подходящим, я беру трубку и звоню Хоппо.

Трубку поднимает его мама.

— Здравствуйте, миссис Хопкинс. Вы не могли бы позвать Дэвида?

— Кто это?

Голос у нее стал тонким и ломким. Какой яркий контраст с голосом моей мамы — резким и ясным! У матери Хоппо деменция. Прямо как у моего папы, вот только его болезнь Альцгеймера проявилась намного раньше и развивалась куда стремительнее.

Есть причина, по которой Хоппо все еще живет в том же доме, в котором жил в детстве. Он заботится о матери. Мы часто шутим о том, что мы — два старикана, которые все еще держатся за мамину юбку. Горькие шуточки.

— Это Эд Адамс, миссис Хопкинс, — говорю я.

— Кто?

— Эдди Адамс. Я друг Дэвида.

— Его нет.

— Не подскажите, когда он вернется?

Длинная пауза. А затем она отвечает, и ее голос звучит жестче:

— Нам ничего от вас не надо. Нам уже сделали двойные окна.

И она бросает трубку. Я смотрю на телефон несколько секунд. Знаю, нельзя принимать близко к сердцу все, что говорит Гвен. Папа часто терял нить разговора и принимался болтать обо всякой ерунде.

Звоню Хоппо на мобильный. Включается голосовая почта. Как и всегда. Если бы не работа, клянусь, я никогда не пользовался бы этой чертовой штукой. Я выплескиваю в траву остатки кофе из четвертой кружки и иду в холл. Для середины августа сегодня довольно холодно, да и ветер просто свирепствует. Я пытаюсь отыскать свое пальто. Обычно оно висит на вешалке у двери. Я давно его не надевал, на улице было тепло. Как бы там ни было, теперь, когда оно мне понадобилось, его почему-то нет на месте.

Я хмурюсь. Не люблю, когда что-то пропадает и я не могу это найти. Именно так начиналась папина болезнь. Всякий раз, когда я теряю ключи, у меня начинается легкая паника. Сначала ты забываешь, куда положил вещи, а потом начинаешь забывать, как эти вещи называются.

До сих пор помню то утро, когда отец безучастно смотрел на входную дверь, — его губы беззвучно шевелились, между бровей залегла глубокая морщина. А затем он внезапно громко хлопнул в ладоши, прямо как ребенок, и крикнул, указывая на дверную ручку и расплываясь в широкой улыбке:

— Дверной крючок! Дверной крючок, ну надо же! — И он повернулся ко мне. — Я уж думал, я забыл, как это называется.

Он был так счастлив, так доволен и рад, что у меня не хватило духу разуверить его. Я просто улыбнулся и ответил:

— Круто, пап. Правда, очень круто.

Я еще разок оглядываю вешалку. Может, я оставил его наверху? Хотя стоп, зачем мне нести пальто наверх? И все же я тащусь наверх и обыскиваю комнату. Кресло у кровати? Нет. Крючок на двери? Нет. Может, в шкафу? Я роюсь в вещах на плечиках, а затем мне в глаза бросается что-то скомканное в углу шкафа.

Я наклоняюсь и достаю мягкий комок. Это же мое пальто. Какое-то время я просто смотрю на него. Оно жутко измятое и даже немного влажное. Я пытаюсь вспомнить, когда видел его в последний раз. Кажется, в ту ночь, когда ко мне приходил Майки. Я помню, как повесил его дорогущую спортивную куртку на крючок, а на соседнем было мое пальто. А что дальше? Не помню, чтобы надевал его после этого.

Или надевал? Быть может, в ту ночь я накинул именно это пальто, выскользнул в нем в холодную туманную ночь, а потом... что потом? Я толкнул Майки в реку? Что за бред. Думаю, это я точно запомнил бы — как толкаю своего старого друга в реку среди ночи.

Да ну, Эд? Ты не помнишь, как спустился вниз среди ночи и обрисовал камин меловыми человечками. Ты же нажрался в дерьмо. Ты и понятия не имеешь, что еще мог тогда учудить.

Я пытаюсь задушить этот голосок в моей голове. У меня не было ни единой причины как-либо вредить Майки. Он предоставил мне для этого прекрасную возможность — когда был у меня. И если Майки действительно знал, кто убил Девушку с Карусели и это помогло бы оправдать мистера Хэллорана, я бы только обрадовался, ведь так?

Тогда как это пальто оказалось в шкафу, да еще в таком состоянии, Эд?

Я снова смотрю на пальто и пробегаю пальцами по грубому шерстяному полотну. И тут замечаю еще кое-что на манжете одного из рукавов. Несколько потемневших ржаво-красных капель. Мое горло стискивает спазм.

Это кровь.

Взрослая жизнь — это иллюзия. Честно говоря, я не думаю, что кто-то из нас по-настоящему повзрослел. Мы просто стали выше и обросли волосами. Меня до сих пор иногда удивляет, что мне позволяют водить машину и никто не отчитывает меня за пьянство в баре.

Под оболочкой взрослых, покрытых слоем многолетнего жизненного опыта, скрываются дети с ободранными коленками и сопливыми носами, которым просто нужны их родители... и друзья.

Минивэн Хоппо припаркован на улице. Я заворачиваю за угол и вижу самого Хоппо — он как раз слезает со своего старого велосипеда, нагруженного мешками с хворостом. За спиной у Хоппо тяжелый рюкзак. Я мысленно возвращаюсь в то солнечное время, когда мы вдвоем часто ходили в лес. Хоппо всегда возвращался с хворостом и растопкой, которые просила собрать его мать.

Он перекидывает ногу, слезая с велосипеда, и прислоняет его к бордюру; несмотря на

то, как я себя чувствую, это зрелище вызывает у меня улыбку.

— Эд? Что ты здесь делаешь?

— Я звонил, но твой телефон выключен.

— А, да. Просто загулялся в лесу. Там связь не очень.

Я киваю:

— Старые привычки умирают медленно.

Он усмехается:

— Как и мамина память. Но она все равно не простит мне, если нам придется платить еще и за дрова.

Его улыбка гаснет — кажется, он заметил выражение моего лица.

— Что стряслось?

— Слышал про Майки?

— Что он теперь натворил?

Я открываю рот, но язык не поворачивается. Наконец мозг справляется с ним и я произношу самое очевидное:

— Умер.

— Умер?

Забавно, что люди часто повторяют за нами слова, даже если прекрасно все расслышали. Что это? Попытка отрицания?

Спустя пару мгновений Хоппо все-таки спрашивает:

— Как это произошло? Что случилось?

— Он утонул. В реке.

— Господи. Прямо как...

— Не совсем. Слушай, я могу войти?

— Да, конечно.

Хоппо катит свой велосипед вверх по дорожке. Я иду следом. Он открывает дверь, и мы заходим в темный узкий холл. Я не был здесь с детства. Да и тогда не заходил дальше прихожей из-за беспорядка. Иногда мы играли на заднем дворе, но недолго, потому что сад у них был маленький, а задний двор — просто двор. И довольно часто завален собачьими какашками. Их никто не убирал. Некоторые были совсем свежие, некоторые — уже побелевшие.

В доме пахнет потом, старой едой и дезинфекцией. Справа от меня приоткрыта дверь в небольшую гостиную. Я вижу цветастый диванчик и белые кружевные салфетки — некоторые из них покрыты желтым налетом никотина. В одном углу ютится телевизор, в другом — старый комод и ходунки.

Мать Хоппо сидит в кресле с высокой спинкой рядом с диваном и тупо пялится в телевизор, по которому показывают дневное ток-шоу. Гвен Хопкинс всегда была сухопарой женщиной, но болезнь и возраст совсем ее иссушили. Она утопает в длинном цветастом платье и зеленом кардигане. Ее руки, торчащие из рукавов кардигана, похожи на куски вяленого мяса.

— Мам? — мягко обращается к ней Хоппо. — К нам пришел Эд. Ты помнишь Эдди Адамса?

— Здравствуйте, миссис Хопкинс, — говорю я чуть громче обычного, как люди часто делают, когда общаются с больными или стариками.

Она медленно поворачивается к нам, и ее взгляд с трудом фокусируется на нас. Или,

быть может, все дело в том, что она изо всех сил пытается сообразить, что происходит. А затем она улыбается, показывая кремово-белые вставные зубы.

— Ах, Эдди! Я тебя помню. У тебя был брат. Его звали Шон?

— Вообще-то, мам, это у Майки был брат Шон, — говорит Хоппо.

Она мрачнеет, но потом снова улыбается:

— Ах да, Майки. Как у него дела?

— Отлично, мам, — быстро отвечает Хоппо. — Просто превосходно.

— Очень хорошо. Ты не мог бы принести мне чай, Дэвид, милый?

— Конечно, мам. — Он бросает на меня взгляд. — Пойду поставлю чайник.

Я стою в дверях и смущенно улыбаюсь Гвен. В комнате висит какой-то запах.

Кажется, в комодке давненько не убирались.

— Какой он хороший мальчик, — говорит Гвен.

— Это точно.

Она снова внезапно мрачнеет:

— А вы кто?

— Эд. Эдди. Друг Дэвида.

— Ах да. А где же сам Дэвид?

— Он на кухне.

— Ты уверен? Я думала, он пошел гулять с собакой.

— С собакой?

— С Мерфи.

— Э-э... нет, вряд ли он пошел гулять с Мерфи.

Она слегка взмахивает узловатой, покрытой венами рукой.

— Ну конечно, ведь Мерфи уже умер. Я имела в виду Дружка.

Дружком звали пса, который появился у Хоппо после Мерфи. Теперь его тоже уже нет.

— А, ну да.

Я киваю, и она кивает мне в ответ. А потом мы опять киваем друг другу. Мы отлично смотрелись бы на приборной доске какой-нибудь тачки.

Она вдруг наклоняется ко мне над подлокотником своего кресла.

— Я помню тебя, Эдди Адамс. Твоя мать убивала детей.

Дыхание застревает у меня в горле. Гвен все еще кивает и улыбается, но теперь все это выглядит иначе. В уголках ее рта проступает какая-то горечь, а в затуманенных голубых глазах — ясность.

— Не бойся. Я им не скажу. — Она наклоняется еще ниже, постукивает себя по носу и подмигивает. — Я умею хранить секреты.

— А вот и чай! — Хоппо возвращается в комнату с чашкой в руках. — Как вы тут, все в порядке?

Я смотрю на Гвен — ясность испарилась, и теперь ее взгляд кажется еще более затуманенным и растерянным, чем прежде.

— Все хорошо, — говорю я. — Мы просто болтали.

— Понятно. Мам, вот твой чай. — Он ставит чашку на столик. — Помнишь? Горячо.

Сначала надо подуть.

— Спасибо, Горди.

— Горди? — Я оглядываюсь на Хоппо.

— Так звали отца, — шепотом отвечает он.

— Ох...

Мой отец не путал окружающих. Но иногда он называл меня «сын», как будто я мог не заметить, что он попросту снова забыл, как меня зовут.

Гвен снова оседает в кресле, устремляет взгляд в телевизор и теряется в каком-то непонятном собственном мире. Или любом другом мире.

«До чего же тонкая завеса разделяет реальности», — думаю я. Может, люди и не теряют сознание. Может, оно просто выскальзывается из одной реальности и попадает в другую.

Хоппо вяло улыбается:

— Ну что, пойдём на кухню?

— Да, конечно.

Даже если бы он предложил поплескаться с акулами, я бы с радостью согласился, — все что угодно, лишь бы убраться из этой душной вонючей гостиной.

На кухне ситуация не лучше. В раковине громоздятся грязные тарелки. Стойка завалена конвертами, старыми журналами и скидочными купонами на соки и кока-колу. Стол чистый, но на нем валяются детали какого-то старого радио или, быть может, двигателя. Я никогда не был рукастым, а вот у Хоппо всегда здорово получалось ремонтировать, собирать и разбирать вещи.

Я присаживаюсь на один из старых деревянных стульев. Он скрипит и слегка поддается под моим весом.

— Чай? Кофе? — спрашивает Хоппо.

— Эм-м, кофе, пожалуй, спасибо.

Хоппо подходит к чайнику, вроде бы новому, и прихватывает с сушилки пару кружек. Насыпает в них кофе из банки и оглядывается на меня.

— Ну? Так что случилось?

В который раз я пересказываю события последних трех дней. Хоппо слушает молча. Выражение его лица не меняется до самого конца моего рассказа.

— Гав сказал, что ты тоже получил письмо? — спрашиваю я.

Он кивает и разливает в кружки кипяток.

— Да, пару недель назад.

Он достает из холодильника молоко, нюхает, а затем наливает в кружки.

— Я просто подумал, что это чья-то дурацкая шутка.

Хоппо ставит кружки на стол и садится напротив меня.

— В полиции думают, что произошел несчастный случай?

Раньше я немного сомневался насчет этого, но сейчас — нет.

— Да, пока они думают именно так.

— По-твоему, это изменится?

— Они нашли письмо.

— Не факт, что оно что-то значит.

— Разве?

— О чем ты? Считаешь, кто-то будет выдергивать нас одного за другим, как странички из книги?

Раньше я не думал об этом в таком ключе, но теперь это кажется вполне вероятным. Что уже заставляет задуматься еще кое о чем. Никки тоже получила письмо?

— Шучу, — говорит он. — Ты сам сказал, что Майки надрался. Было темно. Фонарей по пути нет. Он наверняка просто упал. Пьяницы все время падают в реки.

Он, конечно, прав. Но... Всегда есть какое-то «но». И теперь оно похоже на мерзкое существо, которое вяжет морской узел из моих кишок.

— Еще что-то?

— Когда Майки пришел ко мне той ночью, мы разговаривали и он сказал... Он знал, кто на самом деле убил Элайзу.

— Что за бред.

— Да, и я подумал так же, но... что, если он говорил правду?

Хоппо отхлебывает кофе:

— Так ты думаешь, что настоящий убийца и толкнул Майки в реку?

— Не знаю. — Я встряхиваю головой.

— Слушай, Майки всегда умел навести шорох. Похоже, у него даже из могилы это неплохо получается. — Он молчит какое-то время. — Ты — единственный человек, с которым он этим поделился?

— Думаю, да.

— Так откуда тогда настоящий убийца мог знать, что Майки на него вышел?

— Ну...

— Только если это был не ты.

Я смотрю на него.

Темные ржаво-красные пятна. Это кровь.

— Шучу, — говорит он.

— Ну да, — отзываюсь я и отпиваю кофе.

Ну да...

По пути домой я звоню Хлое. Мне все еще кажется, что между нами что-то не так. Какое-то странное подвешенное состояние. Меня это нервирует. Не считая Хоппо и Гава, она, похоже, единственный мой настоящий друг.

Она отвечает три гудка спустя:

— Здоров.

— Привет. Это я.

— Ага. Это ты.

— Ты, похоже, счастлива меня слышать.

— Стараюсь изо всех сил.

— Прости... вся эта ситуация с мамой вчера...

— Нормуль. Твоя маман. Твой дом. Все такое.

— Ну, в любом случае извини. Какие планы на обед?

— Я на работе. Кое-кто приболел.

— Понятно... Ну тогда...

— Слушай, извинения принимаю, Эд, но мне надо бежать. У меня тут клиент.

— Ясно. Тогда увидимся позже.

— Может быть.

И она вешает трубку. Я в недоумении смотрю на телефон. Как же с ней сложно! Закурив, я подумываю о том, чтобы отправиться домой и купить по пути сэндвич. Но потом все-таки меняю планы. Хлоя, может, и на работе, но перерыв на обед у нее есть. Меня так просто не скинуть со счетов. Я резко разворачиваюсь и возвращаюсь в город.

Раньше я никогда не приходил к Хлое на работу. Признаюсь честно, «Магазин одежды в стиле альтернативного рока и готики» — не самая привычная для меня среда обитания.

Думаю, я просто боялся, что могу смутить и напугать ее. И себя тоже.

Я даже не знаю точно, где находится этот магазин. Какое-то время я брожу по городу, лавируя в толпе туристов и пожилых покупателей, и в конце концов нахожу его. Он прячется на боковой улице, втиснутый между секонд-хендом и лавочкой, в которой продают серебро и воздушные колокольчики. Сверяюсь с вывеской: «Джер». Их логотип — марихуана — намекает на то, что в магазине торгуют не только одеждой. Чувствуя себя столетним ископаемым, я толкаю дверь.

В магазине темно и орет громкая музыка. Хотя я сомневаюсь, что это музыка. Звучит она так, словно кому-то отрывают конечности одну за другой. Мои барабанные перепонки чуть ли не лопаются от этих воплей из колонок.

У вешалок с одеждой вертятся тощие подростки — не уверен, продавцы это или покупатели. В чем я совершенно точно уверен, так это в том, что Хлои здесь нет. Я хмурюсь. За стойкой стоит девушка с красными волосами и наполовину выбритой головой, с лицом, усыпанным пирсингом.

Когда она поворачивается ко мне, я вижу надпись на футболке, болтающейся на ее тощем тельце: «Исколота. Пронзена. Изуродована».

Как мило.

Я подхожу к стойке. Девушка поднимает взгляд и улыбается:

— Привет! Я могу вам помочь?

— Эм, да. Но я надеялся увидеть здесь кое-кого другого.

— Как жаль.

Я издаю нервный смешок:

— Эм-м, она здесь работает. Моя подруга. Ее зовут Хлоя Джексон.

Девушка сдвигает брови:

— Хлоя Джексон?

— Да. Худая. Темные волосы. Носит черное.

Она в недоумении смотрит на меня, и я внезапно понимаю, что это описание подходит почти всем в этом магазине.

— Простите, но мне это вообще ни о чем не говорит. Вы уверены, что она работает здесь?

До этого момента я был уверен, но теперь начал сомневаться. Или я ошибся адресом?

— А в Эндерберри есть другой такой же магазин?

Она раздумывает несколько секунд:

— Нет, вообще-то нет.

— Понятно.

Может, все дело в выражении моего лица, но, кажется, в этот момент в ней просыпается сочувствие к бедному глупому старикану. И она говорит:

— Слушайте, я работаю тут всего пару недель. Давайте я лучше спрошу Марка. Он менеджер.

— Спасибо, — говорю я, хотя в принципе никакого ответа не требовалось.

Хлоя сказала, что сегодня она на работе, и, насколько я знаю, она работает здесь последние девять месяцев.

Я жду и разглядываю часы с кровожадными красными черепами и пачки поздравительных открыток с надписями в духе: «К черту дни рождения» и «С днем рождения, уебок!»

Вскоре появляется долговязый парень с лысой головой и невероятно пышной бородой.

— Привет. Меня зовут Марк, я — менеджер.

— Привет.

— Вы ищете Хлою?

Я испытываю некоторое облегчение. Он ее знает.

— Да, я думал, она работает здесь.

— Работала, но давно.

— Да? А когда она ушла?

— Может, месяц назад.

— Понятно... — Вообще-то нет. — А мы точно говорим об одной и той же Хлое?

— Худая, с черными волосами, часто завязывает их в хвостики?

— Да, похоже на нее.

Он изучает меня настороженным взглядом.

— Вы сказали, вы — друзья?

— Да... мне так казалось.

— Скажу вам честно, мне пришлось ее уволить.

— Почему?

— Она так вела себя... Нагрубила нескольким покупателям.

И снова похоже на нее.

— Я думал, в таком магазине это... неудивительно.

Он усмехается:

— Можно проявлять равнодушие, но уж точно не грубость. Да потом она еще и наорала на какую-то покупательницу. Пришлось вмешаться. Мне показалось, что еще немного, и она взорвется. После этого я ее рассчитал.

— Ясно.

Несколько минут я перевариваю эту информацию — примерно так же люди переваривают сальмонеллу. Они оба наблюдают за мной.

— Простите, — говорю я. — Похоже, меня неправильно информировали.

Вежливый способ сказать, что мне навешали лапши на уши. Причем сделал это тот человек, которого, как мне казалось, я хорошо знаю.

— Спасибо за помощь. — Я иду к двери, и тут наступает мой момент Коломбо.^[23] Я оборачиваюсь. — Скажите, а как выглядела та женщина, с которой поругалась Хлоя?

— Стройная, довольно привлекательная и подтянутая для таких-то лет. Еще у нее длинные волосы. Рыжие.

Я замираю. Нервы натягиваются.

— Вы сказали, рыжие волосы?

— Ага. Прямо огненные. Честно говоря, она была просто чертовски горя...

— А имя вы не запомнили?

— Я даже записал. Вообще-то она этого не хотела, но я должен был — на случай, если она захочет жалобу подать или еще что-то...

— Вы его не потеряли? То есть я понимаю, что прошу уже слишком много, но... Это очень важно.

— Что ж, я всегда рад помочь нашим покупателям. — Он хмурится и почесывает бороду, внимательно разглядывая меня. — А вы покупатель? Что-то я не вижу у вас покупок...

Ну конечно. Бесплатно никто ничего вам не даст. Я вздыхаю, подхожу к вешалке и беру первую попавшуюся черную футболку с черепашками. Протягиваю ее Девушке с Пирсингом.

— Я возьму вот это.

Она улыбается, открывает ящик и достает оттуда мятую бумажку. Вручает ее мне. Я вглядываюсь в мелкие буквы, похожие на рой жучков: «Никола Мартин».

Никки.

«У всех должна быть мечта. Если нет мечты, как она может сбыться?»^[24]

Странно, но я всегда вспоминаю эту песню, когда думаю о том дне, когда мы нашли ее. Я знаю много песен из старых мюзиклов, возможно, потому, что именно они обычно звучали в доме престарелых, когда мы навещали папу. Это было уже после того, как мама наконец сдалась и признала, что не может приглядывать за ним как следует.

Я повидал немало ужасов, но именно тот день, когда моего отца уничтожила болезнь Альцгеймера, — еще до того, как он достиг пенсионного возраста, — заставляет меня просыпаться в холодном поту. Если выбирать между жестокой, внезапной, кровавой смертью и этим... я точно знаю, что бы я выбрал.

Мне было двадцать семь, когда я увидел, как умирает мой отец. Мне было двенадцать лет, одиннадцать месяцев и восемь дней, когда я впервые увидел мертвеца.

Странно, но в каком-то смысле я этого ожидал. С того самого дня, как кто-то напал на отца Мартина. Или с того, когда умер Шон Купер. Или с того момента, когда я увидел первого мелового человечка.

А может, все дело было в том сне.

Мне снилось, что я в лесу. В глухой-глухой чаще. Деревья толпились вокруг, как мрачные старые великаны, и тянули ко мне узловатые скрипучие конечности. Бледный лунный свет сочился сквозь их изогнутые кривые пальцы.

Я стоял на маленькой полянке. Вокруг меня гнили кучи коричневых листьев. Влажный ночной воздух липнул к моей коже и пробирал до костей. На мне была пижама, кроссовки и куртка с капюшоном. Я дрожал от холода, куртка была застегнута до конца. Железный замок касался подбородка.

Все казалось реальным. Слишком реальным.

Но было еще кое-что. Я чувствовал запах. Болезненно-сладкий и в то же время горький. Он терзал мой нос и комом застревал в горле. Однажды мы наткнулись на мертвого барсука в лесу. Он разлагался, в нем поселились лягушки. И вот тогда ощущался точно такой же запах.

Я сразу все понял. Прошло уже почти три месяца с того несчастного случая. Он долго пролежал под землей. В твердом блестящем гробу, пока извивающиеся коричневые черви ползали по его размягченной плоти и проедали путь внутрь...

Я обернулся. Шон Купер, а точнее, то, что от него осталось, улыбался мне растрескавшимися гнилыми губами, под которыми виднелся ряд белых зубов, торчавших из черных прогнивших десен.

— Привет, говноед.

Там, где должны быть его глаза, теперь зияли две черные дыры. Хотя они не были совсем пустыми. Я видел, как внутри что-то шевелится. Что-то черное и блестящее бурлило внутри его головы и выглядывало из глазниц.

— Что я здесь делаю?

— Ты скажи мне, говноед.

— Я не знаю. Я не знаю, почему я здесь. И почему ты здесь.

— Все просто, говноед. Я — Смерть, твой первый близкий опыт. Похоже, ты частенько обо мне думаешь, а?

— Я не хочу думать о тебе. Я хочу, чтобы ты ушел.

— Это сложно. Но ты не переживай. Скоро у тебя появится новая причина для кошмаров.

— Какая?

— А ты как думаешь?

Я огляделся. Стволы деревьев были покрыты рисунками. Белые меловые человечки. Они все двигались. Прыгали и дергались так, словно танцевали какую-то жуткую джигу. Их ручки и ножки колебались и вздрагивали. Лиц у них не было, но я знал, что они улыбаются мне. И это были нехорошие улыбки. Совсем нехорошие.

Мне показалось, что из меня выпустили весь воздух.

— Кто их нарисовал?

— А ты как думаешь, говноед?

— Я не знаю!

— Да нет, знаешь, говноед. Но пока не понял.

Он каким-то образом подмигнул мне, а затем просто исчез. Но не в облачке пыли, на этот раз он рассыпался кучей листьев, которые тут же свернулись и засохли.

Я снова поднял взгляд. Меловые человечки тоже исчезли. И лес. Я был в своей спальне, дрожал от ужаса и холода, мои руки онемели, их покалывало. Я засунул их в карманы. И понял, что мои карманы полны мела.

Наша банда не собиралась вместе с той самой драки. Никки уехала, а у Майки теперь были новые друзья. Заметив Толстяка Гава, Хоппо и меня, он часто просто игнорировал нас. Иногда мы слышали, как его дружки хихикают, когда мы проходим мимо, или называют нас педиками, ушлепками и еще как-то так.

В то утро, когда я пришел на площадку, я едва узнал Майки. Его волосы отросли и стали светлее. Он стал невероятно похож на своего брата. Уверен, в тот момент на нем даже была его одежда.

По правде сказать, на одну жуткую секунду я даже поверил, что это и правда Шон Купер сидит на карусели и ждет меня.

«Эй, говноед! Отсосать мне не хочешь?»

И в этот раз я был уверен... ну, или почти уверен, что это не сон. Для начала светило солнце. А призраки или зомби не ходят при свете солнца. Они обитают в сонном царстве между полночью и рассветом и рассыпаются в пыль при первых лучах. Ну или вроде того. В двенадцать лет я все еще верил во всякое такое.

А потом Майки улыбнулся и я понял, что это он. Он спрыгнул с карусели и подошел, громко чавкая жвачкой.

— Привет, Эдди Мюнстер. Так ты получил сообщение?

Я получил. Оно было нарисовано голубым мелом на подъездной дорожке, и я увидел его, когда спустился вниз. Там был изображен символ, который мы использовали, когда хотели назначить встречу на площадке, а вместе с ним — три восклицательных знака. Один — это уже значит «Срочно!». А три — это значит «Вопрос жизни и смерти».

— Так, значит, ты хотел встретиться? Что за спешка?

Он нахмурился:

— Я? Это не я оставил послание.

— Это был ты. Мел голубой.

Он потряс головой:

— Нет. Я получил послание от Хоппо. И оно было зеленым.

Мы уставились друг на друга.

— Ого! Неужели блудный сын вернулся? — На площадку вступил Толстяк Гав. — Ну, и что скажешь?

— Ты пришел, потому что кто-то прислал тебе сообщение с просьбой прийти сюда? — спросил его я.

— Ага. Ты и прислал, членожор.

Мы уже почти рассказали ему обо всем, когда появился Хоппо.

— А тебя кто пригласил? — спросил его Толстяк Гав.

Хоппо уставился на него:

— Ты. Что здесь происходит?

— Кто-то хотел собрать нас всех вместе, — сказал я.

— Зачем?

«Ты знаешь, говноед. Просто пока не понял».

— Я думаю, кто-то должен пострадать. Или уже пострадал.

— Да ну на хер, — фыркнул Железный Майки.

Я огляделся. Еще одно послание. Оно должно появиться, я уверен. Я обошел площадку. Остальные смотрели на меня так, словно я тронулся. А затем я нашел его. Прямо под детскими качелями. Рисунок мелом, но другой. У этого человечка были длинные волосы и платье. Меловая девочка. А рядом с ней было нарисовано несколько меловых деревьев.

Я до сих пор отчетливо помню этот момент. Помню меловые крошки на темном асфальте. Легкий скрип детских качелей и кусачий холод раннего утреннего воздуха.

— Что это еще за хрень? — спросил Железный Майки, подойдя ближе. Хоппо и Гав последовали за ним. Все уставились на рисунок.

— Мы должны пойти в лес, — сказал я.

— Да ты шутишь! — воскликнул Толстяк Гав, но на этот раз его шутка вышла не такой уж искренней.

— Я не пойду в лес, — сказал Железный Майки. — Это отнимет кучу времени, и все ради чего?

— Я пойду, — сказал Хоппо, и, пусть я был уверен, что сделал он это для того, чтобы позлить Майки, все равно был благодарен ему за поддержку.

Толстяк Гав закатил глаза, а затем пожал плечами:

— Ладно. Я тоже.

Железный Майки молча стоял в стороне, засунув руки в карманы.

Я посмотрел на остальных:

— Пойдем.

Мы вышли с площадки и подняли свои велики с земли.

— Подождите! — Железный Майки догнал нас и обвел жестким взглядом. — Для вас же будет лучше, если не окажется, что это просто чья-то гребаная шутка.

— Это не шутка, — сказал я, и он кивнул.

Мы поехали прочь от площадки. Я оглянулся на качели. Не знаю, заметили ли это остальные, но с меловой девочкой было что-то не так. Она казалась какой-то изломанной. Линии ее тела не выглядели прямыми и четкими. Руки. Ноги. Голова. Они все были нарисованы отдельно от тела.

Странно, но когда происходит нечто поистине ужасное, тебя охватывает непреодолимое

желание смеяться — до тех пор, пока не сможешь остановиться. Поездка в лес тем утром была самой волнующей и приятной из всех наших поездок.

Зимой мы не заглядывали в лес. Если не считать Хоппо, который время от времени навевался туда за дровами. Сегодня ярко светило солнце, и холодный ветер покусывал нас за лица и ерошил волосы. Кожу обдавало свежестью и приятно покалывало. Казалось, что я могу крутить педали быстрее и легче, чем когда-либо. Ничто не могло нас остановить. Я хотел, чтобы это путешествие длилось вечно, но, конечно же, это было невозможно. Очень скоро перед нами выросла стена темных деревьев.

— А теперь что? — слегка запыхавшись, спросил Железный Майки.

Мы слезли с велосипедов. Я огляделся. А затем заметил рисунок на деревянном заборе рядом с перелазом. Меловой человечек. Он указывал прямо.

— Тогда вперед, — сказал Гав и первым перекинул велосипед через перелаз.

Его взгляд в точности отражал мои чувства. Растущее беспокойство и какой-то почти истерический восторг. Не думаю, что кто-то из них знал, что именно мы ищем. Или они знали и просто не хотели говорить об этом вслух.

Любой ребенок мечтает хоть раз увидеть мертвеца. Единственное, что двенадцатилетний мальчишка жаждет увидеть больше, — так это космический корабль или клад из порножурналов. В тот день мы отчаянно жаждали найти что-то плохое. И нам это удалось. Вот только я не уверен, что мы понимали, насколько ужасной окажется наша находка.

Толстяк Гав возглавил нашу экспедицию, и я помню, как меня это задело. Это ведь должно было стать моим приключением. Моим делом. Но Толстяк Гав всегда оставался нашим главарем, так что в какой-то степени это было правильно. Наша банда воссоединилась и вернулась к жизни. Ну почти.

Казалось, мы шли очень долго, прежде чем увидели очередную меловую руку, нарисованную на стволе дерева.

— Сюда, — сказал Гав, слегка задыхаясь.

— Да, мы все видим рисунок, — фыркнул Железный Майки.

Мы с Хоппо лишь переглянулись и усмехнулись. Все казалось таким привычным и нормальным. Все те же глупые перебранки. Язвительные комментарии Железного Майки.

Мы поехали дальше по неровной дороге, забираясь все глубже, в самое сердце леса. Время от времени раздавались странные шорохи и звуки. Однажды стайка ворон или скворцов вырвалась из зарослей. Пару раз мне казалось, что я вижу какое-то движение в траве. Это мог быть кролик. А может, и лиса. Их здесь видели пару раз.

— Стоп! — вдруг приказал Толстяк Гав, и мы все остановились.

Он указал на очередное дерево — прямо перед нами. Мы увидели не руку-указатель, а снова изображение меловой девочки. Под деревом лежала огромная куча опавших листьев. Мы переглянулись. А затем опять уставились на эту кучу. Из нее что-то торчало.

Мы пригляделись...

— Срань господня! — выдохнул Толстяк Гав.

Это были чьи-то пальцы.

Ноготки были короткими, чистыми и нежно-розовыми. Не обкусанными и не сломанными. Потом полиция скажет, что она совсем не мучилась. Или у нее и возможности помучаться не было. Ее кожа оказалась куда бледнее, чем я помнил, — летний загар потускнел до более зимнего, холодного оттенка. На среднем пальце виднелось маленькое

серебряное колечко с зеленым камешком. Я сразу понял, еще в тот момент, когда только увидел ее, что эта рука принадлежит Девушке с Карусели.

Хоппо первым наклонился к ней. Он всегда был наименее брезгливым из нас. Однажды я видел, как он из милосердия прибил раненую птицу камнем. Он разворошил кучу листьев.

— Вот черт, — прошептал Железный Майки.

Обломки кости, торчавшей из руки, были очень-очень белыми. Почему-то на это я обратил больше внимания, чем на кровь. Она потемнела и стала коричнево-ржавой, как и листья, которые прилипли к коже. Кроме руки, мы ничего не нашли. Только рука. Рука до плеча.

Толстяк Гав медленно и тяжело опустился на корточки.

— Это рука, — пробормотал он. — Ебаная рука...

— Тонко подмечено, Шерлок, — фыркнул Железный Майки, но даже его фырканье в этот момент вышло ломким и подрагивающим.

Толстяк Гав с надеждой взглянул на меня:

— Может, это чья-то шутка? Может, она не настоящая?

— Настоящая.

— И что нам теперь делать?

— Позвонить в полицию, — сказал Хоппо.

— Да, да... — снова забормотал Толстяк Гав. — То есть... а вдруг она еще жива, или...

— Да не жива она, жирный ты придурок! — сказал Железный Майки. — Она мертвая, как и Шон!

— Ты этого не знаешь!

— Мы знаем, — произнес я и указал на дерево с очередным меловым пальцем, устремленным куда-то. — Вон там еще указатели... чтобы мы нашли все остальное.

— Нужно позвать полицейских! — настаивал Хоппо.

— Он прав, — сказал Железный Майки. — Пошли. Надо валить отсюда!

Все согласно закивали. Мы двинулись прочь. А затем Толстяк Гав предложил:

— Может, кому-то остаться?.. На всякий случай...

— На какой случай? Думаешь, рука сбежит? — спросил Железный Майки.

— Нет. Не знаю. Просто чтобы быть уверенным, что с ней ничего не случится.

Мы все переглянулись. Он был прав. Кто-то должен был остаться и посторожить ее. Но никто не горел желанием. Никому не хотелось торчать в молчаливой лесной лощине рядом с чьей-то оторванной рукой, прислушиваться ко всяким шорохам, к птичьей возне и думать: «А вдруг...»

— Я останусь, — сказал я.

Когда остальные уехали, я присел рядом с ней. С трепетом протянул руку и коснулся ее пальцев. Потому что мне казалось: именно это она и делает — протягивает руку в надежде, что найдет кого-нибудь. Я думал, что ее рука окажется твердой и холодной. Но она была мягкой и почти теплой.

— Мне жаль, — прошептал я. — Мне так жаль.

Не знаю точно, сколько я просидел в том лесу. Может, не больше получаса. Когда моя банда наконец вернулась с двумя местными полицейскими, ноги у меня совсем онемели, а я сам будто впал в какой-то транс.

Но все же я смог убедить полицейских, что руку никто не трогал. И что она находится точно в том же виде и состоянии, в котором мы ее нашли. И это была почти правда.

Единственное отличие заключалось в тоненьком бледном ободке на ее среднем пальце, на том месте, где до этого было кольцо.

Они нашли все прочие части ее тела в разных кучах листьев, разбросанных по всему лесу. Ну, или почти все. Думаю, именно поэтому они так долго не могли установить ее личность. Я-то, конечно, уже знал. Но никто меня не спрашивал. Вместо этого они задавали массу других вопросов. Например: что мы делали в лесу? Или: как мы нашли тело? Когда мы рассказали о меловых рисунках на деревьях, они очень ими заинтересовались, но когда я попытался рассказать о других меловых рисунках и посланиях, они, похоже, ничего не поняли.

Вот в чем проблема взрослых. Иногда им совершенно наплевать, что именно ты говоришь. Они слышат лишь то, что хотят услышать. По мнению полиции, мы были обычными детьми, которые просто играли в лесу и бегали по меловым указателям, пока случайно не наткнулись на тело. Конечно, все было не совсем так, но, думаю, эта версия звучала ближе всего к истине. Похоже, именно так и рождаются мифы и слухи. Все пересказывают, переиначивают, и в конце концов получается совсем другая история. А затем эту историю все принимают за чистую монету.

Все в школе хотели поговорить с нами о том, что случилось. Это напомнило мне время после ярмарки, вот только людям стало еще интереснее, потому что теперь она еще и умерла. И нашли ее по кусочкам.

В школе состоялось специальное собрание, на котором полицейский призвал нас быть максимально бдительными и не общаться с незнакомцами. И конечно, именно сейчас в городе появилась масса незнакомцев, которые шатались по городу с камерами и микрофонами, останавливали людей на улице или в лесу и принимались расспрашивать. Нам не разрешали туда возвращаться. Деревья обмотали желтой полицейской лентой и выставили охрану.

Толстяк Гав и Железный Майки с огромным удовольствием дополнили эту историю новыми подробностями. Мы с Хоппо позволили им взять на себя необходимость говорить о случившемся. То есть это было чертовски интересно, и все такое. Но в то же время я испытывал вину. Это было неправильно — получать такое удовольствие от смерти девушки. К тому же это казалось ужасно несправедливым — то, что Девушка с Карусели пережила тот день на ярмарке и ей даже смогли пришить ногу, а потом снова эту ногу оторвали. Вот уж и правда дерьмо.

А еще мне было очень жаль мистера Хэллорана. Когда я видел его в последний раз, он выглядел очень грустным, а ведь тогда Девушка с Карусели была еще жива, и они даже собирались сбежать и жить вместе. Теперь она умерла и уже никуда не сумеет сбежать. Разве что в то же холодное темное место, куда сбежал Шон Купер.

Один раз за ужином я попытался поговорить об этом с мамой и папой.

— Мне так жаль мистера Хэллорана.

— Мистера Хэллорана? Почему? — спросил меня папа.

— Потому что он спас ее, а теперь она мертва, значит, все было зря.

— Вы с мистером Хэллораном совершили отважный поступок, — вздохнула мама. — И это не было зря. Никогда не думай так, что бы ни говорили люди.

— А что они говорят?

Мама и папа обменялись тем самым «взрослым» взглядом. Взрослые все время думают, что, раз ты ребенок, ты каким-то волшебным образом его не заметишь.

— Эдди, — сказала мама, — мы помним, что ты очень ценишь мистера Хэллорана. Иногда нам кажется, что мы хорошо знаем кого-то, но оказывается, что это не так. На самом деле мистер Хэллоран не так уж давно тут живет. И никто из нас как следует не представляет себе, что он за человек.

Я уставился на них во все глаза:

— Люди думают, что это он ее убил?

— Этого я не говорила.

Да и не нужно. Мне двенадцать, и я не полный идиот.

Я почувствовал, как горло сжалось.

— Он бы не стал ее убивать. Он любил ее. Они собирались сбежать вместе. Он сам мне это сказал.

— Когда это он говорил с тобой, Эдди? — нахмурилась мама.

Похоже, я сам загнал себя в угол.

— Когда я заходил проведать его.

— Ты заходил проведать его? Когда это было?

— Пару недель назад. — Я пожал плечами.

— И ты был у него в доме?

— Ну да.

Отец уронил нож на стол.

— Эдди, ты больше никогда не должен приближаться к этому дому, ты меня понял?

— Но он мой друг!

— Больше нет, Эдди. С этого момента. Мы не знаем, что он за человек. Ты не должен с ним видаться.

— Но почему?

— Потому что мы тебе велели, Эдди, — резко ответила мама.

Обычно она никогда так не выражалась. Мама всегда повторяла, что нельзя просто взять и запретить ребенку что-то, не объяснив почему. Но в тот момент ее лицо было таким, каким я его никогда прежде не видел. Даже когда прибыла та посылка. Даже когда к нам в окно прилетел кирпич. Даже когда произошел тот случай с отцом Мартином. Она выглядела... испуганной.

— Пообещай мне.

Я опустил взгляд и буркнул:

— Обещаю.

Папа положил большую тяжелую ладонь на мое плечо:

— Вот и хорошо.

— А теперь можно я пойду к себе?

— Конечно.

Я выскользнул из-за стола и тихо поднялся наверх, а по дороге расцепил скрещенные пальцы.

Ответы. На вопросы, которые я никогда не задавал. И даже не думал задавать.

Хлоя. Та ли она, кем кажется? Неужели она лгала мне?

«Мне пришлось ее рассчитать. Она поругалась с покупательницей». Никки.

Я бездумно роюсь в кухонных ящиках, ворошу кучи старых меню из кафе, купонов и флаеров из супермаркета, пытаюсь собрать воедино ошметки своего запутанного сознания и придумать какое-то разумное объяснение.

То есть... может, Хлоя просто нашла другую работу и не стала мне об этом говорить? Может, ей просто стыдно за то, что ее уволили, хотя «стыд» — это не совсем подходящее для нее слово. Может, ссора с Никки была чистым совпадением. Может, это даже не та Никки, которую я знаю, точнее, знал. Это ведь могла быть любая другая стройная и привлекательная дама с огненно-рыжими волосами по имени Никола Мартин. Ну да, конечно. Я хватаюсь за соломинку. Но все же это возможно.

Я несколько раз пытаюсь позвонить ей. Но в итоге так и не решаюсь. Пока нет. Сначала мне нужно позвонить кое-кому другому.

Я с грохотом закрываю ящик и иду наверх. Не в спальню, а в ту комнату, где хранится моя коллекция. Я оглядываю коробки, мысленно отмечая неподходящие.

После того как Никки уехала, она прислала нам открытку со своим новым адресом. Я писал ей несколько раз, но она ни разу не ответила.

Я снимаю с верхней полки несколько коробок и начинаю искать. В первой — ничего, во второй тоже. Чувствуя некоторое смятение, я открываю третью.

Когда отец умер, я получил еще одну открытку. Там было всего два слова: «Мне жаль». И подпись — «Н.». И еще — телефонный номер. Я никогда по нему не звонил.

Мой взгляд останавливается на мятой открытке с пейзажем Борнмута. Я хватаю ее. Бинго. Достаю мобильный.

Гудки звучат и звучат. Наверное, этот номер уже недействителен. Она могла сменить его. Это вполне...

— Алло?

— Никки, это Эд.

— Эд?

— Эдди Адамс...

— Нет-нет, я узнала тебя, просто удивилась, вот и все. Прошло так много времени.

Это да. Но я до сих пор с легкостью могу определить, когда она лжет. Она не удивлена. Она обеспокоена.

— Я знаю.

— Как ты?

Хороший вопрос. Есть много вариантов ответа. Я выбираю самый простой.

— Бывало и лучше. Слушай, я понимаю, что все это очень неожиданно, но... мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

— Мы ведь уже разговариваем.

— Лицом к лицу.

— Но о чем?

— О Хлое.

Пауза. Такая длинная, что мне начинает казаться: она просто повесила трубку.

А затем она говорит:

— Хорошо. Я заканчиваю работу в три.

Поезд в Борнмут приходит в три тридцать. Всю дорогу я делаю вид, что читаю, хотя на самом деле просто листаю страницы последней книги Харлана Кобена.^[25] После того как поезд уползает прочь, я присоединяюсь к толпе людей, идущих к набережной. Перехожу дорогу и углубляюсь в Борнмут-Гарденс.

Несмотря на то, что Борнмут всего в двадцати милях от нас, я редко здесь бывал. Не очень-то я морской человек. Даже в детстве я очень боялся огромных накатывающихся волн, и меня жутко бесило то, как песок расползается между пальцами и засасывает ноги. Однажды я увидел, как люди зарывают в песок недоеденные сэндвичи. Меня это страшно возмутило. С тех пор моя нога не ступала на песчаный пляж — по крайней мере без шлепанцев или кроссовок.

Пусть сегодня не самый жаркий день, в Борнмут-Гарденс все равно довольно много людей. Они гуляют и играют в мини-гольф, который я просто обожал в детстве. Я выхожу на набережную и иду мимо пустыря, на месте которого раньше стоял гигантский кинотеатр IMAX, много лет не работавший и постепенно обветшавший, следуя через аллею с аттракционами и наконец нахожу кафе, обращенные к морю. Я усаживаюсь в одном из них, баюкаю в руках теплый капучино и курю. Здесь занят только один столик. За ним сидит молодая пара: девушка с короткими обесцвеченными волосами и парень с дредами и пирсингом. На их фоне я выгляжу таким старым и таким благопристойным.

Достаю книгу, но все равно не могу сосредоточиться. Смотрю на часы. Почти половина пятого. Еще одна сигарета — третья за полчаса. Я тянусь к огоньку зажигалки, прикуриваю, поднимаю взгляд — Никки стоит прямо передо мной.

— Это просто отвратительно, — говорит она, кивая на сигарету, и выдвигает стул. — А еще найдется?

Я передаю ей пачку и зажигалку — какое счастье, что у меня не дрожат руки. Никки прикуривает, давая мне возможность как следует разглядеть ее. Она выглядит старше. Это точно. Время заштриховало морщинами ее лоб и уголки глаз. Рыжие волосы теперь прямые, в них проглядывают прядки посветлее. Она все еще стройная, на ней джинсы и рубашка. Под аккуратным макияжем взрослой женщины виднеются веснушки и та девочка, которую я знал.

Она скидывает взгляд:

— Да, старуха. И ты тоже.

Я внезапно четко осознаю, каким выгляжу в ее глазах. Жилистый взлохмаченный мужчина в мятом пиджаке, рубашке и плохо завязанном галстуке. Мои волосы в ужасном состоянии, на мне очки для чтения. Чудо, что она вообще меня узнала.

— Спасибо, — говорю я. — Рад, что мы оба стали такими серьезными.

Она смотрит на меня ясными зелеными глазами:

— Знаешь, что странно?

Очень даже знаю. Слишком многое.

— Что?

— Меня не очень удивил твой звонок. На самом деле я даже ждала его.

— Я не был уверен, что смогу дозвониться.

К нам подходит официант — весь в черном, с хипстерской бородкой, которую ему явно

еще слишком рано носить, и торчащей челкой.

— Двойной эспрессо, — говорит ему Никки.

Он едва заметно наклоняет голову, давая понять, что услышал заказ, и исчезает.

— Ну так? — Она снова поворачивается ко мне. — Кто начнет, ты или я?

Я внезапно осознаю, что понятия не имею, с чего начать. Смотрю в чашку в поисках вдохновения, но ничего не приходит. Я решаю начать с самого очевидного.

— Так что, ты решила остаться в Борнмуте?

— Я уезжала на время по работе. Но да, вернулась.

— Понятно. И чем ты занимаешься?

— Это неинтересно. Вожусь с документами.

— Здорово.

— Ни капли. Зверски скучно.

— Ясно.

— Ну а ты?

— Учю... Я теперь учитель.

— В Эндерберри?

— Да.

— Ты молодец.

Возвращается официант и приносит ей кофе. Она благодарит. Я отпиваю из своей чашки. Все движения — осторожные и выверенные. Мы оба жутко напряжены.

— Как мама? — спрашиваю я.

— Она умерла пять лет назад. Рак груди.

— Мне жаль.

— Да не стоит. У нас не все было гладко. Я ушла из дома, когда мне исполнилось восемнадцать. И с тех пор мы не очень-то часто виделись.

Я смотрю на нее. Мне всегда казалось, что именно Никки ждет счастливый финал. Она сбежала от отца. Вернулась ее мама. Похоже, в реальной жизни счастливых финалов не бывает. Только запутанные и сложные.

Она выдыхает дым.

— Видишься с остальными?

Я киваю:

— Да. Хоппо теперь трубопроводчик. Гав управляет «Быком». — Пауза. — Ты... знаешь про несчастный случай?

— Да, знаю.

— Откуда?

— Рут часто писала мне. Так я и про твоего отца узнала.

Рут? Какой-то отдаленный звончок. Ах да! Подруга отца Мартина с кудрявыми волосами. Та самая женщина, которая приглядывала за Никки после нападения.

— Она все время писала о том, как навещает отца, — продолжает она. — Так что я перестала читать ее письма. А затем сменила адрес и не сказала ей. — Она отпивает кофе. — Знаешь, он все еще жив.

— Да, знаю.

— Конечно, — кивает она. — Твоя мама. Добрая самаритянка. Забавно, не правда ли?

Я улыбаюсь:

— Ты так ни разу его и не навестила?

— Нет. Но непременно навещу на похоронах.

— И никогда не хотела вернуться в Эндерберри?

— Там случилось слишком много плохого. И когда случилось наихудшее, меня даже не было рядом.

Нет, не было. Но все же она является частью всех этих событий.

Она наклоняется и тушит сигарету:

— Итак, светская беседа закончена. Может, перейдем к делу? Почему ты спрашивал о Хлое?

— Откуда ты ее знаешь?

Она изучает меня взглядом какое-то время, а затем говорит:

— Сначала ты скажи.

— Она снимает у меня жильё.

Ее глаза распахиваются.

— Вот дерьмо.

И все сразу встало на свои места.

— Прости, но... просто это... — Она встряхивает головой. — Поверить не могу, что она пошла на такое.

— Какое? — Я в недоумении смотрю на нее.

Она достает еще одну сигарету, уже не спрашивая разрешения. Ее рукав открывает небольшое тату на запястье. Маленькие ангельские крылья. Она перехватывает мой взгляд.

— В память об отце. Как эпитафия.

— Но он все еще жив.

— Брось, это не жизнь.

А тату — не эпитафия. Тату — это нечто другое. И это нечто почему-то внушает дискомфорт.

— Так или иначе, — она закуривает и глубоко затягивается, — мы познакомились с ней год назад. Когда она меня нашла.

— Нашла тебя? Кто же она?

— Она моя сестра. Ты помнишь Ханну Томас?

Секундочку... А затем я вспоминаю. Ну конечно. Блондинка. Подруга Девушки с Карусели. Дочь полицейского. И разумеется...

— Да, я помню. Это та девушка, которую изнасиловал Шон Купер. Она забеременела.

— Вот только он ее не насиловал, — говорит Никки. — Это все вранье. Шон Купер не насиловал Ханну Томас. И не был отцом ее ребенка.

— А кто тогда? — Я ошеломленно смотрю на нее.

Она смотрит на меня, как на идиота.

— Да ладно, Эд. Пораскинь мозгами.

Я пытаюсь пораскинуть. И тут до меня доходит.

— Это твой отец? Твой отец ее изнасиловал?!

— Не делай вид, что удивлен. Все эти протестующие были его личным маленьким гаремом. Группиз. Они поклонялись ему, как рок-звезде. А папа... Что ж, давай просто скажем, что человек — раб своей плоти и все такое.

Я пытаюсь это переварить.

— Тогда почему Ханна солгала и сказала всем, что это был Шон Купер?

— Потому что мой отец велел ей это сделать. И потому что ее отец не смог бы

прикончить пацана, который и так уже мертв.

— А ты как узнала об этом?

— Услышала, как они ругались однажды ночью. Они думали, что я сплю. Точно так же они думали, когда трахались.

Я вспомнил тот вечер, когда увидел Ханну Томас у нас в гостиной.

— Она приходила к моей маме. Была очень расстроена. Мама ее утешала. — Я снова улыбаюсь. — Удивительно, как легко можно засунуть все свои громкие принципы куда подальше, когда речь заходит о твоей жизни и твоём ребенке.

— Вообще-то она была настроена оставить ребенка. Это мой отец хотел от него избавиться.

— Он хотел, чтобы она сделала аборт? После всего? — недоверчиво спрашиваю я.

Никки приподнимает бровь:

— Удивительно, как легко можно засунуть свою веру куда подальше, когда речь идет о твоём ублюдке и твоей репутации.

— Вот козел. — Я встряхиваю головой.

— Ага. Тот еще.

Мой мозг мучительно пытается осознать все это.

— Так, значит, она все-таки родила ребенка? Почему я этого не помню?

— Потому что вся их семья переехала. Ее отца перевели, или что-то в этом роде. А затем на отца Мартина напали, так что он ну никак не мог выйти с ними на связь.

Никки стряхивает пепел в пепельницу — та уже выглядит как логотип с антеникотиновой брошюры.

— И вот прошло тридцать лет, и на моем пороге появилась Хлоя, — продолжает она. — Я до сих пор не знаю, как она умудрилась меня найти. Она сказала, что ее мать — Ханна и что мы с ней — сводные сестры. Я ей сначала не поверила. Велела ей убираться. Но она оставила свой номер. Я не собиралась ей звонить, но... Не знаю, может, мне просто стало любопытно. Мы решили пообедать вместе. Она принесла фотографии, и они убедили меня, что она говорит правду. Мне она даже начала нравиться. Напомнила меня саму.

«Наверное, поэтому она и мне понравилась», — подумал я.

— Она сказала, что ее мать умерла от рака, а с отчимом у нее отношения не складывались. Это тоже вызвало симпатию. Мы встретились еще несколько раз. А затем она сказала, что ей пришлось выехать из квартиры и она не может найти жилье. Я предложила ей какое-то время пожить у меня.

— И что было дальше?

— Ничего. Три месяца мы хорошо уживались. Даже слишком хорошо.

— А потом?

— Однажды вечером я пришла домой. Хлои не было. Дверь в ее комнату была открыта... На столе стоял ноутбук.

— Ты рылась у нее в комнате?

— Формально это была моя комната, и... Не знаю, я просто...

— Вторглась в ее личное пространство.

— И хорошо, что вторглась! Я узнала, что она пишет обо мне. О меловых человечках. Обо всех нас. Как будто ведет какое-то расследование.

— Для чего?

— Кто знает.

— А она это как-то объяснила?

— Скажем так, у нее не было такой возможности. Я заставила ее убраться вон в тот же вечер. Она сказала, что и так собиралась уехать, потому что нашла работу в Эндерберри.

Она тушит вторую сигарету и делает большой глоток кофе. Ее руки едва заметно подрагивают.

— Давно это было?

— Девять или десять месяцев назад.

Как раз в то время она неожиданно объявилась на моем пороге и благодарила за то, что я предоставил ей жилье.

Ветер гуляет по набережной. Я поднимаю воротник куртки. Это просто ветер. Вот и все.

— Если вы не виделись столько времени, почему случилась ссора в магазине?

— А об этом ты откуда знаешь?

— Именно так я и выяснил, что вы знакомы. — Я хмурюсь. — погоди, а как ты узнала, где она работает?

— В Эндерберри не так уж много мест, куда могла бы устроиться девушка вроде Хлои. И правда.

— И еще я захотела навестить ее, потому что получила письмо.

Мое сердце пропускает удар.

— И там были меловой висельник и мелок?

Она смотрит на меня:

— Откуда ты...

— Я тоже получил такое. И Гав. И Хоппо... и Майки.

Лицо Никки темнеет.

— Так, значит, она отправила нам все эти письма?

— Она? Ты думаешь, это Хлоя прислала нам все эти письма?

— Ну конечно! — вскидывается Никки.

— А она это подтвердила?

— Нет. Но кто еще мог?

Пауза. Я думаю о Хлое, с которой знаком. О самой дерзкой, яркой и забавной девчонке из всех, которых я только видел. Все это бессмысленно.

— Не знаю, — говорю я. — Но я бы не делал таких поспешных выводов.

Она пожимает плечами:

— Как хочешь. Сам себе гроб заколачиваешь.

Кстати! Я жду, пока она выпьет кофе, а затем говорю, уже мягче:

— Ты слышала о Майки?

— А что с ним?

Эд Адамс — поставщик самых счастливых новостей.

— Он умер.

— Господи! Что случилось?

— Он упал в реку и утонул.

Она просто смотрит на меня, и все.

— В реку... в Эндерберри?

— Да.

— Что он делал в Эндерберри?

— Приехал ко мне. Сказал, что хочет написать книгу о меловых человечках. Хотел,

чтобы я ему помог. Мы выпили, он сказал, что вернется в отель... но так и не вернулся.

— Твою мать!

— Ага.

— Но это же был несчастный случай.

Я молчу.

— Эд?

— Слушай, я понимаю, это прозвучит как полный бред, но в ту ночь Майки сказал мне, что знает, кто убил Элайзу.

— И ты поверил? — фыркает она.

— А что, если он говорил правду?

— Впервые в жизни?

— Если он говорил правду, значит, его смерть не была результатом несчастного случая.

— И что? Кому какое дело?

Я просто не знаю, что ей ответить. Она всегда была такой жесткой? Как камешек с надписью «Попробуй откуси!».

— Ты же не серьезно.

— Нет, серьезно. Майки всю жизнь только и делал, что наживал себе врагов. У него не было друзей. Может, только ты, и то давно. Именно поэтому я согласилась на встречу. Но теперь с меня хватит.

Она отодвигает стул и поднимается:

— Мой тебе совет: иди домой и выгони Хлою к чертовой матери, а потом... просто разберись со своей жизнью.

Надо прислушаться. Надо дать ей уйти. Надо допить кофе и сесть на поезд. Но если подумать, вся моя жизнь — это длинный глубокий каньон, в котором волны «надо» накатываются друг на друга в море бесконечных сожалений.

— Никки, подожди.

— Ну что еще?

— А что насчет твоего отца? Ты не хочешь знать, кто сделал это с ним?

— Эд, хватит уже.

— Но почему?

— Потому что я знаю, кто это сделал.

Вот уже второй раз она сражает меня наповал.

— Ты знаешь? Но откуда?

— Она сама сказала мне.

Поезд до Эндерберри отложили. Я пытаюсь убедить себя, что это просто неудачное стечение обстоятельств, но понимаю, что не могу. Я следую за толпой, проклиная тот момент, когда решил ехать на поезде, а не на машине (а еще — задержаться дома и выпить бутылку вина, вместо того чтобы сесть на более ранний поезд). Время от времени я поглядываю на доску объявлений. «Отложено». Могли бы просто написать: «Успешно испортили тебе день, Эд».

Домой я попадаю уже после девяти — вареный, уставший и помятый, потому что меня всю дорогу вжимал в окно какой-то тип, который выглядел так, словно всю жизнь играл в регби за сборную титанов — и я имею в виду богов, а не команду.

К тому моменту, как я схожу с автобуса и направляюсь к дому, я чувствую себя

окончательно измотанным и мучительно трезвым. Открываю ворота и иду по подъездной дорожке. Дом окутан темнотой. Хлоя, наверное, вышла погулять. Может, это и к лучшему. Не уверен, что готов к разговору, который неизбежно должен между нами случиться.

Первое прикосновение холодного беспокойства я почувствовал в тот момент, когда понял, что входная дверь не заперта. Да, Хлоя бывает легкомысленной, но не безответственной и не забывчивой.

Какое-то время я топчусь на пороге собственного дома, словно коммивояжер, а потом толкаю дверь.

— Эй!

Единственный ответ — бездыханная тишина дома и приглушенный гул, доносящийся из кухни. Я включаю свет в прихожей и замираю, неуверенно перебирая гигантскую связку своих ключей.

— Хлоя?

Захожу на кухню, зажигаю свет и оглядываюсь. Задняя дверь распахнута — меня обдает холодным ветром. Все поверхности в кухне захламлены, кто-то готовил здесь ужин: пицца, салат в глубокой миске, недопитый бокал вина на столе. Гул, который я слышал, издает духовка.

Я наклоняюсь и выключаю ее. Тишина сразу же кажется оглушительной. Теперь единственный звук, который я слышу, — это пульсация крови у меня в ушах.

— Хлоя?

Я делаю шаг вперед и чувствую, как наступаю на что-то. Опускаю взгляд. Сердце проваливается вниз. Шум в ушах нарастает. Красный. Темно-красный. Это кровь. Смазанный след тянется до открытой двери. Сердце отплясывает джиттербаг.^[26] У самой двери я остаиваюсь. Уже почти стемнело. Я возвращаюсь, хватаю фонарик из ящика и выхожу на улицу.

— Хлоя? Ты здесь?

Я осторожно ступаю по двору и подсвечиваю фонариком разросшийся пустырь — он тянется до небольшой рожицы вдаль. Трава здесь высокая и кое-где примята. Кто-то недавно прошел по саду.

Я иду по следу. Крапива и всякие сорняки цепляются за мои штаны. Свет фонарика выхватывает что-то в траве. Что-то красное, розовое и коричневое. Я наклоняюсь, и мой желудок переворачивается, как русский гимнаст.

— Черт.

Это крыса. Выпотрошенная крыса. Ее желудок разорван и вывернут наизнанку, а кишки похожи на кучку маленьких сосисок.

Справа что-то шуршит. Я подпрыгиваю и оборачиваюсь. Из высокой травы на меня смотрит пара светящихся зеленых глаз. Варезка выбирается из укрытия с утробным урчанием.

— Твою мать! — шарахаюсь я, подавившись криком.

Варезка смотрит на меня с явным удовольствием: «Что, напугал тебя, зайка-Эдди?» А потом аккуратно подбирает свою добычу острыми белыми зубами и удаляется в ночь.

У меня вырывается истерический смех — могу себе позволить.

— Ебанный свет...

Крыса. Вот откуда кровь. Просто гребаная крыса и злобный злобучий кот. Меня захлестывает облегчение. А затем я слышу чей-то голос у себя в голове: «Но ни кот, ни крыса

не объясняют, почему задняя дверь открыта, не так ли, Эдди? Или, например, брошенный ужин. Что насчет этого?»

Я оборачиваюсь к дому:

— Хлоя!

Срываюсь с места и бегу. Взлетаю по лестнице, хватаюсь за ручку на ее двери. Один стук — и дверь открывается сама собой. В глубине души я надеюсь увидеть, как Хлоя подскакивает в постели. Но ее кровать пуста. И комната пуста. Инстинктивно распахиваю дверцы шкафа. Пустые вешалки печально постукивают друг о друга.

Ящики.

Пусто. Пусто. Пусто.

Хлоя ушла.

Прошла целая вечность, прежде чем мне удалось выбраться из дома. Хотя на самом деле я ждал всего пару дней — до выходных.

Маме позвонили, и ей пришлось срочно уехать в больницу. Папа должен был присматривать за мной, но у него горели сроки, и он заперся у себя в кабинете. Мама оставила ему записку: «Приготовь Эдди завтрак. Хлопья или тосты. И НИКАКИХ чипсов или шоколада. Люблю. Марианна».

Я ее видел. Не уверен, что папа тоже. Он казался еще более рассеянным, чем прежде. Заглянув в кухонный шкаф, я обнаружил, что он поставил туда молоко, а кофе засунул в холодильник. Я только покачал головой, а затем достал миску, насыпал в нее хлопья, добавил молока, бросил туда ложку и оставил на сушилке. А потом схватил пакет чипсов и быстренько умял их в гостиной под «Субботний супермаркет».^[27] После я на цыпочках удалился к себе в комнату, предварительно оставив включенным телевизор. Отодвинул комод, вынул обувную коробку и поднял крышку.

Колечко по-прежнему лежало внутри. Оно все еще было немного грязным после леса, но я не хотел его отмывать. Тогда это уже будет не ее кольцо. И в нем не останется ничего особенного. А это было важно. Если для тебя что-то важно, то в нем важна каждая деталь. Это помогает лучше запомнить, когда и откуда оно взялось.

Но все дело в том, что был человек, которому это кольцо еще нужнее. Человек, который любил ее и у которого не осталось ничего на память о ней. То есть да, конечно, у него остались картины. Но они не являлись ее частью, они не касались ее кожи и не были с ней там, в лесу, когда ее тело медленно остывало.

Я замотал колечко в тряпицу и сунул в карман. Не думаю, что в тот момент я в полной мере отдавал себе отчет в том, что делаю. Мне казалось, что я просто скажу мистеру Хэллорану, как мне жаль, вручу ему кольцо, а он будет мне очень благодарен, и таким образом я смогу отплатить ему за все, что он для меня сделал. По-моему, именно этого мне тогда и хотелось.

Я слышал шум в соседней комнате: сначала кашель, затем — скрип папиного стула, какую-то возню и звук включившегося принтера. Я задвинул комод на место и на цыпочках выбрался из комнаты. Надел свое самое теплое зимнее пальто, замотался в шарф и, на случай, если папа меня хватится и начнет волноваться, нацарапал записку: «Я у Хоппо. Не хотел тебя беспокоить. Эдди».

Вообще-то я не был таким уж непослушным. Но был жутко упрямым, прямо-таки одержимым. Если мне в голову приходила какая-то идея, ничто уже не могло ее оттуда выбить. И пока я катил велосипед по парковке родительского дома, а потом, оседлав его, ехал в сторону коттеджа мистера Хэллорана, меня не посещали никакие сомнения, ни одна тревожная мысль.

Мистер Хэллоран уже давно должен был уехать в Корнуолл. Но полиция попросила его оставаться в городе, пока идет следствие. Я точно не знал, но, кажется, они уже собрали достаточно улик, чтобы предъявить ему обвинение в убийстве Девушки с Карусели.

Впрочем, доказательств как таковых у них было очень мало. В основном — косвенные улики и слухи. Все в городке хотели, чтобы виновным оказался именно он — это было бы правильно и понятно. Он чужак, к тому же выглядел довольно странно и уже обрел

репутацию извращенца, покусившегося на юную девушку.

Они даже выстроили теорию о том, как все это было: Девушка с Карусели хотела разорвать отношения, а мистер Хэллоран чокнулся, когда услышал это, и убил ее. Особенно подкрепляли эту версию слова матери Девушки с Карусели: она сказала, что ее дочь пришла домой в слезах за день до этого, потому что поссорилась с мистером Хэллораном. Тот подтвердил, что они поссорились, но отрицал, что расстались. Он даже признал то, что той ночью они договорились встретиться в лесу. После скандала и всех этих слухов они были вынуждены встречаться тайно. Но из-за ссоры он решил не приходить.

Я не до конца уверен, правда это или нет, но никто не мог подтвердить слова мистера Хэллорана или опровергнуть их, если не считать девушки, которая уже никогда не заговорит. Теперь ее рот забит землей и червями.

Для субботнего утра было довольно тихо, но само утро вело себя, как капризный ребенок, который не хочет выбираться из постели, срывать с себя теплое уютное одеяло ночи и открывать занавески навстречу рассвету. На часах было уже десять, но улица оставалась сумеречной и серой. Мимо проехала старая машина и расплескала фарами тусклый свет. Большая половина домов куталась во мрак. Несмотря на то, что близилось Рождество, никто не торопился украшать свои дома. Думаю, ни у кого не было праздничного настроения. Папа так до сих пор и не купил елку, да и я сам даже не вспоминал о своем приближающемся дне рождения.

Коттедж мистера Хэллорана выглядывал из темноты, как призрак, залитый мягким размытым светом. Машина стояла на парковке. Я притормозил неподалеку и огляделся. Коттедж стоял на отшибе, в конце коротенькой улицы под названием Эмори-Лейн. По соседству находилось всего несколько домов. Вокруг не было ни души. И все же, вместо того чтобы прислонить велосипед к стене дома мистера Хэллорана, я решил припрятать его в кустарнике через дорогу, там, где никто не смог бы его разглядеть. А затем быстро пересек улицу и взбежал по тропинке, ведущей к дому.

Занавески были открыты, но в доме царил темнота. Я постучал в дверь и затаил дыхание. Ни звука, ни движения. Я постучал еще раз. Все еще тихо. Ну, точнее, не совсем. Мне показалось, я кое-что услышал. Я засомневался. Может, он не хотел никого видеть. Может, мне стоит просто вернуться домой. И я почти так и сделал. Но что-то — сам не знаю что — вынудило меня остаться и шепнуло: «Просто войди».

Я медленно взялся за дверную ручку и повернул. Дверь открылась. Мои глаза обожгло плотной, непроницаемой темнотой гостиной.

— Эй? Есть кто-нибудь? Мистер Хэллоран?

Тишина. Я сделал глубокий вдох и шагнул вперед:

— Э-эй?

Я осмотрелся. Всюду по-прежнему теснились коробки, но теперь к ним прибавилось еще кое-что. Бутылки. Вино, пиво, бурбон «Джим Бим». Я нахмурился. Тогда я догадывался, конечно, что взрослые иногда выпивают. Но там была прямо-таки уйма бутылок...

И тут я услышал приглушенный шум воды, доносящийся сверху. Похоже, именно этот звук мне и почудился, когда я стоял снаружи. Я почувствовал облегчение. Мистер Хэллоран просто принимал ванну. Вот почему он не слышал стука.

Это, конечно, ставило меня в довольно неловкое положение. Я не мог просто взять и подняться наверх: а вдруг он голый и все такое. К тому же он поймет, что я влез в дом без приглашения. Но и снаружи я торчать не хотел: кто-нибудь мог меня увидеть.

Я терзался еще какое-то время и наконец принял решение. Пробрался на кухню, вытащил колечко из кармана и положил его на середину стола, туда, где его наверняка заметят.

Мне стоило оставить записку, но я не видел нигде ни бумаги, ни ручки. Я посмотрел вверх и заметил какое-то странное темное пятно на потолке. Каким-то образом оно схлестнулось в моей голове с непрекращающимся шумом воды, и я почувал неладное. Темноту в комнате внезапно вспорол свет фар проезжающей мимо машины. Я подпрыгнул от неожиданности и тут вспомнил, что забрался в чужой дом. А еще — о предупреждении родителей. Папа уже, наверное, закончил работу, да и мама скоро вернется. Что будет тогда? Что, если она увидит записку и захочет позвонить маме Хоппо и проверить?

С громко стучащим сердцем я вышел из коттеджа и закрыл за собой дверь. А затем перебежал улицу и вытащил велосипед из кустов. Домой я мчался так быстро, как только мог, там бросил велосипед на заднем дворе, пальто и шарф пристроил на вешалку, а себя — на диван в гостиной. Папа спустился вниз примерно через двенадцать минут после этого и сунул голову в дверь.

— У тебя все в порядке, Эдди? Ты что, выходил из дома?

— Хотел повидаться с Хоппо, но его не было.

— Почему ты не сказал мне?

— Я оставил записку. Не хотел тебя беспокоить.

Папа улыбнулся:

— Молодец. Как насчет печенья к маминому приходу?

— Неплохо.

Мне всегда нравилось готовить с папой. Некоторые думают, что готовка — это женское дело, но только не в случае с моим отцом. Он никогда не придерживался рецепта и всячески импровизировал. Получалось всегда либо вкусно до жути, либо до жути отвратительно, но в этом ведь и интерес, не так ли?

Мы как раз вынимали из духовки печенье с изюмом, мармитом и арахисовым маслом, когда услышали, как мама вошла в парадную дверь. Это было примерно через час после моего возвращения.

— Мы тут! — заорал папа.

Мама вошла на кухню, и я сразу понял: что-то случилось.

— В клинике все в порядке? — спросил ее папа.

— Что? А, да. Все хорошо. Все... в норме.

Выглядела она совсем не так, как выглядят люди, когда у них все в норме. Она была расстроена и встревожена.

— Мам, что случилось? — спросил я.

Она бросила на нас странный взгляд, а потом наконец сказала:

— Я проезжала мимо дома мистера Хэллорана по пути домой.

Я сразу же напрягся. Она видела меня? Да нет, точно нет. Я уже тысячу лет как дома. Может, ей кто-то сказал? Или все дело в том, что она — моя мама, а у нее — шестое материнское чувство, или что-то в этом духе, короче, она всегда знает, когда я что-то не то творю.

В общем, я не угадал.

— Там была полиция... и «скорая».

— «Скорая»? — переспросил папа. — Зачем там была «скорая»?

Она ответила тихим, приглушенным голосом:

— Они... выносили тело.

Самоубийство. Вот что произошло. Копы приехали арестовать мистера Хэллорана и обнаружили, что он плавает в переполненной ванне. Вода лилась и лилась на пол, из-за чего на потолке первого этажа надулся гигантский волдырь. Из него на стол капала бледно-розовая вода. В самой ванне она была красной — вперемешку с кровью из вен мистера Хэллорана, разрезанных от запястья до локтя. Ни шепота о помощи. Прощальный вопль.

Кольцо они тоже нашли. Кольцо, покрытое лесной грязью. Для полиции это стало решающим доказательством, в котором они так нуждались. Мистер Хэллоран убил Девушку с Карусели, а потом и себя прикончил.

Я так никому и не признался. Знаю, мне следовало это сделать. Но мне было двенадцать лет, я испугался до чертиков. К тому же вряд ли кто-нибудь поверил бы мне. Мама наверняка решила бы, что я просто пытаюсь помочь мистеру Хэллорану, но на самом деле теперь уже никто не мог ему помочь. Ни ему, ни Девушке. Какой смысл был в моем признании?

Послания закончились. Меловые человечки исчезли. Больше не было никаких трагедий или смертей. Наверное, самым серьезным происшествием из всех, которые имели место в Эндерберри в последующие несколько лет, стал тот случай, когда какие-то цыгане попытались стащить свинцовую облицовку с церковной крыши. А, ну и, конечно, тот случай, когда Майки врезался в дерево и чуть не убился вместе с Гавом до смерти.

Нельзя сказать, что люди сразу же обо всем забыли. Все эти трупы и зловещие дела сослужили Эндерберри плохую службу и создали городу дурную славу. Местные газеты еще несколько недель все это обсасывали.

— Скоро с каждым воскресным выпуском будут идти в комплекте бесплатные мелки, — пробурчала мама однажды вечером.

Толстяк Гав говорил, что его отец хотел переименовать бар в «Мелового человечка», но мать его отговорила.

— Рановато, — сказала она.

Спустя какое-то время в городе стали появляться странные люди, облаченные в очень удобные куртки и обувь. Они таскали с собой камеры и большие блокноты, слонялись по церкви и исследовали леса.

— Зеваки, — фыркнул папа.

Мне пришлось спросить у него, что это значит.

— Так называют людей, которые вечно смакуют всякие ужасы или шастают по местам, где случилось что-то плохое. Шакалы.

Мне кажется, второе название подходило им куда больше. Шакалы. Они были на них похожи — с длинными лохматыми волосами, вытянутыми лицами. Ходили они, пригнувшись к земле, точно к чему-то принюхивались, и без конца щелкали камерами.

Иногда можно было услышать, как они пристают к прохожим с вопросами: «А где стоит дом, в котором жил Меловой Человек? Кто-нибудь был с ним хорошо знаком? Где можно посмотреть на его картины?»

При этом они никогда не спрашивали о Девушке с Карусели. Да и никто не спрашивал. Ее мать всего один раз согласилась дать интервью для газет. Она рассказывала о том, как Элайза любила музыку, как она мечтала стать медсестрой и помогать тем, кто попал в такую же ситуацию, как и она сама, и насколько мужественно она держалась после того несчастного случая. Но статья вышла маленькая. Было такое чувство, будто люди хотят

поскорее о ней забыть. Как будто, если бы они помнили о ее существовании, это как-то испортило бы всю историю о меловых человечках.

В конце концов шакалы разбежались по норам, потому что передовицы заполнили какие-то другие ужасы. Время от времени о случившемся еще вспоминали в заметках мелких газет или в криминальных телепередачах.

Но оставалось и много непонятного. Странного и необъяснимого. Все как-то решили, что это мистер Хэллоран напал на отца Мартина и разрисовал церковь, но никто не мог объяснить, зачем ему это понадобилось. Так же, как никто не нашел топор, которым он разрубил тело Девушки...

Ну и, конечно, голову. Никто не мог найти голову Девушки с Карусели.

И все же мы до конца не верили, что в тот день, когда умер мистер Хэллоран, все это действительно закончилось.

Я всегда думал, что моего отца похоронили на несколько лет позже, чем следовало. Человек, которого я знал, умер намного раньше. От него осталась пустая оболочка. Все, что делало его тем, кем он являлся, — его умение сострадать окружающим, чувство юмора, тепло, даже чертовы прогнозы погоды, — все ушло. Как и воспоминания. Думаю, это было хуже всего. Ибо кто мы, если не пережитый нами опыт и события, через которые мы прошли вместе? Как только все это исчезает, мы превращаемся в мешки из мяса, костей и крови.

Если и существует такое понятия, как душа, — а я все еще в этом не уверен, — то душа моего отца отлетела задолго до того, как пневмония загнала его в стерильную, белоснежную больничную койку, на которой он метался в бреду и стонал. И это была какая-то до ужаса сморщенная, скелетоподобная версия моего статного, пышущего жизнью отца, которого я знал. И я не мог отыскать его в этой человеческой скорлупе. Стыдно признаться, но когда мне сказали, что его больше нет, я испытал не ужас, а облегчение.

Похороны были скромными и проходили в крематории. Там был я, была мама, несколько друзей из журналов, для которых писал папа, а еще Хоппо и его мама, Толстяк Гав и его семья. Я был не против.

Не думаю, что о человеке можно судить по тому, сколько людей явилось на его похороны. У большинства из нас слишком много друзей. Хотя это громко сказано. Виртуальные друзья не в счет. Настоящие друзья — это нечто иное. Они всегда рядом. Ты любишь их и в то же время терпеть не можешь, и они — такая же часть тебя, как и ты сам.

После службы мы отправились к нам домой. Мы с мамой приготовили сэндвичи и закуски, но в основном люди просто пили. Даже несмотря на то, что папа до этого целый год провел в доме престарелых, а в доме была толпа народу, он еще никогда не казался мне таким пустым.

Мы с мамой каждый год ходили в крематорий в день смерти отца. Мама, кажется, ходила даже чаще. У небольшой таблички с его именем всегда стояли свежие цветы, а в «Книге памяти» появлялась пара новых строчек.

Она и сегодня здесь — сидит на одной из лавочек в саду, залитом тусклым солнечным светом. Нетерпеливый ветер гонит по небу серые тучки. На маме — голубые джинсы и красная курточка.

— Привет.

— Привет, мам.

Я сажусь рядом. У нее на носу знакомые маленькие круглые очки. Солнечный свет вспышками отражается от стекол.

— Выглядишь уставшим, Эд.

— Ага. Долгая была неделька. Мне жаль, что тебе пришлось прервать отпуск.

— Да мне не пришлось, — взмахивает рукой мама. — Я сама так решила. К тому же там все озера одинаковые.

— Все равно спасибо, что приехала.

— Просто подумала, что хватит с тебя и Варезки.

Я выдавливаю из себя улыбку.

— Так ты скажешь мне, что случилось? — Она смотрит на меня точно так же, как в детстве. Как будто видит мою ложь насквозь.

— Хлоя ушла.

— Ушла?

— Собрала вещи и исчезла.

— И не сказала ни слова?

— Нет.

Я и не ожидал. Хотя нет, вру. Первые дни я то ли надеялся, то ли ждал, что она выйдет на связь. Ворвется на кухню, заварит себе кофе, окинет меня насмешливым взглядом из-под приподнятой брови и рубанет какой-нибудь колкой, но все объясняющей фразочкой. И я почувствую себя дурачком-параноиком.

Но этого не произошло. Теперь, спустя целую неделю, сколько бы я ни думал об этом, на ум приходит только одно объяснение: она лживая бабенка, которая просто играла со мной.

— Ну, мне эта девица никогда не нравилась, — говорит мама. — Но это все равно на нее не похоже.

— Не мне судить.

— Не вини себя, Эд. Некоторые люди умеют очень талантливо лгать.

«Да, — думаю я. — Точно».

— Помнишь Ханну Томас, мам?

Она хмурится:

— Да, но я не...

— Хлоя — ее дочь.

Глаза за стеклами очков чуть-чуть увеличиваются, но она сдерживается.

— Понятно. Она сама тебе об этом сказала?

— Нет. Мне сказала Никки.

— Ты виделся с Никки?

— Да. Ездил к ней.

— Ну и как она?

— Примерно так же, как и пять лет назад, когда ты с ней виделась... И я сказал ей о том, что на самом деле случилось с ее отцом.

Эта пауза уже длиннее. Мама смотрит вниз, на свои узловатые, покрытые толстыми голубыми венами руки. Мне внезапно приходит на ум: как наши руки всегда выдают нас! Наш возраст, наш темперамент. Мамины руки способны творить волшебство. Они умудрялись выуживать жвачки из моих волос, мягко трепали меня по щеке, лечили и заклеивали пластырем сбитые коленки. Но они делали и другие вещи. Куда менее приятные.

Наконец она говорит:

— Джерри вынудил меня приехать. Я ему все рассказала. И, признаюсь честно, мне стало легче. Он помог мне понять, что я должна была открыться Никки.

— Что ты имеешь в виду?

Она печально улыбается:

— Я всегда говорила тебе: никогда ни о чем не жалею. Если ты принял какое-то решение, значит, в тот момент оно казалось тебе самым правильным. Даже если потом окажется, что оно было наихудшим.

— Ты говорила, что никогда не нужно оглядываться назад.

— Да. Но это проще сказать, чем сделать.

Я жду, что будет дальше. Мама вздыхает:

— Ханна Томас была... очень уязвимой девочкой. Легко поддавалась внушению. Всегда нуждалась в образце и кумире. К сожалению, именно его она и нашла.

— Ты про отца Мартина?

Она кивает.

— Однажды она пришла ко мне...

— Я помню тот вечер.

— Правда?

— Я видел вас в гостиной.

— Она должна была прийти ко мне в клинику. Мне следовало настоять на этом, но она, бедняжка, так расстроилась, ей не с кем было поговорить, и я разрешила ей войти. Заварила ей чай и...

— Даже несмотря на то, что она принимала участие в протестах?

— Я врач. Врачи никого не осуждают. Она была на четвертом месяце. И очень боялась признаться во всем отцу. Ей исполнилось всего шестнадцать лет.

— Она хотела оставить ребенка?

— Она сама не знала, чего хочет. Она была... просто девочкой. Маленькой девочкой.

— И что ты ей сказала?

— То же, что говорила каждой женщине, которая приходила ко мне. Описала ей все варианты. Ну и, конечно, спросила, как к этому отнесется отец ребенка.

— А что она ответила?

— Сначала она не желала признаваться, кто он. Но в итоге все равно призналась. Говорила о том, что они с отцом Мартином любят друг друга, но церковь против их отношений. — Мама встряхивает головой. — Я дала ей лучший совет, на который была способна, и от меня она ушла, чуть успокоившись. Но признаюсь: я сама разнервничалась и не могла с собой договориться. А потом были эти похороны, и ее отец начал обвинять Шона Купера в том, что он ее изнасиловал...

— Но ты ведь знала правду!

— Да. Но что я могла сделать? Не выдавать же мне Ханну.

— А папе ты сказала?

Она кивает:

— Он знал, что она приходила ко мне. И в тот же вечер я ему все рассказала. Он хотел пойти в полицию, в церковь и разоблачить отца Мартина, но я убедила его сохранить это в тайне.

— Но он не смог, не так ли?

— Не смог. Когда нам разбили окно кирпичом, он страшно разозлился. Мы поссорились...

— Я вас слышал. Папа ушел и напился...

Конец истории я знал, но все же позволил маме закончить.

— Той ночью в пабе были отец Ханны и какие-то его дружки. А твой отец, он... ну... напился и был так зол...

— Он сказал им, что отец Мартин...

Мама снова кивает:

— Пойми, он не мог предугадать, что потом произойдет. Не знал, что они сделают с отцом Мартином. Они ворвались в церковь и избивали его.

— Понятно.

Гав тоже не знал, к чему приведет кража велосипеда Шона. И я не знал, когда оставил то кольцо в доме мистера Хэллорана.

— Но почему ты потом ничего не сказала, мама? Почему папа ничего не сказал?

— Энди Томас был полицейским. И мы все равно не смогли бы ничего доказать.

— И что, это все? Вы позволили им избежать наказания, и все?

На этот раз она долго молчит, прежде чем ответить:

— Нет, не все. Энди Томас и его дружки были пьяны и жаждали крови. Я не сомневаюсь, что это они избили отца Мартина до полусмерти, но...

— Но...

— Эти жуткие рисунки мелом и порезы на его спине? Мне все еще трудно поверить, что именно они это сделали.

Ангельские крылья. В моей памяти вспыхивает маленькая татуировка на запястье Никки.

«В память об отце».

И еще кое-что. Она сказала мне кое-что прямо перед тем, как уйти, когда я спросил ее о рисунках: «Папа любил эту церковь. Это — единственное, что он по-настоящему любил. А эти рисунки... Кто-то осквернил его святилище. Плевать на то, что его избили. Его убило именно это».

У меня по спине бегут холодные мурашки.

— Это наверняка сделали они. Кто еще мог?

— Да, наверное, — вздыхает она. — Я плохо поступила, Эд. Зря рассказала обо всем твоему отцу. И промолчала о том, кто на самом деле напал на пастора.

— Поэтому ты навещала его каждую неделю? Чувствовала себя виноватой?

Она снова кивает.

— Может, он не был хорошим человеком, но все заслуживают... прощения.

— Никки его не простила. Она сказала, что навестит его только на похоронах.

— Странно, — хмурится мама.

— И не говори.

— Нет, я имею в виду... странно, потому что она навещала его.

— Что-что?

— Медсестры говорят, что она приходила каждый день в прошлом месяце.

Когда ты взрослеешь, мир резко уменьшается. Ты становишься Гулливером в своем собственном царстве лилипутов. В моей памяти дом Святой Магдалины всегда оставался огромным старым зданием. Гигантским особняком, окруженным акрами зеленых лугов, внезапно выросшим передо мной в конце длинной, обдуваемой ветрами дороги.

Теперь эта же дорога показалась мне короткой, а лужайки вокруг особняка были не больше придорожных газонов, местами заросшие травой, местами облысевшие. И ни одного садовника, который мог бы за ними присматривать. Домик лесника покосился, его дверь распахнута так, что виднеются инструменты и рабочая одежда, висящая на крючке. На той же лужайке, где я повстречался со старушкой в забавной шляпе, стоит кованая садовая мебель на гнутых ножках, брошенная на поругание птицам и стихиям.

Сам особняк кажется мне намного меньше, чем раньше. Белые стены давно надо бы покрасить, старые деревянные рамы — заменить. Он стал похож на своих обитателей. На некую пожилую даму, доживающую последние сумрачные дни.

Я нажимаю на дверной звонок и открываю дверь. Внутри все не так уж изменилось. Стены совсем пожелтели от табачного дыма. Уверен, картины на них те же самые. И запах тот же. Типичный больничный запах. Запах порошка, мочи и протухшей еды.

За стойкой регистрации в углу никого нет. Монитор компьютера мерцает нервным светом. Его блики пляшут на поверхности старого телефона. Журнал посещений лежит у всех на виду. Я подхожу и заглядываю в него. Мой палец скользит по странице. Имена, даты...

Их не очень много. Или у жителей этого дома нет родственников, или, как сказала Хлоя, они разорвали все связи и позволили мыслям о брошенных здесь близких людях медленно утонуть в болоте памяти...

А вот и Никки. Я сразу вижу ее имя. Она приходила сюда на прошлой неделе. Так почему же она солгала?

— Я могу вам помочь?

Я подпрыгиваю и оборачиваюсь. Журнал посещений падает и закрывается.

Передо мной стоит крепко сбитая женщина с жестким лицом и волосами, собранными в гладкий пучок. Она постукивает по стойке длинными фальшивыми ногтями и смотрит на меня, приподняв бровь. Ну, или они только кажутся поднятыми. Может, они просто нарисованы.

— Здравствуйте, — говорю я. — Я... эм-м... хотел вписать свое имя.

— Да ну?

Медсестры обладают тем же рентгеновским зрением, что и мамы, определенно. Она смотрит на меня так, словно хочет сказать: «Не вешай мне лапшу на уши, парень. Я точно знаю, чем ты тут занимался».

— Простите, просто журнал был открыт не на той странице, и...

Она недоверчиво фыркает, поднимает журнал и открывает на сегодняшней странице. Шлепает по ней сиреневым талончиком:

— Напишите имя. Ваше и того человека, которого вы навещаете. И укажите, друг вы или родственник.

— Ладно.

Я беру ручку, вписываю свое имя и имя отца Мартина. Секунду посомневавшись, дописываю «Друг».

Медсестра окидывает меня взглядом:

— Вы уже были здесь раньше?

— Эм-м, обычно моя мать навещает его.

Она вглядывается в меня более пристально.

— Адамс. Ну да, конечно, Марианна. — Выражение ее лица смягчается. — Она славная женщина. Все эти годы она приходит и читает ему каждую неделю. — Медсестра внезапно сдвигает брови. — С ней все в порядке?

— Да. Ну, простудилась немного. Поэтому я и пришел.

Она кивает:

— Пастор в своей комнате. Я как раз собиралась вывезти его на чай. Может, вы это сделаете?

Вообще-то мне не хотелось это делать. А теперь от одной мысли, что я здесь, рядом с ним, и сейчас увижу его, меня передергивает от отвращения. Но выбора нет.

— Да, конечно.

— Прямо по коридору. Дверь пастора — четвертая справа.

— Отлично. Спасибо.

Я медленно иду по коридору, нехотя переставляя ноги. Я пришел сюда не за этим. Я пришел, чтобы узнать, навещала ли Никки своего отца. Точно не знаю зачем. Это казалось мне важным. Но теперь я здесь и сам не понимаю почему. Остается только тянуть эту резину и продолжать игру.

А вот и дверь в комнату пастора. Она заперта. Я уже готов развернуться и уйти. Но что-то — большое любопытство, быть может, — меня останавливает. Я медленно поднимаю кулак и стучу. Не то чтобы я ждал ответа, обычная вежливость. Через секунду я открываю дверь.

Если в основном это заведение всячески старалось казаться чем-то более теплым и уютным, чем пристанище для душевнобольных и неизлечимых людей, то комната пастора явно изо всех сил сопротивлялась этим попыткам.

Она строгая и аскетическая. На стенах — никаких картин, никаких цветов в вазах. Ни книг, ни орнамента, ни статуэток. Только крест над скромной постелью и Библия на тумбочке. На двойном окне — двойное стекло и хлипкий замок, явно не отвечающий стандартам охраны здоровья и безопасности. Из него открывается вид на разросшийся сад, тянувшийся до самой границы леса. Отличный вид — для того, кто в состоянии его оценить. Но точно не для пастора.

Сам пастор — или то, что от него осталось, — сидит в инвалидном кресле перед маленьким телевизором, стоящим в углу. Пульт лежит на ручке его кресла. Но экран телевизора темный.

Сначала мне кажется, что он просто спит, но затем я замечаю, что его глаза широко распахнуты, а взгляд — еще более пустой, чем прежде. Я чувствую себя сбитым с толку. Его губы вяло шевелятся — такое чувство, что он ведет бесконечную беседу с кем-то, кого может видеть и слышать только он. Может быть, с Богом.

Я вынуждаю себя шагнуть в комнату, а затем неуверенно замираю. Это похоже на вторжение, хотя я не уверен, что пастор вообще меня видит. Наконец я неловко подступаю к кровати рядом с ним.

— Добрый день, отец Мартин.

Никакого ответа. Хотя чего я ждал?

— Вы, наверное, меня не помните. Я — Эдди Адамс. Моя мама навещала вас каждую неделю... несмотря на... все.

Тишина. Если не считать глухого скрипучего вздоха. Тут даже часов нет — ничего, что хоть как-то определяло бы ход времени. Но, пожалуй, последнее, что хочется тут видеть, — это напоминание о том, как медленно оно идет. Мне трудно смотреть в стеклянные глаза пастора. Даже несмотря на то, что я взрослый, мне до сих пор от них жутко не по себе.

— Я был ребенком, когда мы виделись в последний раз. Мне было двенадцать. Я друг Никки. Помните ее? Вашу дочь? — Я замолкаю на секунду. — Глупый вопрос. Уверен, вы помните. Где-то... внутри.

Снова замолкаю. Я не собирался с ним беседовать, но теперь, когда я здесь, мне внезапно хочется поговорить.

— Мой отец. У него были проблемы с головой. Не как у вас. Он забывал обо всем. Голова стала как сито. Ничто не задерживалось: ни воспоминания, ни слова, ни он сам. Думаю, с вами дело обстоит наоборот. Все крепко заперто где-то внутри. Но все равно... оно

есть.

Либо так, либо уже стерто, уничтожено и сгнуло навсегда. Но я в это не верю. Наши мысли и воспоминания не исчезают без следа. Папино сознание, быть может, и исчезло, но мы с мамой поддерживали этот огонь так долго, как только могли. Помнили за него. Бережно хранили воспоминания о том времени, которое мы провели вместе.

Но чем старше я становился, тем сложнее мне было все это хранить. Возрождать в памяти события, слова, которые кто-то когда-то говорил. Что люди носили, как выглядели: все это становится таким размытым и далеким. Прошлое тает, тускнеет, как старая фотография, и, сколько бы я ни старался, с этим ничего не поделаешь.

Я снова смотрю на пастора, отскакиваю назад и едва не падаю на пол.

Он смотрит прямо на меня, взгляд серых глаз — ясный и жесткий.

Его губы шевелятся, и с них срывается шепот:

— Покайся.

Меня накрывает волной мурашек.

— Что?

Он внезапно хватается за руку. Для человека, который последние тридцать лет не мог сходить в туалет без посторонней помощи, его хватка удивительно сильная.

— Покайся.

— В чем? Я не...

Но прежде чем я успеваю сказать еще что-то, раздается стук в дверь и я резко оборачиваюсь. Пастор тут же выпускает мою руку.

Медсестра заглядывает в комнату. Уже другая. Стройная блондинка с мягким добрым лицом.

— Здравствуйте, — улыбается она. — Просто хотела убедиться, что у вас тут все хорошо. — Ее улыбка слегка тускнеет. — Все... в порядке?

Я пытаюсь собраться. Последнее, чего бы мне хотелось, — это чтобы она нажала на тревожную кнопку, а меня потом силой выпроводили из помещения.

— Да. Все хорошо. Мы просто... то есть... Я говорил с ним.

Медсестра улыбается:

— Вот и я всегда советую посетителям: разговаривайте с пациентами. Это идет им на пользу. Может, кажется, что они не слушают, но на самом деле они понимают куда больше, чем мы думаем.

Я выдавливаю из себя улыбку:

— Я знаю, о чем вы. У моего отца была болезнь Альцгеймера. Иногда он отвечал, хотя мне казалось, что до него вообще ничего не доходит.

Она сочувственно улыбается:

— Мы многого не знаем о душевнобольных людях. Многого не понимаем. Что бы ни происходило здесь, — она постукивает себя по виску, — сердце-то остается прежним.

Я снова перевожу взгляд на пастора. Все те же стеклянные глаза.

Покайся.

— Может, вы и правы.

— Сейчас подадут чай в общей комнате, — говорит она более жизнерадостным тоном. — Вы с пастором не хотите присоединиться?

— Да. Конечно.

Что угодно, лишь бы выбраться отсюда. Я берусь за ручки кресла и выталкиваю его из

комнаты. Мы идем по коридору.

— Кажется, я не видела вас раньше. Вы уже навещали пастора? — спрашивает медсестра.

— Нет. Моя мама обычно это делала.

— А, Марианна?

— Да.

— Как она?

— Приболела. Простуда.

— О боже! Надеюсь, ей вскоре станет лучше.

Она открывает дверь в общую комнату — я уже был здесь, когда мы с мамой навещали его, — и вкатываю туда кресло. Кажется, это отличная возможность выведать побольше.

— Мама говорила, его навещала дочь?

Медсестра задумывается на секунду:

— Вообще-то, да, я видела, как его навещала какая-то девушка. Худенькая такая, черноволосая?

— Нет, Никки...

Я замолкаю.

И мысленно хлопаю себя по лбу.

Никки сюда не приходила, что бы ни значилось в книге. У пастора была и другая дочь, Хлоя! Хлоя навещала своего отца.

— Да, простите. Наверное, это она.

Медсестра кивает:

— Я не знала, что она его родственница. Извините, мне нужно подавать чай.

— Да, конечно.

Она уходит. Кусочки мозаики тем временем становятся на свои места. Вот куда Хлоя ходила вместо работы. Последний визит был на той неделе. В тот же день она пришла домой пьяная и в слезах, говорила что-то непонятное о семье и прочем.

Но... зачем ей это? Расследование? Или она пыталась наверстать упущенное? Зачем?

Я разворачиваю кресло пастора так, чтобы был виден экран телевизора, где как раз идет старый сериал «Диагноз: Убийство». Господи Иисусе, если кто-то и был более-менее в своем уме до того, как попал сюда, то наверняка окончательно свихнулся, наблюдая изо дня в день за тем, как Дик Ван Дайк и его родственники без конца переливают из пустого в порожнее.

Но затем кое-что еще привлекает мое внимание. Фигура, которая стоит на улице за стеклянными дверями, позади телевизора и больных, пускающих слюни в своих креслах.

Дама из Сада. Та самая, которая пыталась рассказать мне секрет. Но ведь это произошло почти тридцать лет назад. Поверить не могу, что она все еще жива! Хотя почему бы и нет, ей тогда и шестидесяти не было. Но все равно, ей должно быть уже за девяносто.

Подталкиваемый любопытством, я открываю дверь и выхожу к ней. На улице холодно, но солнце все же льет на землю слабое нежное тепло.

— Мэм?

Дама из Сада оборачивается. Ее глаза — молочно-белые, покрытые катарактой.

— Фердинанд?

— Нет, меня зовут Эд. Я однажды был здесь. Очень давно. Я приходил со своей мамой.

Она наклоняется ко мне и щурится. Ее глаза исчезают в мелких коричневых складках

кожи, похожей на старый мятый пергамент.

— Я помню тебя. Ты — тот мальчишка. Воришка.

Наверное, мне нужно отрицать это, но какой смысл?

— Да, это я.

— Ты вернул все на место?

— Да.

— Вот и молодец.

— Я могу присесть? — Я указываю на свободный стул рядом с ней.

Она сомневается секунду, но потом все-таки кивает:

— Но только на минутку. Скоро придет Фердинанд.

— Да, конечно.

Я опускаюсь на стул.

— Ты пришел повидаться с ним? — спрашивает она.

— С Фердинандом?

— Нет. — Она печально качает головой. — С его преподобием.

Я оглядываюсь на него. Он все так же сидит в кресле.

Покайся.

— Да. Вы тогда сказали мне, что он всех здесь дурачит. Что вы имели в виду?

— Ноги.

— Прошу прощения?

Она наклоняется ко мне и хватается за ногу крепкой костлявой лапой. Я вздрагиваю. Я и в лучшие времена не очень-то любил, когда меня начинали лапать. А сегодня явно не лучший день для этого.

— Мне нравятся мужчины, у которых такие ноги, — говорит она. — Например, Фердинанд. У него отличные ноги. Сильные. Крепкие.

— Понятно. — На самом деле нет, но, похоже, лучше просто согласиться. — Так что насчет пастора?

— Пастора? — Ее лицо снова затуманивается, ясность тает. Я прямо вижу, как ее сознание улетучивается из настоящего и переносится в прошлое. Она выпускает мою ногу и в упор смотрит на меня. — Ты кто? Почему ты сидишь на стуле Фердинанда?

— Простите. — Я поднимаюсь. Ногу немного покалывает после ее хватки.

— Иди и найди Фердинанда. Что-то он опаздывает.

— Обязательно. Был очень... рад... снова с вами повидаться.

Она небрежно взмахивает рукой. Я возвращаюсь в дом. Та же медсестра, которую я видел за стойкой, вытирает кому-то рот. Она поднимает взгляд.

— Не знала, что вы знакомы с Пенни, — говорит она.

— Мы виделись, когда я приходил со своей матерью много лет назад. Удивлен, что она все еще здесь.

— Ей девяносто восемь, и она очень крепкая.

Крепкие ноги.

— По-прежнему ждет Фердинанда?

— О да.

— Думаю, это и есть настоящая любовь. Ждать жениха столько лет.

— Да, наверное. — Медсестра выпрямляется и улыбается. — Вот только ее покойного жениха звали Альфред.

Я быстро иду домой. Мог бы проехаться, но приют Святой Магдалины всего в тридцать минутах ходьбы от города, а мне хотелось немного проветрить мозги. Хотя, честно говоря, у меня это не выходит. Отдельные слова и фразы все еще кружатся у меня в голове, как снежинки в стеклянном шаре.

Покайся. Крепкие ноги. Вообще-то ее покойного жениха звали Альфред.

Я чувствую, что упускаю что-то. Оно виднеется под слоем снега. Но я не могу расчистить сугробы в голове и как следует это рассмотреть.

Поднимаю воротник пальто. Солнце скрылось за серыми тучами, и сумерки уже подкрадываются — тень за плечами дневного света.

Знакомый пейзаж кажется чужим. Я сам чувствую себя здесь чужим. Как будто я долгое время смотрел на мир под неправильным углом. Смотрел, но не всматривался. Теперь все кажется более жестким и острым. Такое чувство, что если я коснусь листьев на деревьях, они порежут мне ладонь.

Я прохожу мимо границы леса. Точнее, раньше это была граница леса, теперь здесь чья-то частная собственность. Ловлю себя на том, что постоянно оглядываюсь назад и вздрагиваю от каждого порыва ветра. Людей почти нет, только мужчина, выгуливающий лабрадора, и какая-то молодая мамаша, толкающая коляску в сторону автобусной остановки.

Хотя это не совсем так. Пару раз мне казалось, что я вижу краем глаза, как кто-то крадется позади, скрываясь в тени: кожа, белая, как слоновая кость, черная шляпа, белые как снег волосы.

Наконец я добираюсь до дома. Я напряжен, как никогда, мне тяжело дышать, я весь обливаюсь потом, несмотря на то что на улице довольно холодно. Деревянными пальцами хватаюсь за дверную ручку. Все-таки надо позвонить мастеру и поменять замок. Черт, мне нужно выпить. Много. Я ступаю в прихожую и замираю. Кажется, я слышал какой-то звук. Хотя, быть может, это просто ветер или обычные домашние шорохи. И все же... я осматриваюсь... Что-то определенно не так. В доме что-то не так. Что-то изменилось. И запах. Смутный, неясный аромат ванили. Запах женщины.

Как странно. И еще дверь на кухню. Почему она открыта? Разве я не закрыл ее перед уходом?

— Хлоя?

Тишина. Ну конечно. Что за идиот! Все дело в нервах, да, вот в чем беда. Они натянуты, как струны на скрипке Страдивари. Я кладу ключи на столик...

А затем подпрыгиваю чуть ли не до потолка, потому что из кухни доносится знакомый насмешливый голос:

— Ты вовремя.

Распущенные волосы струятся по ее плечам. Она теперь блондинка, и ей не идет. На ней джинсы, «конверсы» и старый свитер с логотипом «Фу Файтерс».^[28] На лице — ни следа привычного макияжа. Она совсем не похожа на мою Хлою. Хотя, наверное, никогда и не была...

— Новый образ?

— Просто захотелось перемен.

— Мне больше нравилось так, как было раньше.

— Знаю. Сочувствую.

— Да не стоит.

— Я не хотела сделать тебе больно.

— Мне не больно. Я зол.

— Эд...

— Нет. Не надо. Назови мне хотя бы одну причину, по которой я не должен прямо сейчас вызвать полицию.

— Потому что я ничего плохого не сделала.

— Ты следила за мной. Подбрасывала письма. И это убийство...

— Убийство?

— Ты следила за Майки до реки той ночью, а потом столкнула его в воду?

— Господи, Эд! — Она встряхивает головой. — Да зачем мне убивать твоего Майки?

— Вот ты мне и скажи.

— Ага, то есть это, по-твоему, как раз тот момент, когда я должна признаться во всем, как в дешевом детективе?

— А разве не за этим ты вернулась?

Она игриво приподнимает бровь:

— Ну, вообще-то я джин в холодильнике забыла.

— Ага, конечно.

Она достает бутылку «Бомбейского сапфира».^[29]

— Тебе налить?

— Глупый вопрос.

Она разливает джин по двум стаканам, садится напротив и поднимает свой.

— Будем?

— За что пьем?

— За правду.

Покайся.

Делаю глубокий глоток. Вообще-то я люблю джин, но сейчас с удовольствием выхлебал бы бутылку метамфетамина.

— Ладно. Тогда ты начинай. Почему ты приехала сюда и решила поселиться у меня?

— Может, меня просто старики заводят.

— Я знаю одного старика, который еще совсем недавно был бы счастлив это услышать.

— А сейчас?

— Сейчас с меня хватило бы и простой правды.

— Ладно. Примерно год назад твой приятель Майки вышел со мной на связь.

— Майки? — Этого я не ожидал. — Но зачем? Как он вообще тебя нашел?

— Он не меня нашел, а мою маму.

— Я думал, она умерла.

— Нет. Это то, что я сказала Никки.

— М-м. Снова ложь. Ка-ак неожиданно!

— А может, она и правда мертва, кто знает. Мамаша из нее была никудышная. Я полдетства провела, болтаясь где попало.

— А я думал, она была набожной женщиной и обрела Господа.

— О да, обрела. Обрела бухлишко, травку и толпу козлов, которые снабжали ее водкой и порошком.

— Мне жаль.

— Забей. Она быстро растрепала Майки, кто мой настоящий папаша. Наверное, бутылка «Смирнофф» помогла. Ну, или полбутылки...

— А потом Майки нашел и тебя, да?

— Ага.

— А ты знала, кто твой отец?

Она кивает:

— Много лет назад маман надралась и обо всем рассказала. Да и насрать. Он просто кончил в нее, и все. Досадный ляп. Но встреча с Майки разворошила мое любопытство. К тому же он сделал мне интересное предложение. Если бы я помогла ему с исследованиями для его книги, он бы подкинул мне баблишка.

Болезненное дежавю.

— Как знакомо.

— Ну да. Но, в отличие от тебя, я настояла на том, чтобы мне заплатили вперед.

Я печально усмехаюсь:

— Не сомневаюсь в этом.

— Слушай, мне и самой это не по кайфу, но я как-то смогла убедить себя, что мне это нужно — узнать о своей настоящей семье и все такое.

— Да и деньги не помешали бы, правда?

Выражение ее лица становится более напряженным.

— Что ты хочешь от меня услышать, Эд?

Точно не это. Я хочу, чтобы все это оказалось каким-то нелепым кошмаром. Но реальность всегда хуже и безжалостнее кошмаров.

— Итак, Майки заплатил тебе буквально за то, чтобы ты шпионила за мной и за Никки. И зачем?

— Он сказал, что из тебя легче будет что-то вытянуть. Да и... декорации для книги.

Декорации. Думаю, именно этим мы всегда и были для Майки. Не друзьями, нет. Просто гребаными декорациями.

— А затем Никки обо всем узнала и дала тебе пинок под зад, верно?

— О да.

Вот только она и так собиралась съехать. И уже нашла работу в Эндерберри.

— И тут оказалось, что у меня здесь как раз есть свободная комната. Как удачно!

Даже слишком удачно. Мне всегда было интересно, почему тот нервный парнишка-медик в самый последний момент передумал въезжать и попросил отдать ему аванс. Но теперь у меня появилась догадка.

— Что случилось с другим арендатором?

Она скользит пальцем по ободку стакана.

— Возможно, он выпил пару рюмок в баре вместе с молодой красоткой, которая могла случайно сказать ему, что ты — старый пидарас, который обожает студентов-медиков и что ему придется запирать свою спальню на ночь.

— Дядюшка Монти, ^[30] мать его.

— Вообще-то я оказала тебе услугу. Он такой придурок!

Я встряхиваю головой. Нет большего дурака, чем престарелый дурак. Ну или почти престарелый. Я сам беру бутылку и наливаю себе полный стакан. И выпиваю сразу половину.

— А что насчет писем?

— Я их не посылала.

— А кто тогда посылал?

Но я и сам догадываюсь, еще до того, как она отвечает.

— Это был Майки, не так ли?

— Бинго. Гран-при.

Ну конечно. Разворошить прошлое, напугать нас — все это работа Майки.

Но, похоже, его шутка обернулась против него.

— Ты его не...

— Ну конечно нет. Господи, Эд! Ты и правда думаешь, что я могу кого-то убить?

Пауза.

— Но ты прав. Я действительно пошла за ним в ту ночь.

Кое-что внезапно вспыхивает у меня в голове.

— Так это ты взяла мое пальто?

— Да холодно же было. Просто схватила его и пошла.

— Зачем?

— Ну, оно неплохо на мне смотрелось и...

— Зачем ты пошла за Майки?

— Ты мне, наверное, не поверишь, но я просто устала врать. Я подслушала ваш треп и очень разозлилась. Вот и поперлась за ним. Хотела сказать, что с меня хватит.

— И что случилось потом?

— Он посмеялся надо мной. Обозвал меня твоей мелкой шалавой и сказал, что с удовольствием добавит это в книгу «для колорита».

Старый добрый Майки.

— Я дала ему пощечину, — продолжает она. — Прямо по роже вмазала. Наверное, сильнее получилось, чем я планировала. Я ему весь нос расквасила. Он выругался, бросился ко мне, а потом споткнулся и...

— Упал в реку?

— Понятия не имею. Я не видела. Но я его не толкала.

— А пальто?

— Ну, оно было грязным, да еще и в крови Майки. Я не могла просто взять и повесить его на вешалку, поэтому засунула к тебе в шкаф.

— Вот спасибо.

— Я не думала, что ты егохватишься, думала, что потом потихоньку вытащу его и почищу, когда все уляжется.

— Ну что ж, звучит очень убедительно.

— Я пришла не за тем, чтобы убеждать тебя, Эд. Верь во что хочешь.

По правде говоря, я действительно ей верил. Но, конечно, это оставляло открытым вопрос о том, что на самом деле случилось с Майки.

— Почему ты сбежала?

— Подруга из магазина позвонила и сказала, что ты заходил, искал меня. Я поняла, что, раз ты узнал о Никки, значит, скоро узнаешь, что я тебе лгала. После этого я уже не смогла бы спокойно смотреть тебе в глаза.

Я опускаю взгляд в стакан:

— И тогда ты решила просто взять и сбежать?

— Но я же вернулась.

— За джином?

— Не только за джином. — Ее ладонь накрывает мою. Ее ногти — черные, лак облупился. — Не все было ложью, Эд. Ты правда мой друг. В ту ночь, когда я напилась, я собиралась во всем тебе признаться.

Хотелось бы мне убрать руку, но я не такой гордый. Так что я позволяю ее прохладным бледным пальцам немного полежать на моих, но затем она сама прячет руку в карман.

— Слушай. Я знаю, что не смогу все исправить, но надеюсь, это хоть чуть-чуть поможет.

Она кладет на стол маленький черный блокнот.

— Это что?

— Записная книжка Майки.

— Как она попала к тебе?

— Стащила из его пальто, когда он был тут.

— А ведь я почти поверил в твою честность.

— Я и не говорила, что во всем честна. Я сказала, что не все было ложью.

— И что в ней?

Она пожимает плечами:

— Я не особенно вчитывалась. Мне там многое непонятно, но, думаю, ты-то поймешь.

Я перелистываю страницы. У Майки почерк едва ли разборчивее, чем у меня. Тут даже предложений как таковых нет. В основном какие-то заметки, мысли, имена (и мое тоже). Я закрываю блокнот. Он может быть одновременно и очень важной, и совершенно бесполезной вещью, но лучше я разберусь с этим потом, в одиночестве.

— Спасибо, — говорю я.

— Пожалуйста.

Мне нужно узнать еще кое-что.

— Зачем ты навещала отца? Какое это имеет отношение к Майки и его блокноту?

Она удивленно смотрит на меня:

— Что, уже провел маленькое расследование?

— Да. Немного.

— Н-да. В общем, к Майки это отношения не имеет. Это было нужно мне. Смысла никакого, ясное дело. Он, мать его, и понятия не имел, кто я. Но это ведь и к лучшему, да?

Она встает и поднимает с пола рюкзак. К нему привязана палатка.

— Что, денег Майки не хватило на пятизвездочный отель?

— Даже на «Трэвелодж». — Она бросает на меня прохладный взгляд. — Чтобы ты знал,

я собиралась оплатить ими год в колледже.

Хлоя закидывает рюкзак на спину. Под его тяжестью она сама кажется маленькой и хрупкой. Несмотря на это, я говорю ей:

— С тобой ведь все будет хорошо?

— Пара ночей в лесу еще никому не повредила.

— В лесу? Ты серьезно? Не хочешь поселиться в хостеле?

Она странно смотрит на меня:

— Все нормально. Я уже так делала.

— Это же опасно.

— Боишься, что на меня нападет большой серый волк? Или старая ведьма затащит меня в свой пряничный домик?

— Давай, давай, издевайся.

— Такая работа. — Она идет спиной к двери. — Увидимся, Эд.

Мне стоит что-то ей сказать. Ага, мечтай. Даже если ты и попадешься мне на глаза, никогда об этом не узнаешь. Сказать ей хоть что-нибудь и правильно поставить точку в наших отношениях.

Но я этого не делаю. Момент упущен — срывается с ветки и падает в кучку других потерянных возможностей. Все эти «должен» и «мог бы» давно прогрызли гигантскую дыру у меня в душе.

Входная дверь с грохотом закрывается. Я допиваю последние капли. В бутылке тоже пусто. Я встаю, беру непечатую бутылку бурбона и наполняю стакан. А затем снова сажусь и открываю блокнот. Я просто бегло просмотрю его, и все. Но еще четыре стакана спустя я уже ловлю себя на том, что внимательно читаю. Честно говоря, Хлоя права: большая часть всего этого не имеет никакого смысла. Какой-то поток сознания: мысли, догадки, признания, по большей части — бессвязный бред. К тому же стиль у Майки еще хуже, чем почерк. Но все же я снова и снова возвращаюсь к странице, в конце которой написано:

Кто желал смерти Элайзе?

Меловой Человек? Никто.

Кто хотел навредить отцу Мартину?

Все!! Подозреваемые: отец Эда, мама Эда, Никки, Ханна Томас? Она беременна от него. Отец Ханны?

Ханна?

Ханна — отец Мартин. Элайза — мистер Хэллоран. Связь?

Никто не хотел навредить Элайзе — важно!

ВОЛОСЫ.

Что-то зудит у меня в памяти, но я не могу до этого дотянуться. В конце концов я захлопываю блокнот и отбрасываю его подальше. Уже так поздно, и я так пьян. Никто еще не находил ответ на свои вопросы на дне бутылки. Хотя дело же не в этом. Люди пьют не для того, чтобы найти ответы, а для того, чтобы забыть вопросы.

Я выключаю свет и бреду наверх. Но на полпути передумываю, возвращаюсь на кухню и забираю блокнот Майки. По пути захожу в туалет, а затем бросаю блокнот на тумбочку и валяюсь на кровать. Надеюсь, бурбон отключит мой мозг до того, как меня накроет сон. Это важно. Пьяный сон не похож на обычный. Тебя прибывает к скалам бессознательного. Настоящий сон укачивает тебя нежно и наполняет голову видениями...

А потом ты просыпаешься.

Мои глаза открыты. Это не обычное медленное, неторопливое пробуждение, о нет. Мое сердце колотится, тело — липкое и холодное от пота, такое чувство, будто в каждый глаз вставили по монетке. Меня что-то разбудило. Нет. Не так. Что-то вырвало меня из сна и вернуло в реальность.

Я оглядываю комнату. Она пустая, хотя, по сути, ни одна комната не может быть пустой в темноте. Тени прячутся по углам и выплескиваются на пол, волнуются и плещутся. Но не это меня разбудило. Такое чувство, будто всего несколько секунд назад кто-то сидел на краешке моей постели.

Я поднимаюсь. Дверь в спальню открыта настежь. Я точно помню, как закрывал ее перед тем, как лег в постель. Коридор залит бледным лунным светом, сочащимся из окна в потолок. Кажется, сегодня полнолуние. Надо же, как вовремя. Я спускаю ноги с кровати, несмотря на то, что рациональная струна у меня в голове, та, которая остается натянутой даже во сне, звенит вовсю и кричит мне, что это плохая идея, очень, очень плохая идея, может, даже наихудшая! Мне нужно проснуться. Немедленно. Но я не могу. От этого сна не очнуться.

Такие сны, как и многое другое в жизни, нужно пройти от начала до конца. Даже если и правда проснулся, сон все равно вернется. Они всегда возвращаются, пока ты не докопаешься до их гнилого дна и не вырвешь гниль с корнем.

Я засовываю ноги в тапки и набрасываю халат. Крепко затягиваю пояс и выхожу на лестницу. Смотрю вниз. На полу грязь. И еще кое-что.

Листья.

Я быстро спускаюсь по лестнице, пересекаю холл и захожу на кухню. Задняя дверь открыта. Холодные пальцы уличного воздуха стискивают мои голые лодыжки. Но в остром свежем ночном воздухе я чую еще кое-что: мерзкую сырую вонь разложения. Я инстинктивно зажимаю рот и нос рукой и опускаю взгляд. На темной плитке кухонного пола нарисован человечек — меловая ручка указывает прямо на дверь. Ну конечно. Меловой человечек укажет путь. Прямо как прежде.

Я жду еще пару мгновений, окидываю полным сожаления взглядом кухню, а затем выхожу во двор.

Но попадаю не на парковку. Сон выдергивает меня совсем в другое место. Я в лесу. Вокруг шепчут тени, деревья постанывают и скрипят, ветки размешивают притаившиеся в темноте кошмары...

У меня в руке фонарик. Не помню, чтобы я его брал с собой. Его свет выхватывает какое-то движение на земле. Я иду вперед, стараясь не обращать внимания на бешено бьющееся сердце, и пытаюсь концентрироваться на том, как мои ноги погружаются в рыхлую землю. Не знаю, как долго я бреду, кажется, что долго, но на самом деле могло пройти всего несколько секунд. Однако у меня такое чувство, будто я уже совсем рядом. Но с чем?

Я останавливаюсь. Неожиданно лес становится реже. Я выхожу на маленькую лужайку. Я ее знаю. Это та же лужайка, с которой все и началось много лет назад...

Я оглядываюсь кругом, подсвечивая фонариком. Полянка пуста, если не считать нескольких кучек листьев. И это не шуршащие яркие листочки. Эти уже мертвы, они свернулись, сгнили и почернели. С ужасом я понимаю, что листья шевелятся. Каждый листок трясется, как в припадке.

— Эдди-и-и-и! Эдди-и-и-и!

Но это не Шон Купер. И даже не мистер Хэллоран. Сегодня у меня другая компания. Женская.

Из первой кучки листьев высовывается бледная рука — она похожа на лапу какой-то ночной твари, вышедшей из спячки. У меня в горле застревает крик.

Из другой кучи внезапно выпрыгивает нога и зарывается в почву розовыми пальцами. Нога, шаркая, подбирается к окровавленному пню и вспрыгивает на него. Наконец, последняя куча извергает голый человеческий торс — он падает на землю, катится, а затем ползет ко мне, точно гигантская человекоподобная гусеница.

Но кое-чего все же не хватает. Я осматриваюсь. Рука неспешно ползет к самой дальней куче. Сначала исчезает внутри, а затем медленно, почти величественно вынимает из листьев за волосы голову с обезображенным лицом.

«Он отрезал ей руку», — шепчет голос у меня в голове, как будто это — крайне важная деталь в гротескной мозаике.

Мой мочевого пузырь, переполненный бурбоном, расслабляется, и теплая моча струится по ноге под пижамной штаниной. Но я едва обращаю на это внимание. Все, что я вижу, — как ее голова катится ко мне по земле, опутанная собственными волосами. Я отступаю, цепляюсь ногой за корень и падаю навзничь.

Пальцы внезапно хватают меня за лодыжку. Я не могу кричать — мое горло парализовано, связки не слушаются. Рука и голова украдкой подбираются все ближе ко мне, вскарабкиваются по мокрой промежности и устраиваются на животе.

— Эдди... — шепчет голова. — Эдди-и-и...

Пальцы впиваются мне в живот. Голова неторопливо приподнимается. Я жду, затаив дыхание, когда ее обвиняющий взгляд встретится с моим.

«Покайся», — снова вспоминаю я.

Покайся.

— Прости меня... мне так жаль...

Пальцы нежно сжимают мой подбородок и гладят губы. И тут я кое-что замечаю. Ногти. Они черные.

Что-то не так. Что-то не так!

Она отбрасывает с лица осветленные недавно волосы, перепачканные кровью из разорванной шеи.

И тут я все понимаю.

Я просыпаюсь в куче постельного белья на полу рядом с кроватью. Мой копчик ноет — кажется, я крепко ударился. Я лежу, задыхаясь, и позволяю реальности медленно наполнить мое сознание. Вот только это не работает. Я все еще там, во сне. Вижу ее лицо, чувствую ее пальцы на своих губах. Я зарываюсь пальцами в волосы и распутываю колтун. Опускаю взгляд. Манжеты моей пижамы и тапочки все в грязи и гнилых листьях. В воздухе витает кислая вонь мочи.

Я сглатываю ком в горле.

Мне нужно переварить и понять кое-что еще, и побыстрее, до того, как этот паук успеет выползти из моей головы.

Я заставляю себя подняться на ноги, залезаю на кровать и хватаю с тумбочки блокнот Майки. Судорожно пролистываю, пока не добираюсь до последней страницы. Разглядываю каракули Майки. И тут у меня в мозгу кое-что вспыхивает с поразительной ясностью. Я прямо слышу щелчок, с которым включилась лампочка у меня в голове.

Так бывает, когда смотришь на оптическую иллюзию, и, как бы ни старался, все, что ты видишь, — это сплошные точки и извилистые линии. А затем ты чуть-чуть поворачиваешь голову и скрытый рисунок расцветает у тебя перед глазами. Четкий и ясный как день. И как это ты не замечал его раньше? Очевидно до смешного!

Вот так и я. Все это время я смотрел на ситуацию под неправильным углом. Как и все. Возможно, потому, что в мозаике недоставало решающего кусочка. А может, потому, что на всех фотографиях, во всех газетах и сводках новостей показывали Элайзу до происшествия на карусели. Именно она стала Элайзой, Девушкой из Леса.

Но это было не так. Это была не та девушка, чью красоту столь жестоко уничтожили. Не та девушка, которую пытались спасти мы с Хэллораном.

И, что самое важное, вовсе не Элайза недавно решила, что наступило время перемен. Не та девушка, которая покрасила волосы. Другая, которая была ни капли не похожа на Элайзу.

«Никто не хотел навредить Элайзе — важно. ВОЛОСЫ».

В возрасте девяти или десяти лет я был страстным поклонником сериала «Доктор Кто». ^[31] Но к тому времени, как мне исполнилось двенадцать, сериал стал ужасно глупым и бестолковым. По-моему, все покатило к чертям, когда Питер Дэвисон регенерировал в Колина Бейкера, а тот и вполтину не был таким крутым, носил идиотский пестрый пиджак и цветастый галстук.

Так или иначе, до того момента я сходил с ума буквально от каждой серии. Особенно той, с далеками, когда они в итоге так и не сказали, чем все закончится. Кажется, это называется «открытый финал».

И он оказался намного круче, чем обычный финал, которого я ждал целую неделю. В первом эпизоде Доктор часто оказывался в смертельной опасности: то он был окружен далеками, которые хотели его убить, то оказывался на корабле, который грозил вот-вот взорваться, или сталкивался лицом к лицу с жутким монстром. В общем, в безвыходной ситуации.

Но обычно ему удавалось, по словам Толстяка Гава, «эпично свинтить». Он всегда находил какую-нибудь лазейку, или его неожиданно спасал Ю.Н.И.Т. ^[32] Или он пускал в ход свою звуковую отвертку, короче говоря, так или иначе выживал. И как бы мне ни нравилось это, я все равно чувствовал себя капельку разочарованным. Как будто меня обманули. Странное дело.

Ведь в реальной жизни так не бывает. От ужасной судьбы не сбежать с помощью звуковой отвертки или специальной кнопки самоуничтожения, как у киберлюдей. ^[33] Такое в реальности не работает.

И все же с того самого момента, как я узнал о смерти мистера Хэллорана, мне очень хотелось, чтобы у меня появилась именно такая возможность. Все изменить, исправить так, чтобы мистер Хэллоран остался жив. Чтобы он каким-то образом вернулся и сказал всем: «Вообще-то я живой. Я этого не делал. Вот как все было в действительности...»

Наверное, проблема заключалась в том, что конец нашей истории казался мне каким-то неправильным. Плохим. Какой-то антиразвязкой. Мне не давало покоя чувство, что все должно было сложиться по-другому. К тому же кое-что меня постоянно смущало. Если бы мы говорили о «Докторе Кто», я бы назвал это «сюжетными дырами». Писатели и сценаристы всегда надеются, что ты их не заметишь, но ты все-таки замечаешь. Даже когда тебе двенадцать. Точнее, особенно в двенадцать. В этом возрасте на любой обман ты реагируешь очень болезненно.

То есть в конце концов все сошлось на мысли, что мистер Хэллоран был просто чокнутым, — как будто это все объясняло. Но даже если ты чокнутый, даже если ты — шестифутовая ящерица из «Доктора Кто», у тебя должен быть хоть какой-то мотив...

Однако, когда я сказал об этом остальным, то есть Толстяку Гаву и Хоппо (несмотря на все пережитое в лесу, мы с Майки все равно не помирились и нечасто общались), Гав просто покрутил пальцем у виска и заявил:

— Он сделал это, потому что у него кукушка поехала, старина. Шарик за ролик зашли. Крыша протекла. Он был психом. Полноценным членом Клуба Шизиков.

Хоппо помалкивал, особенно когда Толстяк Гав здорово разошелся и дело чуть было не дошло до ссоры. Но потом тихо добавил:

— Может, у него и были причины. Может, мы не можем понять их, потому что думаем по-другому.

Наверное, все дело было в том, что я не мог избавиться от чувства вины. А все из-за этого дурацкого кольца.

Если бы я не оставил его там в тот день, никто бы и не считал мистера Хэллорана виноватым. То есть нет, считали бы, конечно, ведь он наложил на себя руки. Но если бы не кольцо, на него не стали бы так поспешно вешать это преступление. И не закрыли бы дело так быстро. Попытались бы найти новые улики. Например, орудие убийства. Или голову.

Я не мог найти ответ, который меня бы устроил. Все эти вопросы, все эти сомнения... Но в конце концов я запрятал их подальше, как прячут старые игрушки. Хотя я не думаю, что от подобного можно так просто избавиться.

Время шло, и события того лета стали потихоньку таять и испаряться. Нам исполнилось четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать. Все наши мысли заполнили экзамены, гормоны и девчонки.

Правда, у меня тогда на уме было совсем другое. Папа заболел. Жизнь встала на мучительно знакомые рельсы, по которым грозила катиться ближайšie несколько лет. Днем — учеба и работа, вечером — попытки смириться с гибелью папиного рассудка и маминой беспомощностью. Это стало нормой.

Толстяк Гав начал встречаться с симпатичной пухленькой девушкой по имени Шэрил. А еще — худеть. То есть наоборот. Он стал меньше есть и больше ездить на велосипеде. Он даже вступил в секцию бегунов и, хотя поначалу беспощадно над ними смеялся, бегал все быстрее с каждым днем, и постепенно его вес стал уходить. Он как будто выбирался из скорлупы. Думаю, так оно и было. Вместе с лишним весом уходила его беспардонность и иссякал поток дурацких шуток. Они сменились какой-то новой, незнакомой доселе серьезностью. В нем появился стержень. Он меньше прикалывался, больше читал, а если не читал и не учился, проводил время с Шэрил. Как и Майки до него, он стал потихоньку отдаляться. И вот нас осталось двое: Хоппо и я.

Я тоже встречался с девчонками, но все это было не очень серьезно. А еще так же несерьезно влюблялся, например в преподавательницу английского языка, женщину с длинными темными волосами и невероятными зелеными глазами. Мисс Бэрфорд.

А Хоппо, ну... он никогда особенно не заморачивался насчет девчонок, до тех пор, пока не встретил Люси. Ту самую Люси, которая в конце концов изменила ему с Майки и стала причиной драки на той вечеринке, куда я не попал.

Хоппо тяжело переживал разрыв. Очень тяжело. Будучи еще почти ребенком, я совсем не мог этого понять. То есть да, она была довольно симпатичная, но ничего особенного собой не представляла. Она походила на мышку: прямые темные волосы, очки. И одевалась она странно. Носила длинные юбки, тяжелые ботинки и аляповатые футболки. Короче говоря, все это хипповское дерьмо.

И только спустя долгое-долгое время я понял, что она была похожа на мать Хоппо.

Они ладили и очень подходили друг другу. Им нравилось одно и то же, хотя мне казалось, что в отношениях всегда приходится идти на компромисс и привыкать к тому, что нравится твоему партнеру, чтобы его порадовать. Даже если тебя от этого воротит.

То же самое и с друзьями. Меня воротило от Люси, но я делал вид, что она мне нравится, — ради Хоппо. В то время я встречался с девчонкой, которая была младше меня на год. Ее звали Энджи. У нее были волнистые вытравленные светлые волосы и довольно-таки

изящная фигурка. Я не был в нее влюблен, но она мне нравилась, и с ней было довольно просто. Нет, не в том смысле, хотя, честно говоря, и недотрогой ее не назовешь. Просто она ничего не требовала. Учитывая то, что творилось в моей жизни, — папа и все такое, — именно в этом я и нуждался.

Несколько раз мы с ней ходили на парные свидания с Хоппо и Люси. Нельзя сказать, что Энджи и Люси имели много общего, но Энджи была приветливой, милой девушкой и легко находила общий язык с людьми. Здорово то, что рядом с ней мне не приходилось также притворяться милым и пытаться найти с ними общий язык.

Мы побывали в кино, потом в пабе, но затем — это как раз был выходной — Хоппо вздумалось немного изменить программу.

— Давайте сходим на ярмарку, — предложил он.

Мы тогда как раз сидели в пабе. Но не в «Быке». Отец Толстяка Гава ни за что не согласился бы продать нам выпивку. Это был паб в городском отеле «Уитчиф». Его владельцу было плевать на то, что нам всего шестнадцать.

На дворе был июнь, так что мы сидели на улице, на заднем дворе — крошечном пятачке, заставленном скрипучими деревянными столами и скамеечками.

Люси и Энджи с удовольствием согласились. Я промолчал. Я не был на ярмарке с того самого ужасного дня. Не могу сказать, что я намеренно избегал ярмарок и парков развлечений, мне просто не хотелось туда ходить.

Нет, вру. Мне было страшно. Я отменил поездку в «Торп-парк» прошлым летом, сославшись на расстройство желудка, и это была почти правда. Каждый раз, когда я думал о подобных развлечениях, мой желудок сводило спазмом. А перед глазами возникала Девушка с Карусели — я снова видел, как она лежит на земле рядом с собственной оторванной ногой и прелестным, но смятым в лепешку лицом.

— Эд? — Энджи сжала мое бедро. — Что скажешь? Пойдем завтра на ярмарку? — А затем шепнула мне на ухо чуть пьяным голосом: — Если пойдем, я позволю тебе кое-что в «Призрачном поезде».

Идея была заманчивой. До этого Энджи позволяла мне «кое-что» только в скучной обстановке моей комнаты. Я выдавил из себя улыбку:

— Ага. Хорошая идея.

Ничего хорошего в ней не было, но я не хотел, чтобы меня считали трусом: Энджи и даже Люси, которая как раз смерила меня странным взглядом. Мне он не понравился. Как будто она знала, что я вру.

В тот день на ярмарке было очень жарко. Прямо как тогда. Энджи сдержала свое слово. И хотя я не получил того удовольствия, на которое рассчитывал, после «Призрачного поезда» мне было трудновато ходить. Но эффект довольно быстро испарился, когда я увидел, где мы оказались. Прямо возле карусели.

Почему-то до этого я не обращал на нее внимания. Может, потому, что ее загораживала ярмарочная толпа, или потому, что все мое внимание было сосредоточено на крошечной обтягивающей мини-юбке Энджи и на том, что скрывалось под ней.

А теперь я стоял, как парализованный, и смотрел на бегущих по кругу лошадок. Музыка «Бон Джови» рвалась из скрытых где-то динамиков. Девчонки пищали от восторга. Карусель кружилась и кружилась...

«Кричи, если хочешь быстрее...»

— Эй! — Хоппо выглянул у меня из-за плеча и перехватил мой взгляд. — Ты в порядке?

Я кивнул, потому что не хотел выглядеть тряпкой перед девчонками.

— Ага.

— Тогда, может, пойдём на карусель? — спросила Люси, обвив руками шею Хоппо.

Это прозвучало совершенно нейтрально, но я до сих пор уверен, что она не просто так это предложила. Как-то неискренне. Как-то лукаво. Как будто она что-то знала. И получала удовольствие, испытывая меня.

— Я думал, мы собирались пойти на «Метеорит», — сказал я.

— Можем и потом. Да ладно, Эдди, будет весело.

Кстати, меня просто передергивало, когда она называла меня Эдди. Это детское имя. Мне было шестнадцать, и мне нравилось, когда меня называли Эдом.

— Просто мне кажется, что карусель — это отстой. — Я пожал плечами. — Но если хотите — пожалуйста, давайте поболтаемся, мне плевать.

Она улыбнулась:

— А ты что скажешь, Энджи?

Я знал, что она ответит, знала и Люси.

— Если все «за», то и я тоже.

Как же мне хотелось, чтобы она отказалась! Чтобы у нее имелось свое мнение и хоть какой-то стержень. Чтобы она не была такой безвольной.

— Отлично. — Люси широко улыбнулась. — Пошли!

Мы подошли к карусели и встали в конце маленькой очереди. Мое сердце билось, как сумасшедшее. Ладони вспотели. Я боялся, что меня вот-вот вырвет, — уже чувствовал позывы, а ведь мы еще даже не сели на карусель.

Люди слезли с лошадок. Я помог Энджи сесть — пытался быть джентльменом. А потом поставил ногу на хлипкую деревянную платформу и замер. Кое-что привлекло мое внимание — крошечное движение на периферии, но я все же обернулся.

Возле «Призрачного поезда» маячила высокая тощая фигура в черном. Узкие черные джинсы, мешковатая рубашка и широкополая ковбойская шляпа. Он стоял спиной ко мне и разглядывал «Поезд», но я видел длинные белые волосы, струящиеся по его спине...

«Ты все еще не отпустил меня, Эдди?»

Бред. Это невозможно. Это не мистер Хэллоран. Не может этого быть. Он мертв! Его нет. Его похоронили. Но ведь и Шона тоже...

— Эд? — Энджи попыталась заглянуть мне в глаза. — Все хорошо?

— Я...

Я обернулся и посмотрел на «Призрачный поезд», но странный человек уже ушел — темная тень скрылась за углом.

— Прости, мне нужно... нужно кое-что проверить.

Я спрыгнул с карусели.

— Эд! Ты что, просто возьмешь и уйдешь?

Энджи уставилась на меня так, словно готова была откусить мне голову. Я понял, что наши с ней забавы в «Поезде» были последними и новые не предвидятся в ближайшие сто лет, но тогда это казалось не важным. Мне нужно было уйти. Нужно было узнать.

— Прости, — буркнул я, развернулся и помчался через ярмарку.

Забежал за «Поезд» — как раз чтобы увидеть, как темная фигура скрывается за стойкой с сахарной ватой и шариками. Я ускорился, по пути врезаясь в людей, — они выругались мне вслед, но я даже не обернулся. Мне было плевать.

Не уверен, что я преследовал реального, живого человека, но к призракам мне не привыкать. Даже теперь, когда я стал старше, все равно нет-нет да выглядываю из окна спальни и проверяю, не шастает ли внизу Шон Купер. Мне все еще страшно — каждый раз, когда я слышу дурной запах, боюсь ощутить прикосновение полуразложившейся ладони к своему лицу.

Я поспешно миновал автодром и «Орбитер». Когда-то он казался огромным, но теперь, по сравнению с американскими горками и другими новыми аттракционами, выглядел как детские качельки. Я уже почти догнал его. Но затем человек неожиданно остановился сам. Я тоже — и спрятался за тележкой с хот-догами. Человек сунул руку в карман и вытащил пачку сигарет.

И тогда я понял, в чем ошибся. Его руки. Они не выглядели бледными и ухоженными. Нет, они были темными, смуглыми, с длинными кривыми ногтями. Человек обернулся. Я взглянул в его осунувшееся лицо. Морщины казались такими глубокими, словно кто-то вырезал их лезвиями. Глаза напоминали два голубых драгоценных камня, похороненных в складках глубоких шрамов. Бледно-рыжая борода спускалась до середины груди. Это был не мистер Хэллоран. Это был обычный цыган.

— На что смотришь, сынок? — спросил он резким ржавым голосом.

— Нет... ничего. Пр... простите.

Я развернулся и поспешил прочь — так быстро, как мне это позволяло достоинство или, точнее, его остатки. Отбежав достаточно далеко, я позволил себе остановиться и отдышаться. Подождал, пока схлынет тошнота. А затем встряхнул головой. Вместо рвоты из моего рта вырвался нервный смех. Не мистер Хэллоран, не Меловой Человек, а просто какой-то ярмарочный дед. Наверняка под ковбойской шляпой он лысый.

Бред, бред, бред, что за бред! Прямо как тот гребаный гном в «А теперь не смотри».^[34] Кстати, мы с Гавом посмотрели этот фильм пару лет назад, и то только потому, что узнали о том, что Дональд Сазерленд и Джули Кристи взаправду занимались сексом в кадре. И мы оказались здорово разочарованы, потому что Джули Кристи толком и не показали, зато без конца тыкали камеру в тощую бледную задницу Сазерленда.

— Эд? Что случилось?

Я обернулся и увидел, что ко мне бегут Хоппо с девчонками. Похоже, они все решили не кататься на карусели. И Люси была этим очень недовольна.

Я постарался унять свой смех, чтобы не выглядеть конченным психом.

— Мне показалось, я видел его. Мистера Хэллорана. Мелового Человека.

— Прикальываешься?

Я потряс головой:

— Это был не он.

— Конечно нет. — Хоппо нахмурился, разглядывая меня. — Он же мертв.

— Да знаю я, просто...

Я взглянул на их обеспокоенные, озадаченные лица и медленно кивнул:

— Знаю. Я ошибся. Полный бред...

— Да ладно, — сказал Хоппо, хотя все еще выглядел встревоженным. — Пойдем выпьем.

Я посмотрел на Энджи. Она вяло улыбнулась и протянула мне руку. Похоже, меня простили. Так быстро. Как, впрочем, и всегда.

И все же я с благодарностью взялся за нее. А потом она спросила меня:

— Что еще за Меловой Человек?

Мы расстались вскоре после того случая. Думаю, все дело в том, что мы с ней были очень разные. Да и не слишком хорошо знали друг друга. Или потому, что на мне уже тогда висел груз прошлого и я нуждался в особенном человеке, готовом разделить это бремя со мной. Может, именно поэтому я так долго оставался один. Я до сих пор не нашел такого человека. Пока еще нет. А может, никогда и не найду.

После ярмарки я поцеловал на прощание Энджи и неторопливо побрел домой. На улице висела послеполуденная жара и было удивительно пусто. Люди искали убежища в тени пивных двориков и прохладной свежей зелени. Даже дороги оставались пустыми. Никто не хотел жариться в раскаленных консервных банках на колесах.

Я завернул за угол. Мне все еще было не по себе после случившегося на ярмарке. А еще я чувствовал себя глупо. Самую малость. Я так легко испугался, так легко поверил в то, что это он! Вот идиот. Ну конечно, это был не он. Это же невозможно. Просто очередная попытка отрицать очевидное.

Я вздохнул, пересек двор и толкнул входную дверь. Папа сидел в своем любимом кресле в гостиной и бессмысленно пялился в телевизор. Мама готовила ужин. У нее были красные глаза, как будто она плакала. Но мама ведь не плачет. Не так-то это просто — довести ее до слез. Думаю, я унаследовал это от нее.

— Что случилось? — спросил я.

Она промокнула глаза, но говорить, что все нормально, не стала. Врет она так же часто, как и плачет. Или тогда мне так казалось.

— Отец, — коротко ответила она.

Ну да, что же еще. Иногда — и мне до сих пор стыдно за это — я просто ненавижу отца за его болезнь. За то, что он говорил и делал из-за своей болезни. За этот пустой потерянный взгляд. За то, как сильно его болезнь ударила по нам с мамой. Когда ты подросток, тебе больше всего на свете хочется быть просто нормальным. А наша жизнь с отцом была очень, очень далека от того, что можно считать нормальным.

— Что на этот раз? — спросил я, с трудом скрывая отвращение.

— Он забыл... забыл, кто я, — сказала мама, и я увидел, как ее глаза наливаются слезами. — Я принесла ему обед, и он посмотрел на меня так, будто не узнал.

— Ох, мам...

Я привлек ее к себе и обнял так крепко, как только мог, — словно таким образом хотел выжать из нее всю боль. Хотя какая-то часть меня часто задумывалась о том, что забвение милосердно.

А вот память...

Память — это жестокий убийца.

— Никогда не предполагай, — сказал мне однажды папа. — Слово «предполагать» включает в себя слово «лагать».

Я посмотрел на него, и он продолжил:

— Видишь этот стул? Ты думаешь, что утром он будет стоять здесь же, на этом самом месте?

— Да.

— Значит, ты предполагаешь?

— Да, наверное, да.

Тогда папа взял стул и поставил его на стол.

— Единственная возможность быть уверенным в том, что стул останется там же, где и стоял, — это приклеить его к полу.

— Но это ведь не совсем честно.

— Люди всегда будут врать, Эдди, — более серьезным тоном произнес папа. — Поэтому всегда задавай вопросы. Всегда старайся заглянуть глубже, за рамки очевидного.

— Ладно, — кивнул я.

Дверь в кухню открылась, и вошла мама. Она посмотрела на стул, а затем — на нас с папой и сокрушенно покачала головой:

— Вряд ли я захочу знать, что тут происходит.

Никогда не предполагай. Задавай вопросы. Смотри за рамки предложенного.

Мы строим предположения, потому что это самый простой способ. Можно не напрягаться и не задумываться — особенно о том, что нам неприятно. Но отказ думать может привести к непониманию. А оно — к трагедии.

Так же случилось и с Гавом. Бездумная шутка стала причиной смерти. Лишь потому что он, будучи ребенком, не хотел задумываться о последствиях. Или мама. Она не думала о том, что если расскажет папе о Ханне Томас, это приведет к серьезным неприятностям.

Она предполагала, что папа сможет сохранить секрет. Или, например, мальчик, который украл серебряное колечко. Он решил вернуть его, поскольку предполагал, что это правильно, и, конечно же, страшно, страшно ошибся.

Предположения могут повести и другой дорогой. Из-за предположений мы перестаем видеть людей такими, какие они есть, в том числе и самых близких.

Я предполагал, что Никки навещала своего отца в приюте, но, как оказалось, это была Хлоя. Я предполагал, что увидел на ярмарке мистера Хэллорана, но на самом деле это был обычный ярмарочный дед. Даже Пенни, Дама из Сада, ввела всех в заблуждение. Все верили в то, что она все эти годы ждала своего мертвого жениха Фердинанда. Но Фердинанд не был ее женихом. Им был бедняга Альфред. Все это время она ждала своего любовника.

Вовсе не любовь оказалась бессмертной. Бессмертными оказались измена и двуличие.

На следующее утро я первым делом взял в руки телефон. Хотя нет, первым делом я выпил несколько кружек предельно крепкого кофе и выкурил полдюжины сигарет, и уже потом начал звонить. Сначала — Гаву и Хоппо, а потом — Никки. Она, конечно же, не ответила. Я оставил ей невнятное сообщение и очень надеялся, что она удалит его, не прослушав. Наконец я позвонил Хлое.

— Ну не знаю, Эд.

— Мне нужно, чтобы ты это сделала.

— Да я много лет с ним не разговаривала. Мы не так уж близки.

— Отличная возможность это исправить.

— Ошибаешься, — вздыхает она.

— Может, и так. А может, и нет. Но вообще-то — прости, что напоминаю, — ты мне должна.

— Ну ладно. Я просто не понимаю, почему это так важно. И почему теперь? Гребаный ад, да это было тридцать лет назад, чувак. Просто отпусти и все!

— Не могу.

— Дело же не в Майки, да? Потому что ему-то ты точно ничего не должен.

— Нет. — Я думаю о мистере Хэллоране и о том, что я украл. — Может, я задолжал кому-то еще и сейчас пора возвращать долги.

Элмс — скромный дом престарелых, расположенный в старом поместье в окрестностях Борнмута. Южное побережье усеяно такими поместьями. Оно напоминает огромный старинный особняк, просто некоторые комнаты лучше остальных.

Справедливости ради нужно сказать, что Элмс — место не с самой развитой инфраструктурой. Это тупик на дороге, застроенный маленькими бунгало, старыми и покосившимися. За садиками плохо следят, краска на зданиях шелушится и линяет, облицовку здорово потрепало время. У машин, припаркованных на улицах, тоже тяжелое прошлое. Маленькие, блестящие на солнце — готов поспорить, их ревностно моют каждое воскресенье, — но лет им уже немало. Не худший вариант скоротать старость. Но, с другой стороны, не лучшее вознаграждение за сорок лет тяжелого труда.

Иногда я думаю о том, как бессмысленно все, к чему мы стремимся в этой жизни. Мы работаем из последних сил — и все ради того, чтобы купить роскошный большой дом для своей семьи и «Кантрисайд-Дестройер 4×4», собираясь ездить на нем ближайшие сто лет. А затем дети вырастают и съезжают, и тебе приходится приобрести модель попроще — экономичную и не такую вредную для окружающей среды, и чтобы в ней хватало места, быть может, еще и для собаки. После чего ты выходишь на пенсию, и твой большой дом превращается в пыльную тюрьму с запертыми дверями. В саду когда-то устраивали отличные семейные барбекю, но теперь он требует утомительного ухода, да и дети давным-давно устраивают собственные барбекю, уже у себя дома. А потом, и это время наступает гораздо быстрее, чем кажется, ты сам становишься тем, за кем нужно ухаживать. И ты убеждаешь себя: как хорошо, что я вовремя переехал, в маленькой комнате нет места для одиночества. Если повезет, ты помрешь до того, как сморщишься, ссохнешься и будешь валяться в маленькой комнатке, на кровати с решетчатой спинкой, неспособный подтереть собственный зад.

Охваченный именно такими мрачными мыслями, я паркуюсь на небольшом участке дороги рядом с двадцать третьим домом. Поднимаюсь по дорожке и нажимаю на дверной звонок. Ожидаю несколько секунд. Собираюсь позвонить снова, но тут вижу, как за узорчатым стеклом мелькает чья-то тень. Звенит дверная цепочка, щелкают замки, и дверь наконец открывается. Вот это забота о безопасности. Но неудивительно, учитывая его профессию.

— Эдвард Адамс?

— Да.

Он протягивает ладонь. Секундное колебание — и я пожимаю ее.

В последний раз, когда я видел констебля Томаса, он стоял на крыльце моего дома почти тридцать лет назад. Он все еще худой, хотя и не такой высокий, как мне казалось. Я даже немного выше его, но не зря же говорят, что с возрастом люди усыхают. Его темные волосы поседели и почти все выпали. Квадратное лицо уже не такое жесткое, его здорово потрепала жизнь. Теперь оно похоже на чуть расплавленный кубик лего.

— Спасибо, что согласились встретиться, — говорю я.

— Признаюсь, я не был уверен... Однако Хлоя сумела меня заинтересовать. — Он отступает. — Прошу, проходите.

Я ступаю в маленькую узкую прихожую. Пахнет застоявшейся едой и освежителем воздуха. Довольно тяжелый запах для освежителя.

— Гостиная налево.

Я вхожу в удивительно просторную гостиную с продавленными диванами и цветастыми занавесками. Похоже, выбирала их женщина.

Хлоя сказала, что ее дедушка переехал на юг, после того как вышел на пенсию. Через пару лет после этого его жена умерла. Интересно, именно тогда он перестал мыть в доме стены и ухаживать за садом?

Томас жестом предлагает мне присесть на самый большой диван из двух.

— Хотите выпить?

— Эм-м, нет, спасибо, но я не отказался бы от кофе. — Это ложь, я хочу выпить, но в то же время не желаю превращать эту встречу в обычный дружеский визит. Только не в данном случае. Тема слишком серьезная.

— Хорошо. — Он поднимается, вид у него несколько растерянный. Похоже, к нему не так часто заходят гости. В этом мы с ним немного похожи.

Но в конце концов он снова садится и кладет руки на колени.

— Итак, дело Элайзы Рэнделл, верно? Как же давно это случилось! Вы были одним из тех детей, которые ее нашли?

— Да.

— И теперь у вас есть предположение насчет того, кто мог ее убить?

— Да, именно так.

— Вы думаете, полиция ошиблась?

— Как и мы все.

Он почесывает подбородок:

— Доказательства были весьма убедительны. Все совпадало. Да, именно так, совпадало. Если бы Хэллоран не вскрылся, не думаю, что нам удалось бы завести дело. Главным доказательством стало ее кольцо.

Я чувствую, как кровь приливает к щекам. Даже сейчас, спустя столько времени. Опять это кольцо. Это чертово кольцо.

— Но мы так и не нашли орудие убийства, и анализ крови ничего не дал. — Он молчит. — Ну и голова, конечно. Мы так и не смогли ее отыскать. — Он смотрит на меня чуть внимательнее, как будто эти тридцать лет внезапно исчезли и у него в голове снова зажегся свет. — Так, может, озвучите свои предположения? — спрашивает он, слегка наклоняясь вперед.

— Могу я сначала задать несколько вопросов?

— Думаю, да, но не забывайте, я не вел это дело. Я был простым констеблем.

— Мои вопросы не касаются того дела. Я хотел спросить о вашей дочери и отце

Мартине.

— Не понимаю, какая тут связь, — жестко произносит он.

«Прямая», — думаю я.

— Давайте вы мне и скажете.

— Я могу просто попросить вас уйти.

— Да, можете.

Я жду. Это блеф. Уверен, он и правда хочет выставить меня за дверь, но надеюсь, что любопытство и старые полицейские инстинкты возьмут верх.

— Ну хорошо, — говорит он наконец. — Я вам расскажу. Но только ради Хлои.

— Понимаю, — киваю я.

— О нет, не понимаете. Она — это все, что у меня осталось.

— А как насчет Ханны?

— Я потерял дочь уже очень, очень давно. А сегодня я поговорил с внучкой — впервые за два года. Если благодаря беседе с вами я смогу снова с ней повидаться, тогда хорошо, мы пообщаемся. Понимаете, о чем я?

— Вы хотите, чтобы я уговорил ее встретиться с вами?

— Вас она точно слушает.

Не думаю, но она все равно мне должна.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Отлично. О большем я не прошу. — Он откидывается на спинку дивана. — Так о чем вы хотите знать?

— Об отце Мартине. Как вы... относитесь к нему?

— Думаю, это вполне очевидно, — фыркает он.

— А Ханна?

— Она была моей дочерью. И я любил ее. И сейчас люблю.

— А когда она забеременела...

— Я был разочарован. Любой отец на моем месте чувствовал бы себя так же. И еще я был зол. Думаю, именно поэтому она солгала мне о том, кто был отцом ребенка.

— Она сказала, что это Шон Купер.

— Да. Не стоило ей этого делать. Потом мне было стыдно за то, что я оклеветал мальчишку. Но тогда, не будь он уже мертв, я бы сам его прикончил.

— Как отца Мартина?..

— Он получил по заслугам. — Томас чуть заметно улыбается. — Я должен поблагодарить за это твоего отца, не так ли?

— Наверное, да.

— Ханна не была идеальной дочерью, — вздыхает он. — Она была обычным подростком. Мы частенько ссорились с ней — из-за ее макияжа или длины ее юбок. Я даже радовался, когда она затесалась в группу поклонников Мартина. Думал, что ей это пойдет на пользу. — Звучит горький смешок. — Как же я ошибался! Он просто уничтожил ее. Мы с ней когда-то были очень близки. Но в то время мы постоянно ссорились.

— И вы с ней поссорились в тот день, когда убили Элайзу?

Он кивает:

— Очень сильно. Сильнее, чем раньше.

— Из-за чего?

— Потому что она хотела навестить его в приюте Святой Магдалины и сообщить, что

решила оставить ребенка. И что она будет его ждать.

— Но ведь она любила его.

— Она и сама была ребенком. Она понятия не имела о том, что такое любовь. — Он качает головой. — У вас есть дети, Эд?

— Нет.

— Вы мудрый человек. С того момента, как в вашей жизни появляются дети, вы переполняетесь любовью... и ужасом. Особенно если это дочери. Маленькие девочки. Их хочется защитить буквально от всего на свете. А когда у тебя не получается, ты сразу начинаешь думать, что ты плохой отец. Вы спасли себя от океана боли.

Я слегка ерзаю в кресле. Даже несмотря на то, что в комнате прохладно, мне жарко, я почти задыхаюсь. Разговор нужно вернуть в изначальное русло.

— Итак, вы говорили, что в тот день, когда убили Элайзу, Ханна отправилась навестить отца Мартина?

Он собирается с духом:

— Да. Мы ужасно поссорились. И она сбежала. На ужин не пришла. Поэтому я и был в городе той ночью. Пытался найти ее.

— И вы оказались рядом с лесом?

— Я подумал, что она могла спрятаться в лесу. Они ведь встречались там иногда. — Он хмурится. — Обо всем этом мне доложили еще тогда...

— Мистер Хэллоран и Элайза тоже встречались в лесу.

— Да-да, все детишки встречались там и творили непотребства... Детишки... и извращенцы, — выплевывает он.

Я опускаю взгляд.

— Мне очень нравился мистер Хэллоран, — говорю я. — Но, похоже, он был всего-навсего педофилом, как отец Мартин.

— Нет. — Томас качает головой. — Хэллоран не имел ничего общего с Мартином. Я его не оправдываю, нет. Но Мартин был лицемером, лжецом, который во всеуслышание славил Господа, — и все ради того, чтобы привлечь внимание молоденьких девушек. Из-за него Ханна очень изменилась. Он делал вид, что любит ее, окружает заботой, но на самом деле просто отравлял ее сердце, а когда этого оказалось мало — впрыснул ей в утробу ублюдка.

Взгляд его голубых глаз становится острее лезвия. В уголках губ скопилась слюна. Говорят, что нет ничего сильнее любви. И они правы. Во имя этого чувства и совершаются самые страшные преступления.

— Поэтому вы это сделали? — тихо спрашиваю я.

— Сделал что?

— Вы пошли в лес и увидели ее там, не так ли? Она стояла и ждала его... Это вас сломало? Вы схватили ее... и задушили еще до того, как она обернулась. Возможно, вам было невыносимо даже смотреть на нее, а когда вы увидели, когда поняли, какую совершили ошибку, было уже слишком поздно? А потом вы вернулись и разрубили ее тело на куски. Не знаю, правда, зачем вам это понадобилось. Чтобы спрятать труп? Или просто чтобы запутать следствие...

— Что за бред вы несете?!

— Вы убили Элайзу, перепутав ее с Ханной. У них были похожие фигуры, а Элайза как раз недавно выкрасила волосы в белый цвет. В темноте легко ошибиться, особенно когда ты

расстроен и зол. Вы подумали, что Элайза — это ваша дочь, испорченная, отравленная пастором, с ублюдком в живо...

— НЕТ! Я любил Ханну! Я хотел, чтобы она оставила ребенка. Да, я считал, что ей нужно отдать его кому-то на усыновление, но я никогда не смог бы причинить ей боль. Никогда! — Он вскакивает. — Не нужно мне было соглашаться на эту встречу. Я думал, вы что-то знаете, но это... Я прошу вас немедленно уйти.

Я с удивлением смотрю на него снизу вверх. Я надеялся увидеть вину или страх на его лице, но ошибся. Все, что я вижу, — это боль и злость. Целый океан боли.

Теперь и мне плохо. Я чувствую себя последним дерьмом. Да, я совершил ошибку. Ужасную ошибку.

— Простите, я...

Его взгляд пронзает меня до костей.

— «Простите, что я обвинил вас в убийстве собственной дочери»? Думаю, слова «простите» здесь недостаточно, мистер Адамс.

— Да... да, разумеется, вы правы. — Я поднимаюсь и иду к двери.

А затем слышу, как он говорит мне вслед:

— Стойте.

Я оборачиваюсь. Он идет ко мне навстречу.

— Мне бы стоило вам врезать за такие слова...

Я чувствую эхо слова «но». По крайней мере мне хочется в это верить.

— Но... подмена личности. Это интересная теория.

— И ошибочная.

— Может быть, не совсем. Может, вы просто пришли не к тому человеку.

— О чем вы говорите?

— Не считая Хэллорана, ни у кого не было мотива для убийства Элайзы. Но Ханна... Тогда у отца Мартина было много поклонников. Если кто-то из них узнал об их отношениях и о том, что она ждет ребенка... он мог приревновать его. Страшно приревновать. И убить ее.

А это любопытно.

— Вы не знаете, где они теперь, эти поклонники?

Он качает головой:

— Нет.

— Понятно.

Томас почесывает подбородок. Похоже, что он ведет какую-то молчаливую борьбу с самим собой. Наконец он говорит:

— В ту ночь, когда я искал Ханну в лесу, я видел кое-кого. Было темно, и он находился довольно далеко, но я помню... Кажется, на нем был рабочий комбинезон. И еще он прихрамывал.

— Не помню такого подозреваемого...

— Его никогда и не рассматривали в этом качестве.

— Почему?

— А зачем, если у нас уже был подозреваемый, и к тому же мертвый? Никаких проблем с судом. Да я того человека толком и не разглядел.

Он прав. Это мало чем поможет.

— В любом случае спасибо.

— Тридцать лет — это долгий срок. Знаете, есть вопросы, на которые невозможно получить ответ.

— Знаю.

— А бывает и хуже. Мы находим ответы... но совсем не те, которые хотели.

— И это я тоже знаю.

К тому моменту, как я добираюсь до своей машины, меня уже трясет. Открываю окно, достаю сигареты. Жадно закуриваю. Приехав сюда, я сразу выключил мобильный. Включаю его и сразу вижу пропущенный звонок. Точнее, два. Я еще никогда не пользовался такой популярностью.

Я включаю голосовую почту и прослушиваю два сбивчивых сообщения, одно — от Хоппо, второе — от Гава. И оба — об одном и том же: «Эд, я насчет Майки. Убийцу нашли».

Они сидят за тем же столом. Все как всегда, разве что перед Гавом не обычная диетическая кола, а пинта эля.

Не успеваю я присесть к ним со своей кружкой, как Гав шлепает на стол передо мной газету. Я смотрю на заголовок:

ПОДРОСТКИ-УБИЙЦЫ С РЕКИ

Два пятнадцатилетних подростка обвиняются в умышленном нападении на местного обывателя Майки Купера, 42 лет. Два дня назад эту же пару арестовали на месте преступления за попытку ограбления. Полиция пытается установить связь между этими событиями.

Я быстро просматриваю статью до конца. Об ограблении я не слышал, тогда у меня на уме было совсем другое. Я хмурюсь.

— Что-то не так? — спрашивает Гав.

— Тут не говорится прямо, что они напали на Майки, — говорю я. — Это лишь домыслы. Все это никак не связано ни с его книгой, ни с меловыми человечками. Взяли и слепили первые попавшиеся факты, чтобы поскорее закрыть дело.

— Возможно. А уже известно, что это за дети?

— Говорят, один из твоей школы. Дэнни Майерс, кажется, его зовут...

Дэнни Майерс. Почему-то я не удивлен. Кажется, люди скоро совсем перестанут меня удивлять. И все же...

— Ты как будто не веришь, — говорит Хоппо.

— В то, что Дэнни мог кого-то ограбить? Он и не такую хрень творил, чтобы произвести впечатление на своих дружков. Но убить Майки...

Да, я действительно не верю. Слишком это просто. Похоже, кто-то облажался. И опять у меня что-то чешется в памяти...

Тот же участок реки...

Я встряхиваю головой:

— Думаю, Гав прав. Наверное, это самое подходящее объяснение.

— Ну и детишки пошли, да? — вставляет Хоппо.

— Да... — медленно говорю я. — Кто знает, на что они способны.

Пауза. Она тянется и тянется. Мы попиваем эль.

— Майки с ума сошел, если бы узнал, что его назвали «местным обывателем», — наконец говорю я. — Он бы, наверное, хотел прочитать о себе что-то вроде «орел высокого рекламного полета».

— Да... но «местный» — это еще не так плохо. Его называли и похуже, — говорит Гав. А затем его лицо становится каменным. — Поверить не могу, что он заплатил Хлое за то, чтобы она за тобой следила. И сам послал нам те письма.

— Наверное, он просто хотел добавить перца в свою книгу, — говорю я. — Письма лишь помогли ему выстроить сюжет.

— Да уж, у Майки всегда хорошо получалось устраивать смуту, — кивает Хоппо.

— И бурю в стакане дерьма, — добавляет Гав. — Будем надеяться, что это конец

истории.

Хоппо поднимает кружку:

— За это и выпьем.

Я тоже тянусь к кружке — просто чтобы отвлечься. Но случайно сталкиваю ее, пытаюсь перехватить на лету, однако она переворачивается и падает Гаву на колени.

Гав взмахивает рукой.

— Ерунда. — Он оттирает пиво от джинсов.

Меня в который раз поражает резкий контраст между его накачанными руками и тоненькими слабыми ногами.

Крепкие ноги.

Слова врываются в мой разум, точно непрошенные гости.

Он всех провел.

Я так резко вскакиваю, что чуть не переворачиваю остальные кружки.

Именно там они и встречались.

Гав хватает свою кружку:

— Какого черта?!

— Я был прав...

— О чем ты?

Я смотрю на них:

— Я ошибался, но все равно оказался прав. То есть... это безумие. Трудно поверить, но... теперь все ясно. Твою ж мать... все ясно!

Дьявол во плоти. Покайся.

— Эд, да о чем ты говоришь? — спрашивает Хоппо.

— Я знаю, кто убил Девушку с Карусели, то есть Элайзу. Я знаю, что с ней случилось...

— Что?

— Божий... промысел...

— Как я уже сказала вам ранее по телефону, мистер Адамс, сейчас не время для посещений.

— А я вам сказал: мне нужно его увидеть, это очень важно!

Медсестра — та самая, строгая, с жестким лицом, с которой мы уже встречались раньше, с удивлением взирает на нас троих — меня, Хоппо и Толстяка Гава. Они тоже захотели прийти. Почти вся моя банда в сборе. И это — наше последнее приключение.

— Я так понимаю, вопрос жизни и смерти, не меньше.

— Именно так.

— И до утра это подождать не может?

— Нет.

— Вы же понимаете, что пастор в ближайшее время все равно никуда не денется?

— Я бы не был так в этом уверен.

Она бросает на меня странный взгляд. И тут до меня доходит — она тоже знает. Они все знают, но никто из них ничего не сказал.

— Не очень это приятно — когда ваших подопечных находят на улицах города, не так ли? Для вас же лучше, если мы все это замнем. Особенно если вы хотите, чтобы церковь и дальше продолжала вас финансировать.

Ее глаза сужаются.

— Вы — идите за мной. А вы двое, — она тыкает пальцем в сторону Хоппо и Гава, — ждите здесь. — Затем она бросает на меня еще один странный взгляд. — У вас есть пять минут, мистер Адамс.

Я иду за ней по коридору, освещенному жестким светом флуоресцентных ламп. В дневное время это место выглядит как обычная больница. Но не ночью. Здесь не бывает ночей. Здесь всегда светло. Всегда шумно. Отовсюду доносятся стоны и хрипы, скрип дверей и шорох подошв чьих-то туфель по линолеуму.

Мы останавливаемся перед дверью в комнату пастора. Медсестра, мисс Конгениальность, бросает на меня последний предупреждающий взгляд, снова показывает мне «пять минут» растопыренными пальцами, а затем стучит в дверь.

— Отец Мартин? К вам посетитель.

На один краткий безумный миг мне кажется, что сейчас дверь распахнется и мы увидим, как он стоит на пороге и холодно улыбается.

Покайся.

Но, конечно же, в ответ — тишина. Медсестра оглядывается на меня, а затем осторожно приоткрывает дверь.

— Ваше преподобие?

Я улавливаю сомнение в ее голосе — оно так же ощутимо, как порыв ледяного воздуха.

У меня нет времени ждать. Я протискиваюсь мимо нее. В комнате пусто, окно открыто нараспашку, занавески плещутся на вечернем ветру. Я оборачиваюсь.

— Вы что, не ставите замки на окна?

— В этом не было необходимости...

— Ну да, и это несмотря на то, что он и раньше выбирался погулять, не так ли?

Она смотрит мне прямо в глаза:

— Он ходил, только когда был чем-то очень расстроен.

— Думаю, сегодня — именно такой день.

— В общем-то, да. У него был посетитель. Он переволновался. Но обычно он никогда не уходит далеко.

Я подбегаю к окну и выглядываю на улицу. Сумерки опускаются. Все, что я вижу, — это массивную черную тень леса. Далеко не уйдешь. Да и кто его увидит отсюда?

— Не думаю, что это опасно, — говорит медсестра. — В конце концов он всегда возвращается.

Я резко оборачиваюсь к ней:

— Вы сказали, у него был посетитель. Кто к нему приходил?

— Его дочь.

Хлоя. Она пришла попрощаться. На меня накатывает ужас.

Пара ночей на природе еще никому не навредила.

— Мне нужно объявить тревогу, — говорит медсестра.

— Нет. Вам нужно позвонить в полицию. Причем немедленно!

Я перекидываю ногу через подоконник.

— И куда это вы собрались?!

— В лес.

Лес стал намного меньше, чем казался нам, когда мы были детьми. Взрослые все видят иначе. А теперь от леса почти ничего не осталось. Чем больше разрастались жилые участки,

тем меньше становилось старых дубов и сикомор. Но сегодня лес кажется огромным и массивным, переполненным тьмой, опасностью и неприятностями...

На этот раз веду я. Мертвые листья хрустят у меня под ногами, свет еле живого фонарика, любезно одолженного мисс Конгениальность, освещает мне путь. Порой он отражается от глаз каких-то лесных тварей, которые при виде нас тут же прячутся обратно во мрак. Есть существа, которые активны при свете дня, а есть те, которые выбираются из своих нор только по ночам. Я, несмотря на свою бессонницу и лунатизм, точно не ночное существо. То есть не совсем.

— Все хорошо? — шепчет мне на ухо Хоппо, и я подпрыгиваю от неожиданности.

Он сам захотел пойти со мной. Гав ждет нас в приюте — остался следить за ситуацией. А еще — чтобы проконтролировать, что они действительно позвонят в полицию.

— Да, — шепчу я в ответ. — Просто вспомнил наше детство... как мы выбирались в лес.

— Ага, — шепчет Хоппо. — И я тоже.

Интересно, почему мы шепчемся. Нас ведь все равно никто не слышит. Только местные обитатели...

Может, я ошибался. Может, его здесь нет. Может, Хлоя прислушалась ко мне и сняла комнату в хостеле. Может...

Крик разносится по лесу, как вопль банши. Все деревья разом вздрагивают, и ночь наполняется шорохом черных крыльев.

Я смотрю на Хоппо, и мы, не сговариваясь, срываемся на бег. Свет фонарика плещется позади нас. Мы прорываемся сквозь ветки и спутанные заросли. И наконец вырываемся на маленькую полянку. Прямо как раньше...

Прямо как в моих снах...

Я резко останавливаюсь, и Хоппо врывается в меня. Я оглядываюсь кругом, подсвечивая фонариком. Посреди полянки стоит измятая маленькая палатка. Перед ней — куча одежды и рюкзак. Но ее здесь нет. На секунду я испытываю облегчение, но все-таки по инерции завершаю круг, и свет моего фонарика выхватывает еще одну кучу одежды. Слишком... большую...

Господи, это не одежда.

— Нет! — Я подлетаю к ней и с размаху падаю в траву на колени. — Хлоя!

Срываю с нее капюшон. Ее лицо — белое как мел, шея изрезана, но она все еще дышит. Слабо, прерывисто, но дышит. Она не мертва.

Похоже, мы успели как раз вовремя. И, как бы мне ни хотелось найти его и схватить, это подождет. Сейчас самое главное — это Хлоя. Я оглядываюсь на Хоппо, который неуверенно топчется на границе полянки.

— Нужно вызвать «скорую».

Он кивает, достает телефон и хмурится, вглядываясь в него.

— Сигнала почти нет. — Он подносит его к уху...

А в следующую секунду его уже нет. Не только телефона, но и уха. Там, где оно было всего секунду назад, — огромная окровавленная дыра. Всплеск серебра, фонтан темной крови, а затем его рука обрывается и повисает на нитках мышц.

Я слышу крик. Но это кричит не Хоппо. Сам Хоппо поднимает на меня непонимающий взгляд, а затем падает на землю с утробным стоном.

Этот крик издаю я.

Пастор выходит из тени и переступает через поверженного Хоппо. В одной руке у него

топор — блестящий и мокрый от крови. На нем куртка приютского садовника, надетая прямо поверх пижамы.

«Кажется, на нем был рабочий комбинезон. И еще он прихрамывал».

Он приволакивает ногу и тащится ко мне, его дыхание рваное, лицо — изможденное и потрепанное. Он выглядит как зомби... Вот только глаза. Они более чем живые и подсвечены хорошо знакомым мне после встречи с Шоном Купером безумным огнем.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Все мои нервы звенят: беги! Но как я могу бросить Хлою и Хоппо? Хуже того, Хоппо истекает кровью, как долго он протянет? В отдалении слышен вой сирен. Хотя, возможно, это лишь мое воображение. С другой стороны... я могу попытаться отвлечь его и поговорить.

— Что, хотите убить нас, отче? А разве убийство — не смертный грех?

— «Ибо вот, все души — Мои: как душа отца, так и душа сына — Мои: душа согрешающая, та умрет. Если кто праведен и творит суд и правду...»^[35]

Я стою, не двигаясь, чувствую, как немеют ноги, и смотрю, как с блестящего лезвия топора капает кровь Хоппо.

— Поэтому вы решили убить Ханну? Потому что она была грешницей?

— «Не пожелай красоты ее в сердце твоём, и да не увлечет она тебя ресницами своими; потому что из-за жены блудной обнищают до куска хлеба, а замужняя жена уловляет дорогую душу. Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?»^[36]

Он подступает еще ближе, собирая мертвой ногой мертвые листья. Его топор раскачивается. Это все равно что пытаться завести разговор с библейским Терминатором. И все же я не сдаюсь, хотя мой голос дрожит.

— Она носила вашего ребенка. Она любила вас. Разве это ничего для вас не значит?

— «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».^[37]

— Но вы же не отрезали свою руку. Вы не Ханну убили, а Элайзу!

Он останавливается. Я вижу, как на его лице мелькает сиюминутная неуверенность.

— Вы ошиблись, ваше преподобие. Вы убили не ту девушку. Невинную. Но вы ведь и так об этом знали, разве нет? Взгляните своим демонам в лицо: в глубине душе вы знали, что и Ханна была невинна. Единственный грешник — это вы, отче. Вы — лжец, лицемер и убийца.

Он ревет, как зверь, и бросается на меня. Я в последний момент подныриваю и бросаюсь ему навстречу, толкаю его плечом в живот. Я слышу, как из его груди вырывается вздох, он отступает на несколько шагов, а затем замахивается, и деревянная ручка топора обрушивается на мою голову. Мы с пастором падаем на землю.

Я пытаюсь подняться и одновременно схватиться за топор, но моя голова пульсирует от боли, зрение расплывается, я ничего не вижу. Перекатываюсь набок, но пастор тут же наваливается сверху. Его пальцы сцепляются в замок у меня на шее. Я пытаюсь ударить его и стряхнуть с себя, но мои руки почему-то онемели, удар получается слабый. Мы кубарем катаемся по земле. Контуженный борется с зомби. Его пальцы сжимаются все сильнее. Я отчаянно пытаюсь их разжать. Кажется, что грудь вот-вот взорвется, глаза — словно раскаленные шарики, которые вот-вот вылетят из черепной коробки. Зрение угасает так,

словно кто-то медленно задвигает передо мной занавес...

«Ну нет, так все это не закончится», — шепчет мой жаждущий кислорода мозг. Это не конец. Я сумею выкрутиться, прямо как Доктор Кто. Но тут его хватка неожиданно ослабевает. Я снова могу дышать и тут же стряхиваю его руки со своей шеи. Зрение проясняется. Пастор смотрит на меня, глаза у него огромные. Его губы приоткрываются:

— Покайся...

Последние слова выплескиваются из него одновременно с фонтаном крови. Его глаза по-прежнему смотрят прямо на меня, но жизнь в них угасает. Теперь это просто шарики с разноцветной жидкостью. Все, что в них было, исчезло без следа.

Я выбираюсь из-под него. Из его спины торчит топор. Я поднимаю взгляд. Никки стоит над телом своего отца. Ее лицо, одежда и руки перепачканы кровью. Она смотрит на меня так, словно впервые заметила.

— Прости. Я не знала. — Она опускается на корточки, слезы текут по ее лицу, смешиваясь с кровью. — Я должна была прийти раньше. Я должна была...

Вопросы. Как много вопросов! Но я могу справиться только с «как», «где» и «что», но что касается вопроса «почему», тут у меня нет ответов. И близко нет.

Никки приехала вскоре после того, как получила мое сообщение. Когда она поняла, что дома меня нет, то наведальась в «Бык». Шэрил сказала ей, куда мы отправились, а медсестры в приюте дополнили историю. Никки осталась верна себе и пришла к нам на выручку. И как же я этому рад!

Хлоя действительно решила навестить своего отца в тот день — в последний раз. И это была ее ошибка. И зря она упомянула, что хочет провести ночь в лесу. И зря покрасила волосы в белый. Думаю, в этом было все дело. Она стала слишком похожа на Ханну. И разбередила то, что не следовало...

Что касается рассудка преподобного, то врачи так и не пришли к единому мнению. Говорили ли все эти его вспышки сознания, хождение по ночам и убийства о временном пробуждении из полукоматозного состояния, или все дело было в другом? Пусть он и инвалид, но нельзя отрицать то, что он — убийца.

Однако теперь он мертв, и правду мы никогда не узнаем. Хотя я уверен, что кое-кому наверняка удастся заработать и прославиться благодаря этой истории, написав пару статей для газет или, быть может, целую книгу. Майки в гробу перевернется.

Основная теория, по большей части выстроенная мной же, заключается в следующем: пастор убил Элайзу, перепутав ее с Ханной. Шлюха, которая носила в себе его ублюдка и, согласно его извращенной логике, разрушила его репутацию. Зачем он разрубил ее тело на части? Что ж, думаю, единственное объяснение — это слова, которые я услышал от него в лесу: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну».

Может, он надеялся, что по частям она сможет попасть в рай. Может, он просто понял свою ошибку. Или не было никакой причины. Кто знает, что на самом деле происходило у него в голове. Бог ему судья и все такое, но все же хотелось бы увидеть его за решеткой. Увидеть, как восторжествует справедливость.

В полиции подумывают о том, чтобы возобновить дело Элайзы Рэнделл. Судебная экспертиза продвинулась вперед, можно сделать анализ ДНК и проверить другие трюки, которые любят показывать в криминальных сериалах. И доказать, что именно пастор виновен в ее убийстве. Но я не жду их вердикта, затаив дыхание. Проведя ночь в лесу, где руки пастора сомкнулись на моей шее, я планирую еще долго дышать полной грудью.

Хоппо почти поправился. Ему даже пришили на место ухо. Не сказать, чтобы вышло идеально, и теперь он отпускает волосы. С рукой все сложнее. Они сделали все, что могли, но нервы — хрупкая субстанция. Ему сказали, что со временем он сможет частично восстановить управление этой конечностью. Наверное. Пока рано судить. Толстяк Гав утешает его по-своему: говорит, что Хоппо теперь может парковаться где ему вздумается. А для дочки у него остается вторая рука.

В течение нескольких следующих недель журналисты осаждали весь город и меня в частности. Я не хотел с ними общаться, но Толстяк Гав согласился дать интервью. И

несколько раз упомянул в нем свой бар. Когда я заглядывал туда в последний раз, там яблоку было негде упасть. Ну хоть что-то хорошее произошло.

Моя жизнь постепенно вернулась на прежние рельсы. За исключением кое-каких деталей. Я позвонил в школу и сказал, что не вернусь после осенних каникул. А потом позвонил риелтору.

В мой дом явился лохотронщик с модной стрижкой и в дешевом костюме. Огляделся. Я молчал и не сказал ни слова, пока он шатался по комнатам, заглядывал в шкафы, простукивал половицы, издавал возгласы «М-м-м...» и «Ух ты!» и рассказывал о том, что за последние несколько лет цены на недвижимость взлетели до небес. И хотя дом неплохо бы «проапгрейдить», он был готов назначить цену, от которой мои брови медленно уползли на лоб.

Через несколько дней после этого перед моим домом появилась табличка «Продается».

Я надеваю свой лучший черный костюм, приглаживаю волосы и аккуратно повязываю на шею темно-серый галстук. Уже собираюсь уходить, как вдруг слышу стук в дверь. Секунду я сомневаюсь, а затем быстро подхожу к двери и резко открываю ее.

На пороге стоит Никки. Она оглядывает меня с головы до ног.

— Неплохо.

— Спасибо. — Я рассматриваю ее ярко-зеленое пальто. — Я так понимаю, ты не в гости пришла?

— Нет. Я приехала встретиться с адвокатом.

Несмотря на то, что Никки спасла трех человек, ее все равно могли арестовать за убийство отца.

— Не хочешь остаться еще ненадолго?

Она отрицательно качает головой:

— Передай, пожалуйста, остальным, что мне очень жаль, но...

— Уверен, они все поймут.

— Спасибо. — Она протягивает мне ладонь. — Я просто хотела сказать... прощай, Эдди.

Я смотрю на ее руку. А затем делаю то же самое, что сделал когда-то. Много-много лет назад. Шаг навстречу — и я обнимаю ее. Она на секунду напрягается, но затем обнимает меня в ответ. Я делаю глубокий вдох. Теперь она уже не пахнет ванилью и жвачкой. От нее пахнет мускусом и сигаретами. Я не цепляюсь за нее, нет. Я ее отпускаю.

В конце концов мы отступаем друг от друга. Мое внимание привлекает что-то блестящее у нее на шее.

— Ты все еще носишь его? — Я сдвигаю брови.

Она опускает взгляд.

— Да. Он всегда со мной. — Она поправляет маленький серебряный крестик. — Это странно, да? Так цепляться за то, с чем связано много плохого.

— Не обязательно. Некоторые вещи так просто не отпустить.

Она улыбается мне:

— Удачи тебе, Эдди.

— И тебе.

Я смотрю ей вслед, пока она спускается по дорожке и исчезает за углом. Держаться за что-то. Отпускать что-то. Иногда это одно и то же.

Я снимаю с вешалки пальто, проверяю, на месте ли фляжка — она в кармане, — и

выхожу за дверь.

Октябрьский воздух, прохладный и свежий, нежно кусает меня за щеки. Я с чувством странного удовлетворения сажусь в машину и завожу мотор. Когда я доезжаю до крематория, становится немного теплее.

Я ненавижу похороны. Да и кто их вообще любит, кроме могильщиков? Но некоторые похороны даже хуже, чем все остальные. Например, когда хоронят ушедших раньше срока. Или младенцев. Кукольный гробик, исчезающий в темной яме. Никому бы не пожелал такое увидеть.

Прочие похороны просто исполнены безысходности. Например, смерть Гвен до сих пор остается шоком для всех. Но, как в случае с папой, когда тебя покидает сознание, тело неизбежно следует за ним.

Соболезнующих не очень много. Гвен многие знали, но друзей у нее не было. Здесь моя мама, Гав и Шэрил, и еще несколько человек, в домах которых она убиралась. Ли, старший брат Хоппо, не смог — или не захотел — вырваться. Хоппо сидит в первом ряду, утопает в слишком большом пальто, его рука перевязана. Он похудел и выглядит старше. Его выписали из больницы всего несколько дней назад. И назначили ему психолога.

Гав сидит в кресле слева от него, а Шэрил справа. Мы с мамой устроились рядом с ними. Когда я усаживаюсь, мама берет меня за руку. Как в детстве. Я крепко сжимаю ее руку в ответ.

Сами похороны и служба проходят довольно быстро. С одной стороны, это милосердие, с другой — попытка показать, как семьдесят лет жизни на этой планете можно с легкостью уместить в десять минут и приправить парочкой бессмысленных рассуждений о Боге. Если на моих похоронах кто-то помянет имя Господа, от души надеюсь, что он сторит в аду.

Кремация — это еще проще. Занавески раздвигаются, потом сходятся, и все. Не нужно топтаться в церковном дворике, нет ямы, проглатывающей гроб. Я хорошо помню, как проходили похороны Шона Купера.

Вместо этого мы выходим в сад памяти, разглядываем цветы и чувствуем себя неловко. Гав и Шэрил хотят устроить небольшие поминки в «Быке», но я не думаю, что кто-то придет.

Я побеседовал с Гавом, а затем оставил маму с Шэрил и улизнул за угол — быстренько выкурить сигаретку и приложиться к фляге. А еще — побыть немного вдали от людей.

Но, похоже, не только мне пришла в голову эта заманчивая идея. Возле ряда небольших надгробий, на которых указано, где развеян или захоронен прах, стоит Хоппо. Надгробия близ крематория всегда казались мне игрушечной версией настоящих кладбищ.

— Привет. — Хоппо поднимает голову, когда я подхожу ближе.

— Если я спрошу «Как ты?», это будет очень глупый вопрос?

— Я в порядке. Наверное. Я знал, что это случится, но к такому все равно невозможно подготовиться.

Это правда. К смерти невозможно подготовиться. Она слишком окончательна. Мы привыкли полностью контролировать свою жизнь. Менять ее. Но смерть не терпит ни рассуждений, ни жалоб, ни уговоров. Смерть — это смерть, у нее на руках все козыри. Даже если один раз и удастся ее обыграть, во второй раз она этого уже не позволит.

— Знаешь, что хуже всего? — говорит Хоппо. — Я даже... облегчение чувствую от того, что ее больше нет. Что мне больше не нужно с ней возиться.

— Я чувствовал то же самое, когда не стало отца. Это не делает тебя плохим человеком.

Признай, ты рад, что ее больше нет. Как и ее болезни.

Я протягиваю ему флягу. Поколебавшись, он все же принимает ее и отпивает.

— Ну а вообще, как ты? — спрашиваю я. — Как рука?

— Почти не чувствую. Но врачи говорят, что нужно подождать.

Ну конечно. Мы всегда ждем. Тянем время. А потом оно просто заканчивается.

Он возвращает мне флягу. Хотя мне и хочется выпить, я жестом предлагаю ему еще. Он пьет, я закуриваю.

— А ты? — спрашивает он. — Готов к переезду в Манчестер?

Я планирую какое-то время поработать на замене. Манчестер — отличное место. Поможет взглянуть на ситуацию издалека. Рассмотреть все подробности.

— Как раз собираюсь, — говорю я. — Хотя мне кажется, что дети сожрут меня заживо.

— А Хлоя?

— Она не едет.

— Я думал, вы...

Я качаю головой:

— Считаю, что нам с ней лучше остаться друзьями.

— Ты серьезно?

— Да.

Как бы мне ни нравилась мысль о том, чтобы начать встречаться с Хлоей, я ей в этом смысле неинтересен. И никогда не буду. Я ей не подхожу, как и она мне. К тому же теперь я знаю, что она — младшая сестра Никки, а это уже как-то неправильно. Им нужно налаживать отношения. А я не хочу стать причиной, по которой они могут испортиться.

— Так или иначе, — говорю я, — может, я скоро обзаведусь подружкой-северянкой.

— С тобой случались и более странные вещи.

— Правда?

Пауза. На этот раз, когда Хоппо протягивает мне флягу, я беру ее и делаю глоток.

— Думаю, теперь все это и правда позади, — говорит он, и я понимаю, что он имеет в виду не только меловых человечков.

— Да, наверное.

Пусть даже в нашем сюжете и остались небольшие дыры и незавершенные линии.

— Ты так не думаешь, похоже.

Я пожимаю плечами:

— Просто осталось кое-что, чего я так и не понял.

— Например?

— Ты никогда не задумывался о том, кто на самом деле отравил Мерфи? Это никак не укладывается у меня в голове. Я уверен, что это Майки отвязал его, да. Может, потому, что хотел тебя задеть. И рисунок тоже оставил он. Но я все равно не верю в то, что он его убил. А ты?

Он молчит очень долго, прежде чем ответить. На секунду мне кажется, что ответа и не последует. А затем он говорит:

— Он и не убивал. Никто не убивал. По крайней мере нарочно.

— Не понимаю. — Я неотрывно смотрю на него.

Он смотрит на флягу. Я протягиваю ее ему. Он осушает ее одним махом.

— Мама уже тогда стала немного рассеянной. Часто клала вещи не туда, куда надо, путала все. Один раз я заметил, как она насыпает хлопья в кофейную кружку и заливает ее

кипятком.

Знакомо.

— Однажды, примерно через год после смерти Мерфи, я пришел домой и увидел, как она готовит Дружку еду. Она положила в миску корм, а потом добавила туда что-то из коробки в шкафу. Я думал, это тоже сухой корм. А потом узнал, что это была отравка для улиток. Она просто перепутала коробки.

— Вот черт.

— Да. Я вовремя ее остановил, кажется, мы даже пошутили об этом. Но тогда я задумался: что, если она и раньше это делала? С Мерфи?

Я пытаюсь осознать его слова. Это не назовешь убийством. Даже непреднамеренным. Просто ужасная, ужасная ошибка.

«Никогда ничего не предполагай, Эдди. Задавай вопросы. Всегда старайся взглянуть за рамки предложенного».

У меня невольно вырывается смешок.

— Мы ошиблись. Опять!

— Прости, что не сказал тебе раньше.

— Зачем говорить о таком?

— Что ж, думаю, теперь одним неразрешенным вопросом меньше?

— Одним.

— А есть и другие?

Я крепче затягиваюсь:

— Та вечеринка. Когда случилась авария. Майки сказал, что кто-то подлил ему алкоголь в напиток.

— Майки всегда много врал.

— Но не об этом. Он никогда не садился пьяным за руль. И он очень любил свою машину. Он бы не стал ею так рисковать.

— И что?

— Я думаю, кто-то и правда подлил ему алкоголь. Кто-то, кому хотелось, чтобы он попал в аварию. Это был тот, кто действительно его ненавидел. Но этот человек не мог предположить, что в машине с ним окажется и Гав.

— Тогда этот кто-то — паршивый друг.

— Я не думаю, что этот человек был его другом. Ни тогда, ни сейчас.

— И что ты хочешь сказать?

— Ты виделся с Майки в тот день, когда он вернулся в Эндерберри. В самый первый день. Ты сказал Гаву, что вы с ним разговаривали.

— И что же?

— Все думают, что в ту ночь Майки напился и его понесло в парк, потому что он вспомнил о своем брате, но я в это не верю. Я считаю, он пошел туда специально. Чтобы встретиться с кем-то.

— Что ж, так и вышло. Он встретился с парой воришек.

Я встряхиваю головой:

— Им так и не предъявили обвинение. Маловато доказательств. К тому же они отрицают, что были в парке в ту ночь.

Он размышляет над моими словами.

— Значит, вышло все именно так, как я и говорил. Майки напился и упал в реку.

— Потому что «фонари не горели по всей аллее», — киваю я. — Именно об этом ты упомянул, когда я сказал, что Майки упал в реку и утонул. Так?

— Так.

Мое сердце пропускает удар.

— Откуда ты знал о фонарях? Тебя же там не было?

Лицо Хоппо темнеет.

— Зачем мне убивать Майки?

— Потому что он узнал, что это ты подстроил аварию? Он собирался рассказать обо всем Гаву и написать об этом в книге. Вот ты мне и скажи зачем.

Он смотрит на меня чуть дольше, чем нужно, — от этого мне не по себе. А затем протягивает мне флягу и шлепает ею по моей груди.

— Иногда, Эд... лучше не знать всех ответов.

Две недели спустя

Какой удивительно маленькой кажется прошлая жизнь, когда ты закрываешь за ней дверь!

Раньше мне казалось, что к сорока двум годам я добьюсь намного большего и оставлю куда более значительный след на этой земле. Но нет, как и у всех остальных людей, большую часть моей жизни — по крайней мере, ее материальной составляющей — удалось с легкостью запихнуть в один небольшой грузовик.

Дверь грузовика захлопывается. Внутри — маркированные коробки. В них надежно упакованы все мои сокровища. Ну или почти все.

Я улыбаюсь грузчикам — надеюсь, что жизнерадостно и дружелюбно.

— Это последние?

— Ага, — отзывается самый старший и потрепанный член команды. — Все разложено как надо.

— Хорошо. Отлично.

Я оглядываюсь на дом. Табличка «Продано» укоризненно смотрит на меня с газона — как будто хочет сказать мне, что я в чем-то облажался и слишком рано признал поражение. Я думал, что мама расстроится, когда узнает, что я продаю дом, но, похоже, она обрадовалась. Для нее это облегчение. И еще она настояла на том, что не возьмет с этой продажи ни копейки.

— Тебе эти деньги нужнее, Эд. Устройся. Начни все с чистого листа. Иногда это бывает необходимо нам всем.

Когда грузовик отъезжает, я поднимаю руку в прощальном жесте. Я арендовал небольшую однокомнатную квартиру, так что коробки временно переедут в хранилище. Я медленно возвращаюсь в дом.

Странно. Теперь, когда все мои пожитки отсюда исчезли, жизнь кажется маленькой, а дом, наоборот, огромным. Какое-то время я бесцельно брожу по коридорам, а затем поднимаюсь наверх, в свою комнату.

На полу под окном темное пятно — здесь раньше стоял комод. Я опускаюсь рядом с ним на колени, достаю небольшую отвертку и снимаю половицу. Внутри остались только две коробочки.

Я осторожно вынимаю первую, большую и пластмассовую. Прямо под ней — мой старый рюкзак. Мама купила его, когда я потерял бананку на ярмарке. Я не упоминал об этом? Мне очень нравился этот рюкзак. На нем изображены черепашки-ниндзя, и он куда круче и удобнее, чем бананка. Намного удобнее для того, кто любит собирать разные вещи...

Я взял его с собой, когда выехал в лес тем ранним холодным утром. Я был один. Не знаю почему. Было очень рано, и я редко выезжал в лес в одиночестве. Особенно зимой. Может, меня вело предчувствие. В конце концов, никогда не угадаешь, попадет ли что-то интересное.

А в то утро я нашел кое-что очень интересное.

Я буквально наступил ей на руку. Когда шок схлынул и я осмотрелся там, то нашел и ногу. Потом левую руку. Туловище. И в конце концов — самый главный элемент этой человеческой мозаики. Ее голову.

Она покоилась в куче листьев и смотрела на деревья. Солнечный свет лился сквозь

переплетение голых ветвей и окрашивал лесные лужи золотом. Я опустился на колени рядом с ней. А затем протянул руку, которая слегка подрагивала от нетерпения, коснулся ее волос и отбросил их с лица. Шрамы уже не казались такими страшными. Так же, как мистер Хэллоран смягчил их своей кистью, смерть сгладила их нежным прикосновением своих костлявых пальцев. Она снова стала прекрасной. Но грустной. И растерянной.

Я погладил пальцами ее лицо, а затем, почти машинально, поднял ее голову. Она оказалась тяжелее, чем я думал. И теперь, когда я прикоснулся к ней, я понял, что не смогу просто взять и положить ее на место. Так же, как не мог бросить ее гнить в куче листьев. Смерть не только снова сделала ее прекрасной. Она сделала ее особенной. И я один мог это понять. Для меня одного это имело значение — ведь за эту особенность я мог держаться...

Осторожно и благоговейно я вытащил ее из кучи листьев и положил к себе в рюкзак. Там было тепло и сухо, и ей не приходилось больше смотреть на открытое солнце. Я не хотел, чтобы она испугалась темноты или чтобы мелок попал ей в глаз, поэтому решил прикрыть ей веки.

Прежде чем уйти из леса, я достал мелки и нарисовал указатели к разным частям ее тела, чтобы полиция смогла их отыскать. Я был уверен, что их скоро найдут.

Со мной никто не заговаривал и не пытался меня остановить на обратном пути. Если бы мне кто-то попался, я бы, наверное, сознался. Но нет, я благополучно вернулся домой и спрятал рюкзак с очередным сокровищем под половицей.

Конечно, потом я понял, какие у меня из-за этого могут возникнуть проблемы. Я знал, что должен был сразу рассказать обо всем полиции. Но что, если бы они спросили насчет головы? Я совершенно не умел лгать. А если бы они поняли, что это я ее взял? Меня отправили бы за решетку.

Так и возникла эта идея. Я нарисовал меловых человечков. Для Хоппо, для Толстяка Гава и Майки. Я использовал мелки разных цветов, когда рисовал этих человечков, чтобы сбить всех со следа. Чтобы никто не узнал, кто на самом деле их рисует.

Я нарисовал человечка и для себя, после чего притворился — причем так, что и сам поверил в собственное притворство, — будто увидел его, только когда проснулся. А затем отправился на площадку.

Майки уже был там. И все остальные явились тоже. Словно я знал, что так и будет.

Я заглядываю в рюкзак. На меня смотрят ее пустые глазницы. Желтоватый череп покрыт мягкими, похожими на сахарную вату волосами. Если присмотреться, можно увидеть несколько порезов на кости в том месте, где в ее лицо вонзилась железка с карусели.

Она не оставалась здесь все время. Спустя несколько недель вонь, наполнившая мою комнату, стала просто невыносимой. В комнатах у мальчиков-подростков всегда пованивает, но не настолько же. Я вырыл яму в нашем саду и хранил ее там несколько месяцев. Но потом вернул на место. Мне хотелось, чтобы она была рядом со мной. В безопасности.

Я прикасаюсь к ней в последний раз. Смотрю на часы. Кладу коробку обратно в рюкзак, застегиваю его и спускаюсь по лестнице.

Кладу рюкзак в багажник и заваливаю куртками и пальто. Не думаю, что кто-то остановит меня и расспросит о содержимом багажника, но кто знает. Это будет очень неловко.

Я уже собираюсь сесть в машину, как вдруг вспоминаю о том, что забыл оставить ключи. У агента были ключи, но я должен передать свои новым владельцам.

Я пересекаю подъездную дорожку и бросаю ключи в почтовый...

Стоп. Почтовую...

Я пытаюсь вспомнить, но чем больше прилагаю усилий, тем быстрее все крошится и разлетается в прах. Почтовую. Черт. Почтовую...

Перед моим мысленным взором возникает отец. Он смотрит на дверную ручку и никак не может вспомнить это простое, очевидное и в то же время неуловимое слово. Вижу его лицо, испуганное и растерянное.

Думай, Эд, думай.

А потом я вспоминаю. Почтовая... щель. Да, почтовая щель.

Я встряхиваю головой. Как глупо. Я запаниковал, вот и все. Я просто устал, да еще весь этот стресс, связанный с переездом... Все в порядке. Я — не мой отец.

Я бросаю ключи в щель для почты в двери и слышу звон, с которым они падают на пол. А затем возвращаюсь к машине и сажусь на водительское сиденье.

Почтовая щель. Так просто.

Я завожу мотор и отъезжаю.

В Манчестер. В будущее.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Благодарности

Во-первых, спасибо тебе, дорогой читатель, за то, что ты решил прочесть эту книгу. За то, что ты потратил на нее свои нелегким трудом заработанные деньги, взял в библиотеке или одолжил у друга. Как бы она ни попала к тебе — огромное, крупнейшее спасибо.

Также я хочу поблагодарить своего непревзойденного агента Мэделайн Мильберн за то, что она заметила мою рукопись и выудила ее из мусора. Ты. Лучший. Агент. В мире. Также спасибо Хейли Сид, Терезе Коэн, Анне Хогарти и Джилесу Мильерну за их труд и советы. Ребята, вы просто фантастика.

Спасибо прекрасной Максине Хичкок из «MJ Books» за наши беседы о младенческих какашках. Ну и за то, что ты — такой прозорливый и вдохновляющий редактор. Спасибо и Натану Роберсону из «Crown US» за то же самое (кроме разве что бесед о какашках). Спасибо Саре Дэй за редактирование и всем в «Penguin Random House» за поддержку.

Спасибо всем моим редакторам по всему земному шару. Надеюсь, мы когда-нибудь встретимся!

Ну и, конечно, спасибо моему многострадальному Нилу за его любовь, поддержку и все те вечера, которые он провел, общаясь с поднятой крышкой моего ноутбука. Спасибо Пат и Тему за то множество вещей, которые они для меня сделали. И, разумеется, моим родителям — просто за все.

Мы почти закончили, честное слово.

Спасибо Карлу за то, что терпел мои скучные рассказы о работе писателя, когда я гуляла с собакой. И за морковь, конечно, тоже!

И наконец, спасибо вам, Клэр и Мэтт, за то, что купили нашей малышке такой восхитительный подарок на ее второй день рождения — коробочку цветных мелков.

Смотрите, что вы наделали.

---

notes

«Семейка Аддамс» (англ. «The Addams Family») — фильм режиссера Барри Зонненфельда, снятый по мотивам одноименного сериала 1960-х годов и комиксам Чарльза Аддамса. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*

«Семейка монстров», «Мюнстеры» или «Мюнстры» — американский телевизионный ситком с изображением домашней жизни семьи добрых монстров, транслировавшийся в 1964–1966 годах.

Джон Патрик Макинрой-младший — американский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира.

Отсылка к фильму «Шейн» и одному из его главных героев — мальчику по имени Джи, который стал другом ковбоя Шейна.

Дэвид Боуи (1947–2016) — британский рок-певец и автор песен, а также продюсер, звукорежиссер, художник и актер.

Луддиты (англ. *luddites*) — участники стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. С точки зрения луддитов, машины вытесняли из производства людей, что приводило к технологической безработице. Часто протест выражался в погромах и разрушении машин и оборудования.

Элис Купер (род. в 1948) — американский рок-певец и автор песен.

Джули Элизабет Эндрюс (род. в 1935) — британская актриса, певица и писательница. Обладательница премий «Эмми», «Грэмми», «Золотой глобус» и «Оскар». *(Примеч. ред.)*

Британская сеть универмагов со штаб-квартирой в Лондоне. Компания основана в 1778 году в Лондоне, а универмаг работает с 1905 года.

Международная сеть розничной торговли с богатейшей историей.

Американская рок-группа с фронтменом Джерри Гарсией, основанная в 1965 году в Сан-Франциско. После выступлений на фестивалях в Монтерее и в Вудстоке группа заняла важное место на американской музыкальной сцене и в контркультуре.

Умлаут, умляут — фонетическое явление сингармонизма в некоторых языках (германских, кельтских, а также уральских и алтайских языках), заключающееся в изменении артикуляции и тембра гласных.

Майкл Барратт, более известный под сценическим псевдонимом Шейкин Стивенс, — британский певец, достигший наибольшей популярности в 80-е годы XX века.

Джек Скеллингтон — вымышленный персонаж, фантастический герой поэмы Тима Бертона «Кошмар перед Рождеством» и одноименного кукольного мультфильма по ее мотивам. (*Примеч. ред.*)

«Donkey Kong» — компьютерная игра для аркадных автоматов, разработанная компанией «Nintendo» и выпущенная в 1981 году. «Pac-Man» — компьютерная игра в жанре аркада, разработанная компанией «Namco» и впервые вышедшая в 1980 году в Японии.

«Spar» — сеть продуктовых супермаркетов всемирно известной торговой марки.

«Blu Task» — продукт, способный стать заменой скотчу, кнопкам и скрепкам, если верить креаторам из сингапурского агентства *DDB Worldwide*.

Имеется в виду история о Чарльзе Чиппинге — он же мистер Чипс. Эта история основывается на рассказе Д. Хилтона и повествует о том, какую роль может сыграть человек в судьбе других.

«Iron Maiden» — британская хэви-метал-группа, которая в начале 1980-х гг. являлась одним из известнейших представителей новой волны британского хэви-метала, а позже оказала значительное влияние на развитие метала в целом.

Евангелие от Иоанна, 8:44.

Евангелие от Луки 8:17.

Мирный женский лагерь, организованный в знак протеста против ядерного оружия, расположенный на базе ВВС Гринхэм-коммон, графство Беркшир, Англия.

Имеется в виду американский детективный сериал «Коломбо». Момент истины наступает обычно тогда, когда преступник предпринимает какой-либо решительный шаг, не догадываясь, что идет в ловушку.

Имеется в виду мюзикл Йена Брэдли «You've got to have a dream».

Харлан Кобен — американский писатель, автор детективных романов-триллеров, сюжет которых часто связан со «спящими убийствами» в прошлом и пропажами без вести. (Примеч. ред.)

Джиттербаг — популярный в 1930—50-е годы танец, характеризующийся быстрыми, резкими движениями, похожий на буги-вуги и рок-н-ролл. (*Примеч. ред.*)

Детский телевизионный сериал, который шел на канале Би-би-си-1 с 1982 по 1987 год.

Американская рок-группа, образованная бывшим участником «Нирваны» Дейвом Гролом в 1995 году.

Одна из лучших в мире марок джина, которая производится по старинному рецепту 1761 года.

Персонаж черной комедии британского режиссера Брюса Робинсона «Уитнейл и я» (1987). (*Примеч. ред.*)

Культовый британский фантастический сериал об инопланетном путешественнике во времени. Сериал идет на канале Би-би-си с 1963 г., за это время главного героя сыграли несколько актеров, в том числе Питер Дэвисон (Пятый Доктор) и Колин Бейкер (Шестой Доктор). Далек — внеземная раса мутантов, стремящаяся завоевать Вселенную. (*Примеч. ред.*)

Вымышленная военная организация из британских научно-фантастических телесериалов «Доктор Кто», «Торчвуд», «Приключения Сары Джейн», созданная Алистером Гордоном Летбридж-Стюартом в конце 1960-х годов в Британии.

Раса из фантастического сериала «Доктор Кто». Представляют собой людей, заключивших свой мозг и остальную центральную нервную систему в техногенный корпус.

«А теперь не смотри» — мистический триллер англичанина Николаса Роуга, действие которого происходит в современной Венеции. Экранизация одной из самых поздних новелл Дафны Дюморье, изданной в 1971 году.

Иезекииль 18:4,5.

«Книга Притчей Соломоновых», глава 6.

Библия от Матф. 5:29–30.